

ОГОНЁК

№ 21 МАЙ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 21 (1718)

22 МАЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Н. С. Хрущев сердечно беседует с французами. →

Н. ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора
и корреспондента ТАСС В. Соболева.

Сейчас, когда передаются в Москву эти строки, Председатель Совета Министров СССР наносит прощальный визит президенту Франции генералу де Голлю в Елисейском дворце, в том самом потемневшем от времени здании, где должно было начаться совещание глав правительств четырех держав.

Открытый «ЗИЛ-111» мягко прошуршал по усыпанному гравием двору, остановился у парадного подъезда. Гвардейцы в пышных мундирах наполеоновских времен взяли на караул. Сотни объективов фото- и киноаппаратов нацелены на ступеньки парадного подъезда, по которым входит глава Советского правительства, представитель великого народа, который твердо стоит на страже мира и решительно пресекает замыслы провокаторов войны.

Взоры народов всего мира были с надеждой обращены к этому дворцу. Люди во всех уголках земного шара ждали, что главы правительств четырех держав, собравшись в Париже, предпримут решительные шаги к ослаблению напряженности, к ликвидации «холодной войны» и тем заложат основы для прочного мира. Но эти надежды были торпедированы еще до открытия совещания. Торпеда пришла 1 мая, пришла из-за океана, из Соединенных Штатов Америки. Она не поколебала твердой уверенности народов, что можно и должно добиваться мира и мирного сосуществования. Но эта торпеда в корне подорвала престиж правящих кругов США и забрызгала грязью тех, кто произносит елейные слова о благоденствии и мире, а на деле ведет разбойничью, провокаторскую политику в отношении Советского Союза, да еще объявляет ее своей государственной политикой.

Представители прессы расположились на крыше галереи, окаймляющей дворец. Те, кому не удалось попасть туда, густой толпой сгрудились у ворот на тротуаре. Пока за сводчатыми окнами дворца идет беседа, все мысленно перебирают события последних пяти дней в Париже.

Вспоминается аэродром Орли, где мы ожидали прибытия Н. С. Хрущева.

Утро было хмурым, моросил дождь. По дороге на аэродром мы встретили длинный черный лимузин: в Париж торопился канцлер Аденауэр. Но вот тучи рассеялись, брызнуло веселое майское солнце,— как раз тогда, когда на бетонной дорожке аэродрома приземлился советский самолет.

— Даже погода ведет себя весьма символично,— заметил по этому поводу корреспондент одной французской газеты.

Тысячи парижан и парижанок встречали Н. С. Хрущева на пути к советскому посольству. По авеню Дюмен в это время проходила окруженная родственниками свадебная пара, очевидно, только что после венчания. Невеста в фате, с букетом цветов, жених в черной визитке, с гвоздикой в петлице. Когда показалась машина с высоким гостем из Советского Союза, молодожены, нарушив торжественность шествия, бросились к обочине тротуара. Невеста машет букетом, приветствуя представителя народа, который больше всех трудится, чтобы ее будущие дети жили в мире и счастье.

Прибыв в советское посольство, Н. С. Хрущев вскоре отправился осматривать Париж. Вечерние газеты удивлялись: Хрущев запросто гуляет по Парижу, без охраны. Жители его тотчас же узнают, отмечали корреспонденты, и шумно приветствуют.

Затем глава Советского правительства отправился на дачу посольства в местечке Брюнуа. В то время, когда Никита Сергеевич оживленно беседовал с жителями местечка, шутил с детьми и затем утром

СОВЕЩАНИЕ В ВЕРХАХ СОРВАНО ПРАВИТЕЛЬСТВОМ США

← ПАРИЖ. Фото А. Федорова.

Н. С. Хрущев и Морис Торез у здания советского посольства.

Импровизированная пресс-конференция Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева перед зданием посольства СССР на улице де Гренель.

косил траву на газоне у виллы, в Париже шла лихорадочная дипломатическая суета. Западные дипломаты то и дело совещались, журналисты сбились с ног, пытаясь разузнать подробности.

Впрочем, многое вскоре стало проясняться. И первым об этом заявил Аденауэр, которого здесь окрестили «американцем номер один». Престарелый канцлер не высидел дома и примчался в Париж. Он был в тревоге: а вдруг его заокеанские покровители и впрямь станут договариваться о разрядке напряженности, об улучшении международной атмосферы? Перед самым открытием конференции он еще раз хотел сам лично убедиться, что западногерманским милитаристам это не угрожает. Вернувшись домой, он немедленно выступил по телевидению и объявил, ссылаясь на свои беседы с Эйзенхауэром: совещание потерпит неудачу, беспокоиться нечего!

Утром 16 мая, когда была назначена предварительная встреча глав четырех правительств, почти три тысячи корреспондентов осадили Елисейский дворец.

Мы стояли на галерее дворца среди тесноты штативов, аппаратов, магнитофонов. В ожидании приезда глав правительств журналисты поглядывали на небо.

— Летает в космосе корабль — невероятно и здорово! — сказал кинооператор, причем слово «корабль» он произнес по-русски. Да, это слово, как прежде «спутник», вошло уже во все языки!

Ко мне подошел корреспондент крупнейшего телеграфного агентства США и сказал:

— Вы накануне переговоров делаете что-нибудь сенсационное, вроде этого космического корабля. Это, наверное, специально?

— А вы накануне переговоров посылаете воздушного шпиона на Урал. Это тоже специально?

В это время раздались сирены, и с прилегающей улицы послышались возгласы: «Хрущев! Хрущев! Мир! Браво, браво!»

Никита Сергеевич первым приехал на заседание. Следом прибыл Макмиллан. Затем явился Эйзенхауэр. За президентом США в Елисейский дворец приехал государственный секретарь США Гертер. Помощник нес его желтый прямоугольный портфель-ящик. На галерее кто-то пошутил: «Ящик Пандоры!»

Началась предварительная встреча глав правительств. Она должна была выяснить возможность проведения совещания на высшем уровне. Предварительная встреча должна была показать, есть ли у представителей Соединенных Штатов Америки искреннее желание способствовать успеху совещания на высшем уровне или они намерены сладкими и уклончивыми речами ввести в заблуждение общественное мнение.

А пока шла предварительная встреча, фотокорреспонденты и кинооператоры, томящиеся в бездействии, без конца фотографировали чью-то шляпу, оставленную в машине советской делегации, предполагая, что она принадлежит Н. С. Хрущеву.

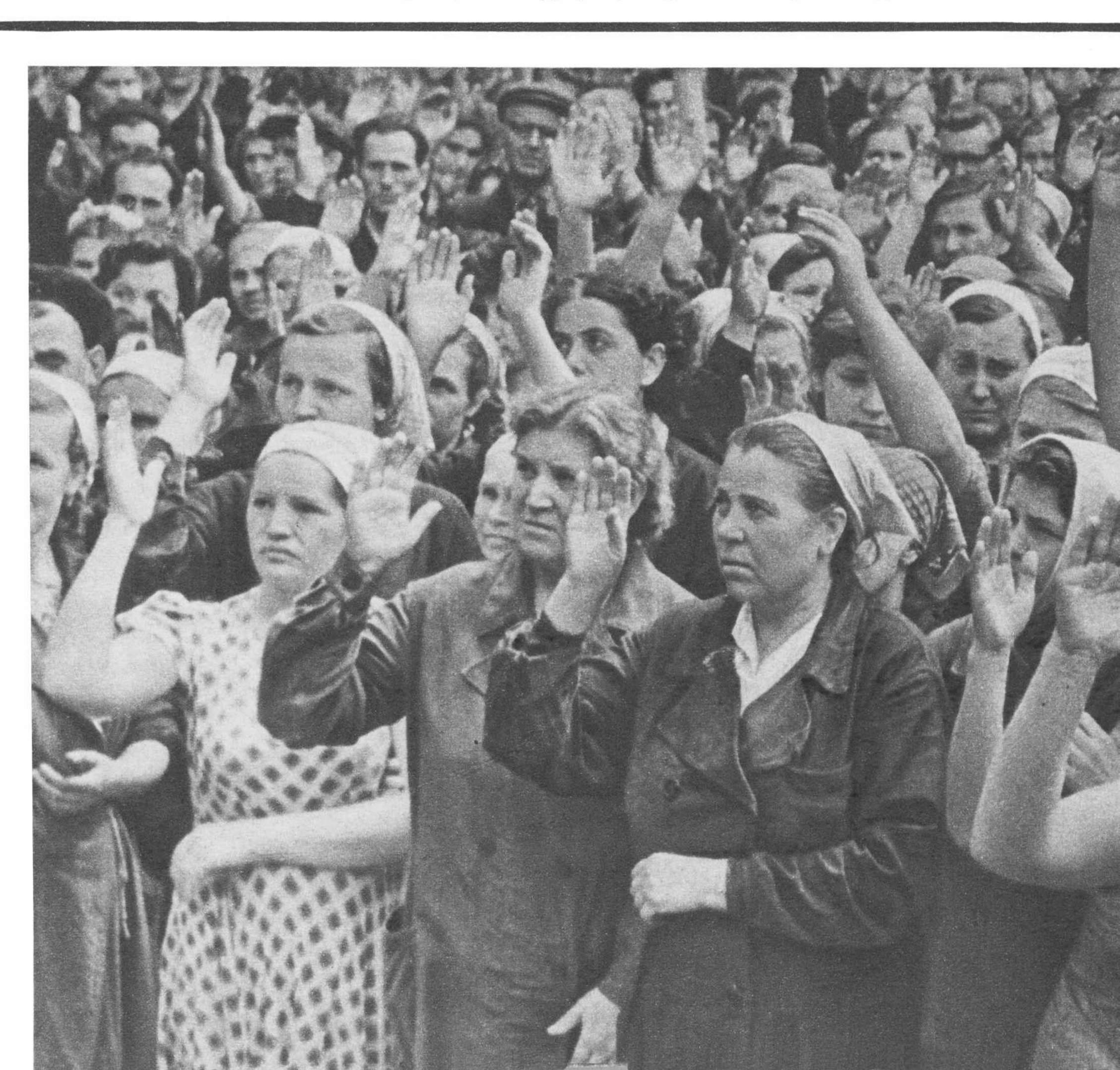
Свою речь на аэродроме по прибытии в Париж президент Эйзенхауэр закончил декларацией, что он молится о том, чтобы милосердие бога помогло прогрессу на пути к миру. Эти постоянные «моления» вызывают нарекания даже у американских конгрессменов, один из которых заявил, что пора перестать взывать к небесам, перейти к практическим делам по укреплению мира на земле.

Пребывание в Париже предоставило президенту Эйзенхауэру отличную возможность для этого. Но он ею не воспользовался. Пока шло заседание в Елисейском дворце, в другом дворце, Шайо, где еще недавно помещался штаб НАТО, собрались журналисты из всех стран. Сегодня в Шайо разместилась международная пресса. Девушки в белых шляпках корзиночками (форма, введенная специально для обслуживаю-

ГНЕВНО, ОТКРЫТО, МУДРО!

Слово, сказанное от имени более чем двухсот миллионов единомышленников,— очень весомое слово. Под заявлением Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева, сделанным 16 мая 1960 года в Париже, стоят подписи всех тех, кто составляет великую семью единомышленников — советский народ.

Честная, прямая политика Советского правительства в ответ на политику шпионско-диверсионных полетов — такой курс одобрен всем нашим народом. Об этом народ заявил на митингах. Об этом говорят люди на заводах и в колхозах, в дальних поездах и в аэропортах, на стройках и в школах...

На снимке: митинг рабочих, служащих и инженерно-технических работников московского завода «Каучук». Участники митинга голосуют за резолюцию, одобряющую Заявление Никиты Сергеевича Хрущева.

Фото А. Новикова.

Теплой и дружеской была встреча Н. С. Хрущева с каноником Киром, мэром города Дижона, депутатом Национального собрания Франции.

17 мая Н. С. Хрущев, Р. Я. Малиновский и С. А. Виноградов посетили деревню Плер. На снимке: жители деревни приветствуют советских гостей.

щего персонала Дома прессы) зарегистрировали почти три тысячи корреспондентов из разных стран.

В ожидании новостей журналисты табунами бродили по залам и комнатам, где еще недавно даже мухи летали по строжайшим военным пропускам, где разрабатывались планы агрессии против Советского Союза и социалистических стран.

Около трех часов дня было объявлено, что вскоре начнется пресс-конференция советской делегации. Тотчас огромный зал заполнился до отказа. На пресс-конференции представитель советской делегации огласил заявление Н. С. Хрущева де Голлю, Макмиллану и Эйзенхауэру на предварительной встрече.

Глава Советского правительства поставил вопрос ясно и прямо: для успеха работы совещания глав четырех держав необходимо очистить атмосферу, которая отравлена бандитским вторжением американских военно-воздушных сил в пределы Советского Союза. Немыслимо вести успешные и продуктивные переговоры, когда один из участников встречи положил в основу своей государственной политики вероломство и агрессию. Пойти в этих условиях на совещание значило бы пойти на сознательный обман народов.

Президент США здесь, в Париже, имел полную возможность доказать, хоть и с опозданием, что он не только молится о мире, но практически делает хоть что-нибудь для него. Для этого ему нужно было осудить агрессивные действия американской военщины, дать обязательство, что подобные вероломные акты повторяться не будут, извиниться и наказать виновников провокации. Но президент не захотел этого сделать. Призрак шпионского самолета «У-2» продолжал летать в Париже, и единственный человек, который мог его сбить, президент Эйзенхауэр, сделать этого не захотел и тем самым сорвал совещание в верхах.

...Вчера вечером, возвращаясь из пресс-центра, я зашел в кафе на бульваре Распай. За соседним столом сидела группа парижан, простых людей, каких я вижу каждый день.

Развернув свежий номер вечерней газеты, они обсуждали новости и, естественно, толковали о совещании, как здесь говорят, «на верхушке».

— Значит, американский президент не хочет признать, что залез в чужой карман, и пообещать, что больше не будет делать этого,— сказал старик в берете.— Как же можно разговаривать с таким человеком? Друзья так не поступают. Он всё говорит о мире, а сам устраивает военные провокации.

— Это американцы сорвали «совещание на верхушке»! — подхватили собеседники старика.— Пусть с этим и убираются за океан. А мы верим Хрущеву: он ведет честную игру, он за мир!

* * *

На пресс-конференции во второй половине дня 18 мая в своем заявлении Н. С. Хрущев сказал: «Мы сделали все для того, чтобы хорошо подготовить встречу глав четырех правительств, но некоторые горячие головы Соединенных Штатов Америки торпедировали ее, прежде чем она могла начаться».

Глава Советского правительства указал, что уклончивые заявления, сделанные Эйзенхауэром по поводу агрессивных действий США против Советского Союза, может быть, удовлетворили бы прислужников империализма. «Мы с оскорблениями мириться не можем... — сказал глава Советского государства,—мы представляем могучее социалистическое государство».

Н. С. Хрущев напомнил всем присутствующим, что Советский Союз по-прежнему твердо стоит за мирное сосуществование, за переговоры, за достижение разумных взаимоприемлемых соглашений.

Париж, 18 мая 1960 года.

И ПОДНИМУТСЯ ВВЫС

Новая победа советской науки

САМАЯ ЯРКАЯ

М. С. ЗВЕРЕВ,
член-корреспондент Академии наук СССР,
заместитель директора Главной астрономической обсерватории в Пулкове

Штурм космоса успешно продолжается. Советские ученые и инженеры упорно, шаг за шагом продолжают разрешать грандиозную задачу проникновения человека в межпланетное пространство. Новый космический корабль поражает своими размерами и весом. Не считая последней ступени ракеты-носителя, он весит 4,5 тонны, что намного превышает все другие ракеты, запущенные человеком. Спутник оснащен научными приборами, в том числе и радиоаппаратурой, действующей по команде с Земли. Помимо этого, в нем имеется герметическая кабина для будущих астронавтов. В новом спутнике впервые предусматривается возможность отделения контейнера с аппаратурой.

Сложнейшая задача возвращения спутника на Землю практически пока не разрешена. Для ее осуществления необходимо специально затормозить ракету еще за пределами атмосферы, так как иначе ракета, врезаясь с космической скоростью в плотные слои воздуха, неминуемо раскалывается и сгорает. Именно так происходило со всеми предыдущими спутниками. Правда, новый корабль-спутник не предназначен для возвращения на Землю, но опыт отделения контейнера будет произведен, и притом в подходящий момент по команде, переданной по радио с Земли.

Пулковские астрономы в боевой готовности. Спутник-гигант отныне — самая яркая звезда на небосклоне. Приборы позволяют нам вести визуальные и фотографические наблюдения небесного светила, созданного гением советской науки.

Мы надеемся, что научная информация о космическом пространстве, полученная с нового спутника, реально приблизит нас к разрешению проблемы полета человека к Луне и к планетам солнечной системы.

ФАНТАСТИКА? НЕТ!

Видали ли вы, как стартует ракета? Набирая скорость, сигарообразный корпус ее с характерным резким гулом врезается в купол неба, вспарывает его и исчезает в выси. Исчезает, чтобы принести людям чрезвычайной важности сведения о том, что окружает нашу планету.

Непроторенными дотоле путями-дорогами путешествуют наши посланцы — ракеты и спутники. Лишь несколько лет назад начали они осваивать околоземное пространство, но «тропинки» для межпланетных кораблей давно прокладываются нашими соотечественниками. Начало этому положил К. Э. Циолковский, у которого в нашей стране немало последователей. И больше всего их среди молодежи.

Не случайно студенты механико-математического факультета МГУ — слушатели кафедры небесной механики и гравиметрии — с такой охотой и увлечением занимаются вопросами межпланетных сообщений, делают сложные расчеты, определяют траекторию полетов ракет и спутников, прокладывают с помощью счетных машин и сложных формул те дороги в небесах, по которым — кто знает? — может быть, отправятся в полет космические корабли.

Кафедру возглавляет профессор Г. Н. Дубошин. Он, как и другие преподаватели кафедры, с юношеским увлечением руководит интереснейшими исследованиями своих питомцев — старшекурсников факультета. На этой кафедре некоторое время назад была подготовлена рекомендованная впоследствии к печати дипломная работа очень любопытного характера. «Смело! Но очень фантастично...» — говорили о ней некоторые автору диплома. Но вот Луну облетела наша ракета, ее предшественница осталась на естественном спутнике Земли, и выяснилось, что работа студента в значительной степени — сегодняшний день астронавтики.

Стоит несколько подробнее рассказать об этом дипломе, коротко пересказать его содержание, не вникая в детали и сложные расчеты. Работа посвящена описанию и расчету траектории полета ракеты.

...19 апреля 196... года. Шесть утра по Гринвичу. Ракета стартует. Она уходит с вращающейся вокруг Земли межпланетной станции и отправилась в сторону Луны...

Набрана необходимая скорость. Космический корабль все ближе к Луне. Пора начинать ее облет. На расстоянии 9 201 километра от Луны, уже на круговой орбите, ракета резко сбрасывает скорость и движется — по космическим понятиям — довольно медленно. И вот 24 апреля, 3 часа 22 минуты 21 секунда. Ракета находится на расстоянии 4 200 километров от Луны. Начинают работать фотоаппараты, ведется съемка. Но этим не ограничиваются «обязанности» ракеты. Ей еще предстоит опуститься на Луну, забрать образцы ее породы и возвратиться. Скоро и это сделано.

Фантастично? Пожалуй, нет. Ведь в этом проекте очень много такого, что уже достигнуто нами...

Кстати сказать, еще один молодой астронавт, тоже будучи студентом, создал и предложил интересный вариант возвращения ракеты-спутника на Землю. Расчеты предполагают, что спуск будет осуществляться по направлению вращения Земли, что дает возможность решить многие технические проблемы. Вся траектория при этом делится на пять условных участков. На первом из них ракета движется соплом вперед, создавая обратную, «отрицательную» тягу. Затем следует второй цикл торможения. За ним — еще большее погружение ракеты в верхние слои атмосферы. Лишь после этого начинается сверхзвуковое планирование. В определенном месте скорость снижается до звуковой. Все остальное — обычное планирование и посадка.

...Немало дерзких исследований проводится на кафедре. Студенты смело смотрят в завтрашний день астронавтики. Несколько студенческих работ рекомендовано к печати. Юноши увлечены проблемами освоения космоса. Они серьезно готовятся к штурму его.

О том, что МГУ уже посматривает на ближайшие планеты как на миры, в которых, может быть, придется и лекции слушать и зачеты сдавать, говорит новый учебный курс, читать который недавно начали на биолого-почвенном факультете. Это курс космической биологии, курс, читаемый для пятикурсников отделения физиологии и высшей нервной деятельности. Уже есть аудитория, которая отведена для лекций по космической биологии. В ней 150 мест. Но этого оказалось мало. На лекции приходит значительно больше слушателей — студентов и даже преподавателей. Многих увлекает новый предмет. Это понятно. Ведь космическая биология — наука о завтрашнем дне, наука, нужная сегодня.

В. СМИРНОВ

«ЛОКХИД» — КОМПАНИЯ-АГРЕССОР

Название американской компании «Локхид эйркрафт корпорейшн» известно теперь всему миру. Директора этой компании едва ли даже предполагали, что образчик их продукции — шпионский самолет «У-2» — получит такую «рекламу», которая устроена ему в Парке культуры и отдыха в Москве. Но можно смело ручаться, что это не вызовет краску стыда у директоров «Локхида»: компания никогда не стеснялась и раньше рассказывать о своей неблаговидной деятельности.

Еще в 1955 году «Локхид эйркрафт корпорейшн» занимала в списке 500 крупнейших фирм Соединенных Штатов 46-е место. С тех пор компания «Локхид», несомненно, еще больше поправила свои дела: ведь она действует в сфере самого процветающего бизнеса в США — в сфере гонки вооружений.

Взгляните на одну из реклам «Локхида», которая была напечатана в американском журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт». В ней сообщается, что «Локхид» играет главную роль в создании и производстве ракет «Поларис». Эти ракеты предназначены для вооружения подводных лодок американского военно-морского флота. Ракетами «Поларис» лодки будут обстреливать территорию, против которой будет совершена агрессия, из глубины моря. Но что это за территория, где, как предполагают американские поджигатели войны, будут рваться их ракеты? Тот же журнал напечатал карту-схему использования «Поларисов», которая не оставляет никаких сомнений на этот счет: продукция «Локхида» предназначена против Москвы, Киева, Ленинграда, против Советской страны.

Вот еще одна реклама «Локхида», где расхваливаются военные самолеты, производимые компанией. В рекламе говорится, что эти самолеты могут быть использованы для разведки. С особой гордостью «Локхид» сообщает, что этими самолетами вооружается ре-

Ь КОСМ ОНАВТЫ!

СССР

Частота 19,995

Владивостокцы очень завидовали тем, кто первым наблюдал полет космического корабля. Пятнадцатого мая с океана дул штормовой ветер. Над городом плыли тяжелые облака. К ночи полил дождь. Никакой надежды увидеть космический корабль не было даже у сотрудников обсерватории при университете, где постоянно ведется наблюдение за искусственным спутником Земли. Зато всю ночь бодрствовали радисты, прислушиваясь к эфиру. Вот что рассказывает радиолюбитель Виктор Павлович Карабанов.

— Уже под вечер 15 мая, когда я со своим позывным вышел в эфир, мне вдруг откликнулся незнакомый ранее коротковолновик из Вашингтона: «Поздравляю с новой победой в космосе!» А примерно с четырех часов утра (21 час по московскому времени) я настроил свой приемник на частоту 19,995 мегагерц... Вскоре услышал звучание рации космического корабля. 4—10, 4—12. На общем шумовом фоне стали четко выделяться его сигналы. Как и было предсказано в официальном сообщении из Москвы, космический корабль прошел над Владивостоком точно в установленное время.

Мне не спалось. Так хотелось поделиться с кем-нибудь радостной вестью! Тогда, послав свои позывные, я повстречался в эфире с давним коллегой — коротковолновиком из Вологды.

«Это здорово! От души поздравляю!» — ответил он мне.

С. МОРОЗОВ

Звезды свет зажгли...

Владимир СОСЮРА

Во мгле безбрежной звезды свет зажгли...
Кто космос постигает сокровенный?
Я слышу голос вестника Земли,
Сигналы мелодичные Вселенной.
О вестник наш!
От милых сердцу нив
Над городами, реками, лесами
Он в бесконечность поднялся, взорлив,
Послушный нам и выстроенный нами.
Желтей, чем воск, лицо врага; удел
Он проклинает в размышленье горьком:
Серебряный наш вестник пролетел
И мирный свет разбрызгал над Нью-Йорком.
Несет он силу ленинских идей,
Великого живое воплощенье,
И люди не скрывают восхищенья:
Ты, человек, Вселенной овладей!
Во мгле безбрежной звезды свет зажгли...
Кто космос постигает сокровенный?
Я слышу голос вестника Земли,
Сигналы мелодичные Вселенной!

Перевел с украинского
Марк ШЕХТЕР.

ВЕЛИКОЛЕПНОЕ ДОСТИЖЕНИЕ

Профессор А. ДАНЖОН,
директор Парижской обсерватории

ВОПРОС. Как вы расцениваете запуск нового советского корабля-спутника, осуществленный 15 мая?

ОТВЕТ. Я считаю это новым великолепным достижением советской науки в области изучения космоса.

ВОПРОС. Какие особенности корабля-спутника обращают на себя ваше внимание?

ОТВЕТ. Прежде всего — огромный вес запущенной космической лаборатории — четыре с половиной тонны. Это свидетельствует о мощности тех средств, которыми располагают советские ученые. Заслуживает быть отмеченным и характер орбиты, близкой к круговой, — это говорит о большой точности расчетов и средств управления.

ВОПРОС. Ведутся ли вашей обсерваторией наблюдения над полетом космического корабля?

ОТВЕТ. Мы наблюдали за движением в космосе всех советских спутников. Будем делать это и с новым, только что запущенным.

ВОПРОС. Каково ваше мнение о значении запуска спутника-корабля для решения проблемы межпланетных полетов человека?

ОТВЕТ. Предстоит еще решить проблему возвращения на Землю через плотные слои атмосферы. Но эксперимент с вашим новым спутником, несомненно, крупный шаг к решению этой большой и заманчивой задачи.

Париж. По телефону.

ваншистская армия Западной Германии. Компания «гарантирует» «всем свободным нациям» — а иначе говоря, агрессивным кругам на Западе — «превосходство в воздухе». Едва ли стоит на веру принимать это хвастливое утверждение компании. Пока что американские военно-воздушные силы обеспечили себе «превосходство» только в небесах над территориями союзных с ними стран, где они хозяйничают, как хотят. Американские авиабазы в Европе и в Азии стали источником международной напряженности и угрозой для всех народов. Своей деятельностью «Локхид» помогает поддерживать эту угрозу.

Третья реклама компании «Локхид» свидетельствует об участии ее в создании американских искусственных спутников Земли. Но, как известно, не благородные задачи покорения космического пространства привлекли внимание «Локхида». После того как «У-2» нашел бесславный конец на советской земле, «Локхид» занялся усовершенствованием средств шпионажа. Компания намерена участвовать в создании «спутника-шпиона», который продолжит грязное дело самолетов «У-2».

Рекламное хвастовство «Локхида» никого не испугает. Так же, как нашлось средство, чтобы очистить советское небо от самолета-шпиона «У-2», найдутся и другие средства против агрессивной продукции компании «Локхид».

Но опасна для всего мира деятельность таких военно-промышленных компаний, как «Локхид». Эти милитаристские круги, которые имеют своих представителей и в Пентагоне и на самых высших уровнях в правительстве Соединенных Штатов, мешают народам обрести уверенность в том, что война никогда не разразится на земле.

А. СЕРБИН

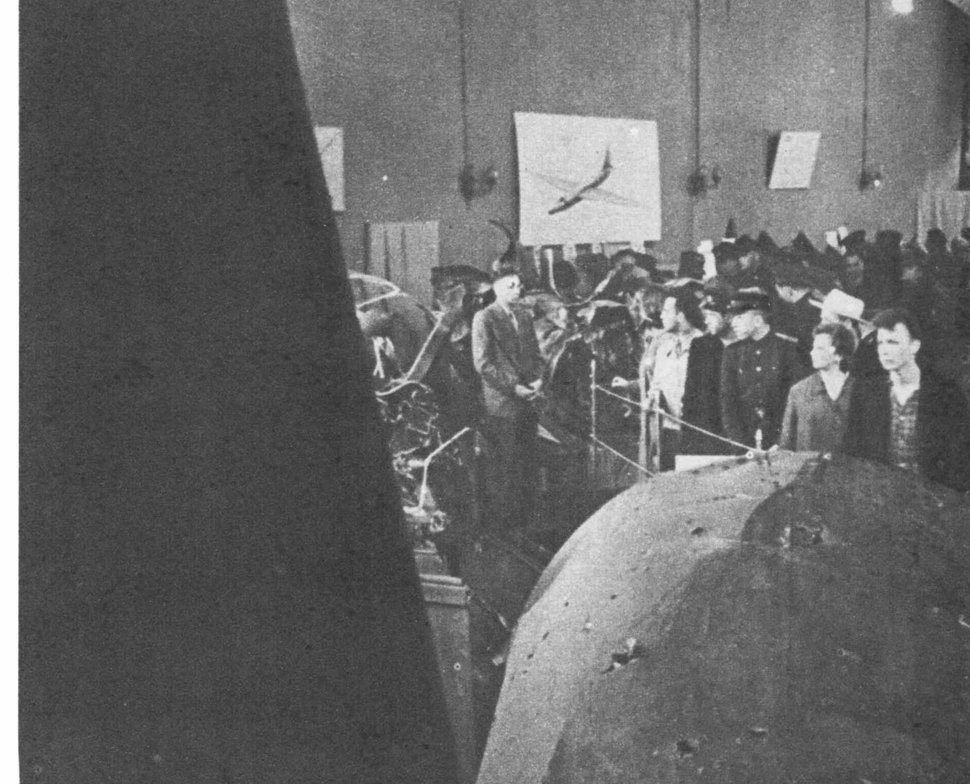
The U.S. Navy POLARIS, developed by Lockheed:
From ocean depths to any target

Guaranteed:
air supremacy for all free nations

Why Lockheed's all-purpose AGENA is
America's most versatile satellite

LOCKHEED
MISSILES AND SPACE DIVISION
MISSILE RESEARCH & DEVELOPMENT • BALLISTIC MISSILE SYSTEMS MANAGEMENT
ROCKETRY • ULTRASONIC AERODYNAMICS • SPACE INVESTIGATIONS • NUCLEAR PHYSICS
ADVANCED ELECTRONICS • HIGH SPEED AUTOMATIC DATA REDUCTION
SATELLITES • RAMJET PROPULSION TESTING

— КАКИЕ БАНДИТЫ!

ПРЕСТУПНИКО

Ген. БОРОВИК

Фото А. НОВИКОВА.

Снова и снова мы обходим эти стенды в шахматном клубе Центрального парка имени Горького. На правах корреспондентов мы можем это сделать несколько раз, и к нам не относятся слова распорядителя: «Товарищи, старайтесь не задерживаться у стендов, сейчас в очереди стоят семь тысяч человек...»

То, что размещено на стендах шахматного клуба, в народе уже окрестили презрительно «второй американской выставкой в Москве». Прошлогодняя экспозиция в Сокольниках не вызвала восхищения посетителей, но советские люди отнеслись к ней с симпатией, потому что она была посвящена миру. Экспонаты «второй выставки» вызывают омерзение и гнев, потому что их заказчики и поставщики думали о войне.

Поставщики и заказчики... Кто они? На каждом уцелевшем приборе и агрегате видны аккуратные черные металлические пластинки. На многих из них надпись: «Property of the US Government» — «Собственность правительства США». Вот он, заказчик и инициатор подлой провокации.

А поставщики? Их имена тщательнейшим образом выбиты на тех же бирочках: «Хьюлетт-Паккард», «Локхид», «Пратт-Уитни эйркрафт», «Куртисс Райт», «Эйрсерч мэньюфэкчеринг К°», «Гамильтон стандард корпорэйшн», «Дженерал электрик», и так далее, и так далее.

«Получающий выгоду от преступления — виновен в нем»,— так говорили древние, и эта мудрость не потеряла своего значения сегодня. В преступной провокации виновно американское правительство, планировавшее и разработавшее преступление; в ней виновны фирмы-изготовители, делающие деньги на гонке вооружений, на ненавистной всему миру «холодной войне».

Посетители на выставке остатков сбитого американского

Никто, видимо, не хочет поручаться и отвечать за действия воздушного шпиона. И не случайно ни одна из вещей, принадлежавших летчику,— ни комбинезон, ни белье, ни высотный костюм, ни гермошлем, ни кислородный прибор, ни надувной пояс, ни резиновая лодка — не имеет на себе обозначений фирмы-изготовителя. Даже на замочках застежек-«молний», которыми снабжен комбинезон преступника, названия поставщиков аккуратно забиты и закрашены непроницаемо-черной краской.

«Это он САМ!» — восклицал Пентагон. «САМ!» — вторил ему Аллен Даллес. «САМ!» — утверждали правительство и госдепартамент, пока неизвестно им было, что летчик жив, что сохранились части самолета и аккуратные бирочки на них. И вот оказалось, что и самолет не метеорологический и кислородный прибор в исправности, а о полете знал не только начальник бюро погоды.

Конечно, пират Фрэнсис Гарри Пауэрс прежде всего сам ответит за свое преступление. Но, несмотря на графу № 9, вместе с ним перед народами мира несут ответственность все соучастники!

«...Очень тяжелое впечатление у меня осталось от выставки. Я был уверен, что после посещения Н. С. Хрущевым США все изменится. Но оказалось, что за улыбками сенаторов и официальных лиц, за всем этим, что я видел в кинохронике, таится по сегодня бандитское намерение. Чудовищно и омерзительно!» — подобных записей великое множество в книге отзывов на выставке в шахматном клубе.

«...Я старая пенсионерка, приношу глубокую благодарность нашим ребятам, которые зорко охраняют границы нашей Родины».

«Коль летишь, как бандит, над нашей
территорией,

Помни латынь: «Memento mori».

А в тысячах километров от Москвы в наше посольство в Вашингтоне приходят письма от простых американцев: «Поскольку наше правительство не хочет признать свою ошибку, извиниться за инцидент с самолетом,— пишет Р. Кларк,— я хочу выразить глубочайшее сожаление по поводу всего случившегося».

Эдвин Краузерс прислал в посольство копию своего письма, направленного президенту Эйзенхауэру. В нем говорится: «...Вы призывали СССР делами доказать стремление к миру, а сейчас Соединенные Штаты заклеймены, как агрессор. Республиканцы, конечно, больше уже не могут претендовать на то, что они — партия мира, хотя я сомневаюсь, что и демократы — праведники».

Прав Эдвин Краузерс: политические деятели США далеко не праведники. Они долго изворачивались, хитрили, но их приперли к стенке. Перед миром предстала во всей наготе циничная, наглая политика империализма, ныне провозглашенная официальной политикой правительства США.

И честный мир правильно понимает заявление Никиты Сергеевича Хрущева, сделанное в Париже. Нельзя дружески и по-деловому разговаривать с людьми, которые одну руку протягивают для пожатия, а второй собираются нанести удар в спину своему собеседнику.

Мы не хотели верить в вероломство руководителей Соединенных Штатов Америки. Мы надеялись, что провокация со шпионским самолетом — это самоуправство некоторых ведомств, во главе которых уже стояли в свое время сумасшедшие. Мы ждали, что ответственные и серьезные политические деятели принесут свои извинения за случившееся и накажут преступников. Но среди преступников оказались и те, кого мы хотели считать серьезными и дальновидными политиками. По недавнему свидетельству Никсона, и он и президент Эйзенхауэр знали о намечавшемся полете Пауэрса и одобрили его.

Они торпедировали встречу в верхах, на которую народы мира возлагали так много надежд.

Вместе с главой своего правительства советский народ говорит:

«Пусть позор и ответственность за это лягут на тех, кто провозгласил разбойничью политику в отношении Советского Союза».

В — К ОТВЕТУ!

Преступники не побоялись оставить отпечатки грязных пальцев на орудиях преступлений. Они не побоялись вывести свои имена на черных металлических бирочках. Громилы были уверены в успехе дела. В крайнем случае их должен был выручить небольшой красный цилиндр, из которого наши эксперты вынули 1,4 килограмма взрывчатого вещества. Он должен был превратить в пыль все части самолета вместе с бирочками. Но адская машина не взорвалась, бирочки уцелели, в том числе и бирочка на самом красном цилиндре. Из нее ясно имя еще одного преступника — компании «Бэкмен энд Уитли».

...Среди документов пирата Пауэрса есть удостоверение личности. В нем указаны дата рождения владельца — 17 августа 1929 года, рост, вес, цвет глаз и волос. И есть в удостоверении графа за номером 9, которая звучит удивительно символично. В графе задается вопрос: «Ранг и фамилия поручителя». И дается ответ: «САМ».

шпионского самолета. →

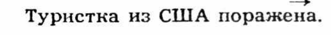

— И это сделали люди, которые столько говорили о мире!

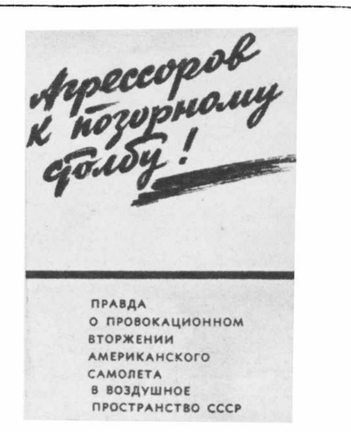
→ Туристка из США поражена.

ГНЕВНО, ОТКРЫТО, МУДРО!

Позор провокаторам!

Время действия этой книги, выпущенной в течение одного дня, — 12 дней, от 5 до 16 мая. Эти двенадцать дней были поворотными в послевоенной истории международных отношений. 5 мая депутаты Верховного Совета СССР впервые услышали из уст Н. С. Хрущева о бандитском вторжении американского шпионского самолета в воздушное пространство Советского Союза. 16 мая в Париже Н. С. Хрущев заявил, что в результате провокационных полетов американских военных самолетов над Советским Союзом совещание в верхах было торпедировано реакционными кругами США.

Документы, рассказывающие о событиях этих двенадцати дней, и составили сборник, выпущенный Союзом журналистов СССР.

Залог спокойной жизни

Испокон веков у наших народов существует незыблемый закон. Другу мы говорим: «Добро пожаловать!» Недругу: «опомнись, а то пожалеешь!» И не было случая, чтобы наша дружба была неискренней, а предостережение — голословным.

За последние полтора десятилетия агрессивные силы американского империализма немало потрудились, чтобы на истерзанной войнами планете сеять страх, вражду, недоверие. Надеясь на свою мощь, а значит, и рассчитывая на безнаказанность, они стали рассматривать земной шар, как свою вотчину, в которой им якобы предоставлено право бесцеремонно хозяйничать.

После известных событий в Гватемале мне привелось быть на южноамериканском континенте, где я встретил многих гватемальцев, изгнанных из родной страны. Помню их пылающие глаза, негодующие слова, их гнев и тоску. Честные труженики Уругвая, Аргентины, принявшие их, как братьев, искренне разделяли их горе. К этому чувству примешивалось и другое. Разделяя гнев и возмущение гватемальцев, жители других латиноамериканских стран вполне закономерно опасались, как бы и их не постигла та же печальная участь...

Американская реакция нагло действует и во многих западноевропейских странах, так неосторожно связавших свою судьбу с агрессивным НАТО. Однако с особой силой ощущаешь ее, вступив на гранитный остров Манхеттэн — форпост пресловутого американского «рая».

Но за время трехмесячного пребывания в США я наблюдал и другое. Портреты русских классиков в некоторых школах; сотни людей, изучающих русский язык; выражение самых горячих симпатий к советским людям. Эти дружеские чувства высокой волной поднялись во время прошлогодней поездки в США Никиты Сергеевича Хрущева. Поэтому трижды было право Советское правительство, взяв курс на решительную ликвидацию «холодной войны», на разрядку международного напряжения, на мир и дружбу с американским народом, со всеми народами планеты. Но этот курс не пришелся по нраву американским монополиям, получающим бешеные прибыли от гонки вооружений, американской военщине, лелеющей неумные, несбыточные мечты о мировом господстве.

Американские политиканы желают выглядеть грозными, а вид у них жалкий. Они хотят, чтобы перед ними трепетали, а над ними смеются. Стервятник сбит, а его хозяева пойманы с поличным. Сначала они безбожно врут, а потом, припертые к стене, показывают звериный оскал...

Их позиция еще более незавидна в свете новых и новых достижений советской науки и техники. Мир облетело новое сенсационное известие о советском космическом корабле. Близится долгожданное время, когда осуществится мечта создателей легенды об Икаре, мечта многих поколений людей — человек впервые проникнет в космос. Никто в мире не сомневается, что это будет человек из Страны Советов.

Советские люди хотят жить в мире и дружбе со всеми народами. Этого желает и талантливый, трудолюбивый народ Америки. Народы хорошо понимают, что только в мирном сосуществовании двух социальных систем — залог спокойной жизни на земле!

Любомир ДМИТЕРКО

Одобряем!

МОСКВА, СТРОЙКА ЖИЛОГО ДОМА В РАЙОНЕ ФИЛИ — МАЗИЛОВО. МОНТАЖНИК АНАТОЛИЙ КУСАКИН

— Я был в Центральном парке и видел там остатки сбитого американского самолета. С воздушными пиратами разговор короткий — и впредь будем встречать их так, что им наше небо с овчинку покажется.

ЭСТОНИЯ, ОСТРОВ СААРЕМА. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА «СЫРВЕ КАЛУР» ЭНДЕЛЬ ЛИНГ

— Еще чего не хватало: они будут посылать к нам своих шпионов, а мы должны на это спокойно смотреть!

Заявление Н. С. Хрущева — шаг, достойный нашей большой и сильной страны. Мы, рыбаки с косы Сырве, одобряем этот шаг.

ЛЕНИНГРАД, ТОРГОВЫЙ ПОРТ. ШТУРМАН ПАРОХОДА «АНГАРСК» Н. КОРНИЕНКО

— Разве серьезные политики так поступают? Правой пожимают руку, а в левой — держат камень. Не может быть веры таким политическим деятелям.

Мира хотят все честные люди. Мы пришли из Лондона. Там один из портовых служащих сказал мне: «Пославшие в вашу страну самолет накануне совещания в верхах поступили как бандиты». А стоявший рядом с ним докер добавил: «Здорово вы трахнули американского пирата!»

Мы думаем так...

Утром 17 мая, когда вся страна обсуждала Заявление Н. С. Хрущева, корреспондент «Огонька» побывал на Выставке достижений народного хозяйства, где все говорит о героическом труде советских людей, об их стремлении к миру.

Вот что рассказали нашему корреспонденту в то утро первые посетители выставки.

КЫЗЫЛ-ООЛ, зоотехник и ветеринарный врач.

— Я только вчера приехал из родной Тувы. Нет, я не впервые в Москве. Здесь я окончил Ветеринарную академию. Заявление товарища Хрущева слышал по радио.

Правильно! С нарушителями наших воздушных границ нечего церемониться! Наша страна стоит за мирное сосуществование. Наш народ не хочет войны. Не хочу ее и я, старый кавалерист. Приехал я в Москву изучать опыт передовых овцеводов. Занятие, сами понимаете, мирное. Но если из-за океана будут попрежнему нам угрожать, придется сменить занятие.

Н. А. ЧИКИН, бригадир штукатуров.

— Я строю сейчас завод железобетонных изделий, потому что у нас в Петрозаводске развертывается широкое жилищное строительство. Я об этом рассказываю для того, чтобы подчеркнуть мирный характер своей профессии. И именно как мирный человек, я всячески поддерживаю Заявление Н. С. Хрущева и полностью одобряю политику Советского правительства.

Недавно я служил в армии. Наша часть стояла в Германской Демократической Республике. Я видел, как нагло вела себя американская военщина. Я был свидетелем того, как их самолеты нарушали воздушное пространство ГДР. Теперь они нарушили суверенитет Советского Союза и пойманы с поличным.

Какие могут быть разговоры с агрессорами! Какое может быть гостеприимство для президента США, если он одобрил разбойничий полет над нашей территорией!

Детям — мирное небо!

Утром я прослушала первый выпуск последних известий (газет еще не было) и побежала на работу, к своим детишкам. Вот они, мои ребятки: кареглазый Сашенька и пухлощекий Юра, неуклюжая, как медвежонок, Лена и тоненькая Таня. Их много у меня — целая группа детей, детей рабочих и инженеров, маляров и сборщиков, станочников и механиков. Все они живут тут же, в огромном многокорпусном доме. Все у нас новое и молодое: и сам дом, и детская мебель в наших яслях, которым всего еще полгода, и зазеленевшие в первый раз кусты сирени, которые мы садили осенью. Все это для нас, для наших детей.

Над домом, над сиренью, над качелями и грибками — голубое небо. Я вынесла детям шары. Каждому, конечно, захотелось по шарику. Десятки ладошек потянулись к ним. У кого-то вырвался большой красный шар. Он взлетел высоко, к легкому белому облачку, и превратился в красную звездочку.

Пусть в небе парит он, шар, пущенный детской рукой! Пусть в небе летают мирные космические корабли, а не воздушные пираты. Детям нужно мирное небо!

Римма ПЕТЯЛИНА, воспитательница московских яслей № 487.

ИМ НУЖЕН МИР

«Огонек». Фотоэтюд Л. ПОЛИКАШИНА.

Словно в цветочную клумбу превратилась сцена, когда на ней в стремительной «Молдовеняске» закружились танцоры молдавского ансамбля народного танца «Жок».
Фото Б. КУЗЬМИНА.

Ион ДРУЦЭ

Лет двести тому назад прусский барон, страдавший подагрой, пустился в кругосветное путешествие. Печальную жалобу о том, как вела себя подагра в дороге, а также некоторые свои мысли и впечатления он передал в двух томах потомству. Прусская карета колесила и по Молдавии; один из томов заключает в себе строчку о нашем крае: «Велик бог, и, стало быть, Кишинев — тоже город, а все вокруг — страна...» Последние двести лет изменили основы острословия, и теперь слова барона не кажутся такими уж смешными. Он мало видел в своей поездке и даже из того, что видел, ни капли не понял. Может быть, бедные бессарабские деревушки плохо складывались в отдельную страну, но, кроме Кишинева и деревень, у нас оставалась еще щедрая земля. Это было нашим горем и счастьем.

Это было горем потому, что нашу землю крупнейшие государства вечно захватывали, и дарили, и порабощали. Наши старые песни трогают своей грустью, и это дорого далось народу. Все войны в истории Молдавии велись на молдавской же земле; наши предки владели только стратегией обороны, и теперь если станут искать для музеев образцы молдавского оружия, то их можно будет найти только в молдавской же земле.

Но земля Молдавии была и нашим счастьем. Она умела влюблять в себя хлебопашца первой и последней любовью. Она умела мечтать в засушливые годы о богатейших урожаях. Она верила, что все посеянное взойдет, все взошедшее зацветет, все цветущее уродит. Эта вера земли была и нашей собственной верой.

В этом году чудная весна стоит в Молдавии. Один садовод так сказал о красоте нынешней весны: «Все взошло. Даже семена, затерянные по обочинам дорог,— уж им-то, кажется, куда,— а все равно взошли. Все взошло!»

Каждому зернышку снится свой колос. Дать жизнь всему, что тянется к солнцу, перенести эту жажду жизни от зерна к зерну, от семян к урожаю — это первооснова всех законов нашей земли.

Весна у нас начинается, когда на улице еще зима. Ребятишки катаются на салазках, спрятав тетрадки за пазухой, но где-то глубоко под снегом земля уже заволновалась, захлопотала. Она-то знает, что через две-три недели растает снег, высохнут дороги и счастливым ребятишкам ужас как захочется черешен.

Ребятишки еще катаются на салазках, а по стволам черешен, по всем веточкам посочилась влага; садовод, согнув ветку и отпустив ее, полюбуется, как упруго она качается, и потом скажет: «Черешня пошла...»

Поля еще осыпаны снегом, но вот выдалось несколько теплых деньков, и напряженный слух пахаря уловил где-то под снегом тонкое и нежное журчание. Руками, соскучившимися по земле, он разрыхлит снег, полюбуется светлой струйкой талой воды и скажет: «Рожь пошла».

Рожь — чисто символически. Сегодня это означает и пшеницу, и гречиху, и собственно рожь. Позаботившись о детях, земля начинает год самым главным в человеческой жизни — хлебом.

Прорезав ручейками белый покров, земля вздыхает, она дымится сладким паром и, свежая, сильная, спешит к человеку, к его радостям и заботам. Еще не выяснено, какой трактор и где будет пахать, еще неизвестно, какой бригаде достанется новая сеялка, еще семена не собрали в мешки, но земля уже торопится.

Когда сев прошел и несметные полки пшеничных ростков, приподнявшись на цыпочки, разглядывают все кругом, когда сады и виноградники достают из каждой почки по пять-шесть листиков (бог знает, как они там умещались), тогда наступает неделя задумчивого покоя. Земля остается сама по себе. Ей не мешают, потому что, как говорят у нас, она думает. Ей важно вспомнить, что после чего цвело в прошлом году и какие были цветы, как они пахли; земля ставит свои знаки возле каждого корешка, потому что нужно накормить вовремя и с толком все зеленое море...

В эти дни молдаванин любит прогуляться по садам, по виноградникам, по полям. Постоит, посмотрит, как зеленые листочки, греясь, слизывают друг с дружки солнечные капли, и скажет с некоторым самодовольством: «Урожай пошел!»

Время цветения садов — время сказок и суматохи. В один день все вдруг заговорили как-то ласково, и каждому человеку по душе ласковые слова... Кругом стоит нарядная земля — стоит и смотрит на тебя каждым листом, каждым цветком.

В эту пору из одного слова, из одного-единственного взгляда родится свадьба, которую сыграют ближе к осени; в эту пору каждая пара рук удивляется своей собственной силе и ловкости.

Время цветения садов в Молдавии — время счастья. Но вот, тоже как-то вдруг, садовод — то ли от зависти к молодым, то ли от чрезмерной хозяйственности — долго разглядывает какую-то веточку и говорит вполне ответственно: «Вязать пошла».

Земля пошла вязать урожай, и, сколько бы ни было еще цветов и ароматов, время ласковых слов, мимолетных взглядов прошло. Наступает суровое время борьбы за урожай. Этот резкий переход от радости к труду живет испокон веков в крови каждого землепашца, и колхозный строй придал всему нужную организованность.

Земля очень любит себя во время вязи, любит самую суть зачатия плода. Уж кажется, что и места нет на ветке, уж кажется, что и время вязи прошло, а она нет-нет да и найдет еще местечко, свяжет еще ягодку и пристроит ее. Авось, кому-нибудь да понравится, авось, кто-нибудь да съест... И, глядя на эту чрезмерную хватку родной земли, садовод скажет с нежным упреком: «Хвастать пошла».

Годы бывают разные, и земля по-разному родит. Если своевременно пойдут дожди, то об урожае будут слагаться легенды местного, а то и всесоюзного значения. Но даже если будет мало дождей, если случится засуха, все равно добрая молдаванка не отступит. Она вся изойдет мелкой пылью, она даст себя солнцу изжарить, но все, что она сможет раздобыть в своих недрах, все, до последней капли отдаст урожаю, а это значит, отдаст человеку.

Время сбора урожая — вторая сказочная суматоха в Молдавии. Осень — торжество натруженных рук, и все то, над чем они так долго трудились, все то, над чем приятно было еще гадать, что фигурировало только в сводках и в воображении агрономов, приобретает вдруг свой вес, смысл, свой адрес...

И сытно задымят сахарные заводы в Бельцкой степи... Тираспольские заводы распространят над городом запах горячего варения, заводские ворота захлопают крыльями, принимая тонну за тонной урожай, автомашину за автомашиной... Земная влага, труд и солнце, заключенные в каждой виноградине, в каждом пшеничном зерне, начинают свое удивительное путешествие во все концы нашей Родины...

Сегодня дети молдавской земли работают и на тираспольском заводе электроаппаратуры, и на кишиневском заводе «Микропровод», и на холодильнике Чадыр-Лунгского мясоптицекомбината. Моя родина производит сейчас электродвигатели и насосы, гидробуры и искусственные кожи.

Творческое общение моего народа с другими народами — одно из самых счастливых достижений советской жизни. Не беда, что до Урала или до Дальнего Востока не дойдут, может быть, имена молдаван или украинцев, гагаузов или болгар,— важно, что дойдет их труд, дойдет то, что составляло основу и смысл их жизни...

Жаль, что мы не смогли ее привезти с собой в Москву, эту нашу прекрасную молдаванку.

Но Молдавия все же будет на декаде. Она будет в наших песнях, потому что она научила нас петь. Она будет в наших книгах, потому что о ней они написаны. Она будет в каждом из нас, потому что она нам готовила черешни, когда мы катались на салазках, она приобщала нас к труду и ко всем радостям жизни.

Короткие стихи

Емилиан БУКОВ

* * *

Не жалко мне, что юность убежала,—
Не уберег.
Жалею лишь, что времени немало
Впустую сжег.

* * *

О море ты твердишь, о светлых зорях,
А жизнь влачишь в грязи, в позоре.
Смотреть не хочется — нет хуже
Фрегата, что дрейфует в луже.

Перевел с молдавского
А. РОМОВ.

Спектакли Молдовы

Борис **ЗАХАВА**, Народный артист РСФСР

О новой, замечательной жизни своего народа и его истории рассказывают декадные постановки молдавских театров. Давняя и большая дружба связывает со зрителем работников театрального искусства республики.

Сколько спектаклей сыграли артисты в колхозах — под открытым небом, на подмостках, наскоро сколоченных из досок! Веселым табором располагались зрители прямо на склонах перед импровизированной сценой да на грузовиках, привезших людей из соседних колхозов. И в Кишиневе у театральных подъездов почти каждый вечер стоит целая колонна грузовиков: на сей раз уже колхоз выехал в столицу на спектакль. В зрительном зале мелькают цветастые яркие платки, пестрые вышивки. Гремят аплодисменты: зрители приветствуют знакомых актеров.

На декаде в Москве покажут свои спектакли Молдавский государственный музыкально-драматический театр имени А. С. Пушкина, Русский драматический театр МССР имени А. П. Чехова, Молдавский государственный театр оперы и балета.

Молдавский музыкально-драматический театр в день открытия декады покажет пьесу Л. Корняну и Е. Геркена «Счастье мое». По жанру это музыкальная комедия. Ставят ее многие музыкальные театры многих городов.

Сюжет пьесы незамысловат. Влюбленные — Мэриоара Станчу, бригадир виноградарей, и инженер Петря Цуркан — кажутся своего рода современными Беатриче и Бенедиктом из комедии Шекспира «Много шума из ничего». Пройдя ряд испытаний, герои в конце концов счастливо соединяются...

Жизнерадостный, праздничный спектакль Молдавского театра восхищает зрителя прежде всего глубокой народностью.

Композиторы Е. Кока и К. Бенц в основу своей музыки положили мелодии молдавского фольклора. В постановку щедро вплетены народные обряды, песни, пляски — то бурные, стремительные, то нежные, лирические. В спектакле ярко отражается сегодняшнее мироощущение молдавского народа, нашедшего свое счастье в дружной семье советских республик.

У молдавских актеров музыка, как говорится, в крови. И трудно, наверное, найти подобную труппу, где бы умением петь отличалось столь большое количество артистов! Среди них есть даже такие, которые с одинаковым успехом поют сложные оперные партии и играют ведущие драматические роли. Народный артист республики Е. Уреке превосходно пел партию Гремина, теперь он великолепно играет героя молдавского народа Котовского, инженера Забелина в «Кремлевских курантах», великого римского поэта Овидия... Эта роль — одна из крупных удач актера, как и сама постановка исторической драмы «Овидий» — достижение Молдавского театра.

...А. С. Пушкин не раз касался в своих произведениях трагической судьбы римского поэта, страдальцем окончившего

Свой век блестящий
и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.

Юная колхозница Тинка (артистка Н. Каменева) поверяет свои сердечные тайны колхозному сторожу Софрону Кобзе (В. Стрельбицкий). Спектакль «Когда зреет виноград».

В устье Днестра — при его впадении в Черное море — до сих пор стоят развалины старинной Аккерманской крепости. Там есть башня, носящая имя Пушкина. По преданию, поэт провел на этой башне целую ночь, беседуя с тенью Овидия.

Историческая драма «Овидий», написанная выдающимся представителем румынской и молдавской поэзии прошлого века Василе Александри (1821—1890), исполнена большого чувства. И мне кажется, что в этом спектакле с наибольшей силой проявляется талант главного режиссера театра народного артиста республики Виктора Карповича Герлака.

Мальчиком пришел он в самодеятельный кружок в городе Тирасполе, который потом был преобразован в театральную студию. Затем эта студия влилась в Одесский музыкально-театральный институт.

В 1933 году в Тирасполе открылся первый профессиональный молдавский театр. Вот отсюда и был послан В. Герлак учиться в московский ГИТИС имени Луначарского. Крупнейший в нашей стране театральный вуз имеет сейчас все основания гордиться воспитанником своего режиссерского факультета. Герлак влюблен в свое дело, и эта увлеченность передается зрителям его спектаклей.

«Бурлящий Дунай» принадлежит перу Емилиана Букова. В его пьесе говорится о трагической судьбе вожака одного из многочисленных стихийных восстаний дунайских рыбаков, поднимавшихся против власти румынского короля и румынской буржуазии.

Спектакль очень своеобразен: в нем вполне органично сочетаются самые различные жанры. Основная, ведущая тема развивается в плане народной драмы, даже трагедии. Но отчетлива и комедийно-сатирическая струя, доходящая порою до гротеска и буффонады.

Покажет театр и спектакль, в котором музыкальный элемент, казалось бы, совершенно отсутствует. Превосходная комедия Ж. Василеску «Свекровь с тремя невестками», или «Бабий глаз», написана по одноименной повести классика молдавской литературы И. Крянгэ. В ней с большим юмором рассказывается о том, как однажды три невестки взбунтовались против своей жестокой свекрови и общими усилиями освободились от ее деспотизма...

И этому спектаклю присуща внутренняя музыкальность, ритмичность, сочность, широта.

Совсем новое в программе декады — это спектакли Молдавской студии Театрального училища имени Щукина при Театре имени Евг. Вахтангова.

Пять лет проучились в Москве девушки и юноши. За эти годы они выросли, возмужали и, как нам кажется, многому научились. Нам очень грустно расставаться с талантливыми, работящими, жадными до знаний учениками. Но мы радуемся тому, что сразу же после декады все они отправятся в Кишинев, где образуют новый молодежный театр. Студия уже подготовила свой репертуар — пять дипломных спектаклей: «Полевые цветы» молдавского драматурга К. Кондри, «Свадебный костюм» Варена и Буайе, «Коварство и любовь» Шиллера, «Виринея» Сейфуллиной, «Ноль по поведению» румынских драматургов О. Савы и В. Стоенеску.

Знакомство с самыми молодыми молдавскими артистами даст возможность московским зрителям заглянуть в будущее молдавского театра, увидеть его завтрашний день.

...Русский драматический театр имени А. П. Чехова начнет свои гастроли в Москве известной пьесой И. Попова «Семья». Советский зритель горячо полюбил это произведение за правдивое и сердечное изображение юности великого Ленина.

Над спектаклем в Русском театре с большой любовью трудились и постановщик Е. Венгре, и исполнитель роли Володи Ульянова И. Сологубенко, и, конечно, весь коллектив. Глубокое чувство, большую одухотворенность, сдержанность, интеллигентность в самом высоком смысле слова передает в роли Марии Александровны Ульяновой одна из лучших актрис Кишинева — Н. Масальская.

Русский театр долго работал над спектаклем «Пушкин в Молдавии» А. Комаровского и А. Сумарокова (окончательная сценическая редакция пьесы создавалась при участии драматурга Г. Градова).

Образ великого поэта показан во время его замаскированной ссылки в Кишинев, то есть когда Пушкину было немногим более двадцати лет.

Как известно, поэт тяжело переживал ссылку, хотя бурная неукротимое жизнелюбие, бурная энергия не давали ему впасть в уныние. Пушкин дружил в Кишиневе с будущими декабристами, общался с местной интеллигенцией и крестьянами, жил в цыганском таборе, озорничал в ненавистной для него среде молдавских бояр и обывателей, ссорился с царскими чиновниками... Но главное, он не переставал творить!

Пушкин этого периода еще ни разу не был показан на сцене. Понятно, что задача, которую на себя взял театр, была нелегка. Однако одаренный коллектив справился с нею.

Увлеченно и живо играет коллектив пьесу современного молдавского поэта Петри Дариенко «Когда зреет виноград», поставленную В. Галицким. С большой теплотой и добрым сердцем, задушевно показал Дариенко людей современной Молдавии. Они борются за то, чтобы их республика — по крылатому слову Н. С. Хрущева, сказанному год тому назад в Кишиневе, — стала садом Советского Союза.

Прекрасную задачу эту решает не только Молдавия, но и все народы Советской страны. Поэтому так близко, так дорого всем нам творчество наших молдавских друзей, искреннее и воодушевленное.

В управлении Н-ского учебного округа вся полнота власти сосредоточивалась в руках секретаря — доктора Маротта. Сам попечитель округа, вскоре собиравшийся уйти на пенсию, с годами наполовину выжил из ума; та же половина его рассудка, которая еще сохраняла ясность, была устремлена к существованию спокойному, далекому от служебных передряг и неурядиц. Таковых и всегда немало, но в начале осени они обрушивались на учебный округ подобно циклону. Перед началом нового учебного года толпы оставшихся за штатом учителей осаждали канцелярию, прибегая к укорам, жалобам, плачу, угрожая доносами в министерство и нанося тем самым урон как своему профессиональному достоинству, так и демократическим учреждениям республики, допускавшим столь низкое падение людей благородного и заслуживающего всяких похвал труда.

Доктор Маротта, подобно гранитной скале, вставал на пути всей лавины жаждущих и выдерживал их осаду. От него зависели назначения внештатных учителей, которые каждый год с тревогой помышляли о том, будут ли у них работа и средства к существованию. Вот отчего к доктору Маротта относились с подобострастием и в то же время с ненавистью. Его боялись, но преклонялись перед ним, видя в нем высшую власть на земле. И в самом деле, на нем лежала немалая ответственность. Конечно, существовали все до мельчайших подробностей предусмотревшие инструкции, согласно которым учительские должности распределялись в зависимости от количества очков, в свою очередь, обусловленного выслугой претендента, его квалификацией, стажем, баллами при получении дипломов, семейным положением, гражданскими и военными заслугами, удостоверением о крещении и конфирмации и тысячью иных вещей, но тем не менее — а может, именно в силу этого — распределение учительских должностей являлось весьма смелым предприятием, допускавшим сотни уловок, порождавшим бесконечную путаницу и недоразумения. Ежегодно в министерство поступали горы заявлений и жалоб от учителей, утверждавших, что по отношению к ним допущена несправедливость. Жалобы такого рода поступали из всех учебных округов республики, и в министерстве на них не обращали ни малейшего внимания: опасность расследования не нависала над воцарившимся хаосом.

Насчет доктора Маротта среди учителей ходили нехорошие слухи. Поговаривали, что он не пренебрегает дарами от тех учителей, которым будто бы содействует в получении работы. Однако никто не смог бы привести надежных свидетельств относительно даров, преподносимых доктору Маротта, хоть в этих разговорах упоминались ящики с ликером, серебряные безделушки, свиные окорока, бутыли с вином и оливковым маслом, отрезы на костюм, бытовые электроприборы, постельное белье и многое другое; поговаривали даже, будто супруга доктора Маротта в этих целях ежегодно составляла список предметов, нужных в хозяйстве. Но допустим на минуту, что все так и было. Кто мог осмелиться и подать жалобу, составленную по всей форме? На этом можно было потерять и место, и заработок, и последний кусок хлеба! Хотя такого рода слухи возобновлялись ежегодно на время распределения мест, хотя они порой и бывали настолько зловещи, что казалось, от них само здание учебного округа должно было взлететь на воздух, никто не брался за разоблачение доктора Маротта. После распределения мест слухи постепенно стихали, и тогда доктор Маротта уверенно приводил в порт свое судно, груженное дарами и подношениями.

В бурное время года в приемной перед его кабинетом всегда толпились взволнованные, взбудораженные люди; учителя, заполнявшие коридоры учебного округа, являли собой зрелище гораздо более печальное, нежели толпа безработных, поскольку нищета их весьма неумело и смешно прикрывалась маской философского достоинства. Слова, с которыми они из года в год обращались к доктору Маротта, никогда не менялись: «Как там с моим назначением, доктор? Что? Еще ничего нет? Надеюсь, вы не хотите подложить мне такую же свинью, как в прошлом году! Как? Да,

Редкая марка

Рассказ

Карло МОНТЕЛЛА

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

именно так. Вы лучше меня знаете, о чем идет речь: на мое место была назначена золовка вице-префекта полиции...» Или же: «Каким образом учительница Перетти, у которой на сорок четыре очка меньше, чем у меня, уже получила назначение, а я еще нет? Можно узнать, чем вы, собственно, руководствовались? В прошлом году меня перевели на сокращенную ставку, всего десять часов в неделю, хотя я имела право на полную. Мало того, у меня есть право на продвижение! В этом году в городе семьдесят вакансий! Да... Нет, неправда, я подсчитала! По списку для профессиональных школ мое место шестьдесят четвертое. Да!.. Мне это место принадлежит по праву! Вы знаете, что в прошлом году у меня начался артрит, оттого что я каждое утро выезжала в школу на рассвете!..»

Жалобы, протесты, слезы и волнения вокруг назначений происходили главным образом из-за распределения мест; потом обнаруживалось, что все школы примерно одинаковы, но важно было, находится ли школа в городе, в двух шагах от дома, или в деревне, расположенной в нескольких часах езды поездом или автобусом. Доктор Маротта спокойно выслушивал протесты, обвинения, угрозы; он даже делал вид, будто записывает все на листочках бумаги, но из этих листочков он потом сворачивал шарики, которые бросал в корзину для мусора, как только посетитель успевал покинуть его кабинет.

Учителей, приходивших по поводу назначения, он принимал и у себя на дому, но тон таких весьма приватных бесед был гораздо сердечней. Здесь никто не шумел, выставляя напоказ количество очков, очередность по списку, распоряжения министерства, справедливость и другие бесполезные доводы. Посетители, беспокоившие его на дому, выражались с изяществом и любезностью, а перед расставанием непременно говорили: «Благоволите принять в знак моей признательности...» Из заметок, которые доктор Маротта у себя на дому заносил в блокнот, он отнюдь не делал шариков, предназначенных для корзины с мусором; напротив, эти заметки значили для него больше, нежели все директивы, вместе взятые, будь они хоть за подписью самого министра, и все интриги, возникавшие в учебном округе, легко могли бы найти объяснение при чтении этих тайных заметок, как бы служивших шифром к раскрытию всех тайн.

В один из последних вечеров сентября, как раз когда начиналась вся эта кутерьма с назначениями, в дом к доктору Маротта явились две женщины — мать и дочь, с головы до ног одетые в черное. Мать всеми своими чертами соответствовала портрету безутешной и страждущей вдовы — знаете, бывают такие слезливые, навязчивые вдовы, которые даже свое несчастье умеют превратить в отмычку для открывания любых дверей и в средство к добыванию самых невероятных привилегий.

В отличие от матери дочь выглядела невинной и неопытной девочкой. Проведя обеих дам в свой кабинет и усадив их в кресла, доктор Маротта не преминул осведомиться у них о цели посещения.

— Никогда бы я не посмела вас беспокоить,— начала вдова на самой высокой патетической ноте,— если бы мой бедный муж столько раз не говорил о вас, как о своем самом дорогом друге. Я вдова Кьярини, а это дочь моя.

— А!..— запросто воскликнул доктор Маротта.

Без малейшей симпатии вспомнил он покойного супруга Кьярини. Друзьями они никогда не были, скорей даже соперничали друг с другом, потому что оба являлись страстными коллекционерами марок; встречаясь на протяжении долгих лет в клубе филателистов, они настойчиво соблазняли друг друга самыми невероятными предложениями обмена марок, впрочем, так никогда и не осуществлявшегося.

— Сколько раз ругала я беднягу Джакомо, видя, как поглотили его эти марки, альбомы, эта его невинная страсть!..— вновь заговорила посетительница слезливым голосом.

При упоминании о великолепной коллекции покойника доктор Маротта внезапно стал проявлять признаки внимания. Но вдова предвосхитила его мысль.

— О моя бедная дочь!— воскликнула она, сложив ладони и подняв глаза к потолку.— Вы должны ей помочь, в ней одной мое утешение! Не удаляйте ее от меня, не вырывайте ее из моих объятий: добудьте ей место в городе! Вы все можете! Да, вы можете! Вы можете! Не терзайте сердце вдовы! Вы можете...

— Что касается меня, то я весьма охотно...— сказал доктор Маротта, который на этот раз говорил чистую правду, поскольку был очевидным образом встревожен и приведен в замешательство.— Но, дорогая синьора, вы просите о деле... весьма трудном... Быть может, вы даже не представляете себе, что начнется, если я удовлетворю вашу просьбу! О, я знаю, что говорю, ведь этим-то я занят с утра до вечера, даже ночами... Если б я действительно все мог... Увы...

— Нет! — воскликнула вдова, вновь подняв руки.— Вы не откажете мне в милости! Нет! Не говорите мне, что это невозможно! На свете нет ничего невозможного! Немного доброй воли — и... Вот,— и, опустив руки, она открыла сумочку, лежавшую у нее на коленях,— примите маленький, ничтожный знак моей бесконечной признательности. Эту марку... — Зажав между двумя пальцами коробочку, она показывала марку доктору Маротта, который неотрывно следил за каждым движением ее руки.— Эту марку мой муж в страшные годы войны и эвакуации носил, зашив в воротник пиджака... Вы куда эвакуировались? О господи, что это были за страшные времена!.. Примите этот скромный дар, примите его в знак дружбы с моим бедным Джакомо. О, мне стыдно, что я предлагаю вам столь ничтожный дар!..

В должное мгновение доктор Маротта протянул руку и подхватил на лету коробочку, которой вдова размахивала перед его глазами. Он открыл ее и едва не обмер. В коробочке оказалась марка «Три лиры из Тосканы» — вещь редчайшая, ценность которой не поддавалась исчислению. Несомненно, что вдова предвидела впечатление, которое произведет ее дар, но столь же несомненно, что она не имела ни малейшего представления о его подлинной ценности. И в самом деле, ее супруг всегда остерегался открывать ей глаза на то, что эти клочки бумаги, как она их называла, являются подлинной золотой россыпью. Вследствие такой предосторожности она и после внезапной кончины супруга оставалась в полном неведении об их ценности и, возможно, могла бы такое сокровище подарить первому встречному мальчишке. Тотчас же опустив в карман драгоценную коробочку, доктор Маротта, от волнения лишившийся голоса, поблагодарил вдову смущенным кивком головы и рукопожатием, столь поспешным, что заставил ее усомниться в разумности своего поведения. Но, с другой стороны, доктор Маротта дал ей самые серьезные заверения насчет дочери, и вдова удалилась, исполненная надежды.

На протяжении целых двух часов доктор Маротта при помощи увеличительной линзы исследовал драгоценную марку, все еще боясь поверить в чудо обладания ею и одновременно раздумывая над тем, каким образом наложить лапу на всю коллекцию покойного адвоката Кьярини. Однако, чтоб к этому представился удобный случай, прежде всего требовалось удовлетворить вдову. Над этим он и ломал себе голову всю ночь. Ясно, что скандала не миновать. Опыт учил его, что всему есть предел. Хоть он долгие годы бесстыдно подтасовывал назначения учителей, но столь очевидного жульничества ему до сих пор совершать не приходилось... И все же во сне созрело решение.

На следующее утро, отправившись в управление учебного округа, он был исполнен самого смелого оптимизма. Прежде всего из всех подлежащих распределению учительских кафедр в школах города он выбрал ту, которая наилучшим образом подходила для дочери вдовы, и взял эту кафедру себе на заметку. Затем доктор Маротта приступил к осуществлению своего плана, который сводился к тому, чтобы наиболее искусным образом запутать всю очередность назначений и вообще привести все дела к такой путанице и неразберихе, при которой даже самая крупная пакость могла бы остаться незамеченной. Школы, согласно предписанию министерства, должны были открыться через десять дней, однако из-за нерачительности учебного округа — заметим, что точно так же дело обстояло и в остальных учебных округах,— о назначении учителей начинали думать в самый последний момент, и после начала занятий еще месяц или два царил полнейший хаос, дети часами предавались шалостям либо попросту отсылались домой, поскольку в школах оставались лишь немногие пожилые штатные учителя.

Итак, доктор Маротта отнесся к делу с предельным спокойствием. Комнаты учебного округа с утра до вечера были полны сотнями учителей, ожидавших назначения. Доктор Маротта, то и дело переходя из одного кабинета в другой с папками под мышкой, жестами давал понять, что сейчас не в состоянии принять кого-либо, будучи отягчен бременем непосильной работы, в то время как на самом деле просто оттягивал время. В самый последний момент он сразу подписал все назначения.

Возникла невиданная доселе буря протестов, но это как раз и входило в планы доктора Маротта. Готовый к бою, он стойко выносил самые язвительные жалобы и обвинения, слезы женщин и проклятия недовольных, покуда однажды утром в его кабинет не ворвался некий учитель Беллуччи, который в прошлом году занимал кафедру, теперь предназначенную дочери вдовы.

— Требую объяснения! — закричал он, вытаращив глаза.— Да, требую, я вправе требовать! И ваши уловки меня не успокоят! Хочу собственными глазами видеть количество очков, заслуги, звания... Нет, это недопустимо! После десяти лет преподавания меня отсылают в сельскую школу, чтобы отдать мое место девчонке только-только со студенческой скамьи! Требую объяснения! Нет, это не учебный округ, это клоака!

Перед лицом столь яростной атаки доктор Маротта решил ломать комедию. Он встал за своим письменным столом и трагически развел руками.

— Я знаю,— сказал он,— конечно, я знаю ваши права, знаю ваши заслуги... Кому же, как не мне, знать их? Но вы не знаете,— и тут он наклонился к собеседнику, понизив голос,— но вы даже не представляете себе, какому нажиму мы порой подвергаемся, какой нажим оказывается сверху...

— Какой нажим? Какой нажим сверху? — ответствовал ему собеседник уже в несколько ином тоне.— Что это за свинство? И почему именно я должен страдать?.. Что за святой покровитель у этой девчонки, прогнавшей меня с места? Кто и какого черта ее протаскивает? Уж не хотите ли вы сказать, что сам министр?!

При этом слове доктора Маротта словно осенило. Не отвечая ни слова, он пристально взглянул в глаза разъяренному учителю, затем медленно склонил голову, упершись подбородком в узел, которым был завязан галстук, и молча застыл в этой позе. Несколько секунд прошло в абсолютной тишине, столь полной, что он не слышал и дыхания собеседника; затем доктор Маротта медленно приподнял одну бровь, чтобы посмотреть, в каком состоянии пребывает учитель. А учитель так и остался стоять с открытым ртом, и на лице у него был изображен испуг одновременно с отвращением, с той роковой и униженной покорностью, какая бывает у человека, внезапно открывшего всю низость и развращенность мира.

— Давайте, однако, посмотрим, давайте взглянем,— сказал доктор Маротта, вновь обретая уверенность в себе.— Может быть, есть какая-нибудь возможность поправить ваши дела, добиться иного назначения, более для вас удобного... Давайте посмотрим, я постараюсь уладить это дело.

Под конец учитель даже стал его же благодарить. Доктор Маротта окончательно завоевал его признательность, когда на следующий день этот честный человек безропотно согласился со вторым назначением. Теперь доктор Маротта потирал руки, весьма довольный собой: достаточно чуть слышно пробормотать одно лишь словечко, подмигнув при этом глазом и разведя руками, чтоб укротить любой бунт. Такова сила протекции, способная не только поощрять несправедливость, но и обескураживать тех, кто вознамерится восстать против нее.

И все же доктор Маротта не предвидел одного: история о покровительстве министра, передаваемая из уст в уста, быстро обошла учительскую среду. Вот уже с полмесяца, как утихла осенняя буря, пронесшаяся над учебным округом, и дочка вдовы приступила к своим обязанностям в школе. Ее коллеги, пораженные столь чрезвычайным назначением, подозревали, что дело здесь нечисто, но в своих предположениях они никогда не забирались выше протекции какого-нибудь архиепископа или отца-иезуита, заинтересованного в судьбе девушки. Когда же разнесся слух о том, что в дело замешан сам министр, все показалось ясным и даже вполне естественным. Те, кто доселе относился к ней с известной холодностью, вдруг стали улыбаться и говорить девушке любезности, хотя тайком и продолжали возмущаться. Директор школы однажды пожелал прийти на урок к молодой

учительнице, так сказать, нанести ей визит вежливости.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогая! — приветствовал он с наивозможной отеческой сердечностью смутившуюся и покрасневшую девушку.— Ну-с, как у нас дела идут? По душе ли вам наша школа? Да, школа у нас современная, благоустроенная, не стану, конечно, говорить о своих заслугах... А ученики? Довольны вы ими? Будьте строгой, будьте суровой, не выпускайте их из рук! Это я о вас говорю, сорванцы! — обратился он к классу.— Знайте, при малейшей жалобе будете иметь дело со мной, поняли?.. А вы, дорогая, не стесняйтесь, обращайтесь ко мне за помощью, за содействием по любому поводу... Так, посмотрим: все ли здесь на месте? Не нуждаетесь ли вы в чем-нибудь? Ну, что это за стул? Я велю его заменить, скажу, чтоб вам принесли кресло. А кафедра? Немного голо, не так ли?.. А что, если поставить сюда вазу с цветами? А, что вы на это скажете? В школе не место для грусти, здесь все должно дышать радостью, школа должна приносить наслаждение! Да, я велю принести вам красивую вазу, в которой вы сможете держать цветы. Именно цветы украсят ваши уроки... Ну, а доска, а мел? В порядке?.. Хорошо. Топить у нас начинают с середины ноября, но в этом году постараемся начать чуть пораньше. Вам холодно? Еще не холодно... Да, молодая кровь... Итак, дорогая, мы с вами условились: по любому делу прямо ко мне, всегда счастлив вам помочь. Желаю успеха, дорогая! Тотчас же распоряжусь, чтоб вам принесли кресло и вазу для цветов...

Словом, вся школа ухаживала за дочерью вдовы и льстила ей на каждом шагу. Когда настало рождество, а затем Новый год, директор и коллеги прислали ей открыточки с поздравлениями, с прочувствованными пожеланиями, а также шоколад, конфеты и другие приятные вещи. Словом, настоящая идиллия, о подлинных причинах которой девушка по своей наивности даже не догадывалась.

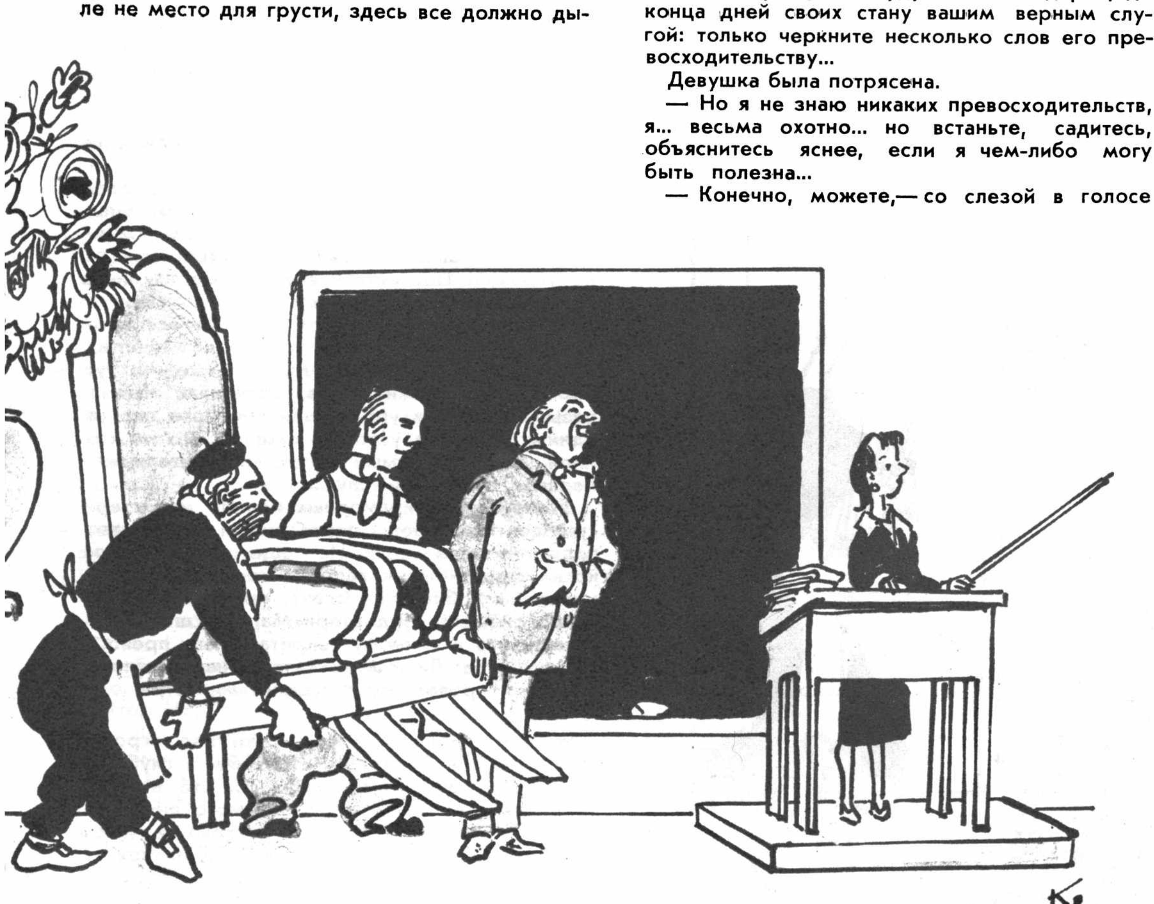
Так прошло два месяца. В школе, где работала дочь вдовы, служил хромой сторож, к которому все доверительно обращались по имени. Звали его Паскуале. Вот уж более двадцати лет вел он отчаянную борьбу с министерством за пенсию по инвалидности, на которую претендовал, утверждая, что причиной его хромоты явилось падение классной доски, прищемившей ему ногу в самом начале служебной карьеры. В том обстоятельстве, что пенсия до сих пор не была ему предоставлена, он усматривал наиболее веское доказательство своих прав на нее. После тщетных попыток заинтересовать в своем деле различных влиятельных лиц — то были, в зависимости от переменчивого политического климата, секретари «фашио» либо кардиналы и иные влиятельные духовные лица — до слуха сторожа Паскуале дошло известие о покровительстве министра, и тогда он решил предпринять последнюю попытку, обратившись за помощью к дочери вдовы. Однажды он отправился к ней домой.

— Барышня, вы должны мне помочь! — молил он, став перед девушкой на колени.— Я человек старый, работать мне тяжело! Получи я пенсию, да еще с выплатой за прежние годы, я бы ушел из школы и наконец обрел бы покой! Будьте столь великодушны, посодействуйте, век буду вам благодарен, до конца дней своих стану вашим верным слугой: только черкните несколько слов его превосходительству...

Девушка была потрясена.

— Но я не знаю никаких превосходительств, я... весьма охотно... но встаньте, садитесь, объяснитесь яснее, если я чем-либо могу быть полезна...

— Конечно, можете,— со слезой в голосе настаивал этот достойный человек,— вам ничего не стоит, только пожелайте! Несколько словечек его превосходительству...

— Но вы... Ну, что вы говорите, Паскуале? — еще раз ответила дочь вдовы, придя в полное замешательство.— Клянусь вам памятью покойного отца: не знаю я никаких превосходительств, в толк не возьму, о чем вы это... Как вы могли подумать, будто я?.. Право же, не понимаю!

Тут уж пришлось самому Паскуале удивляться. Неужто девушка притворяется? Лжет, всуе клянется памятью покойного отца.

— Как же это?! — воскликнул он уж совсем по-другому.— Значит, вы незнакомы с его превосходительством, незнакомы с министром?

— С каким министром?.. Да вам это все приснилось, дорогой Паскуале. Кто вам это только вдолбил...

Паскуале, человек хитрый и неглупый, убедившись в искренности девушки, понял, что во всем этом странном деле есть какая-то тайна, и ни словом не обмолвился о тех разговорах, которые ходили по школе; он притворился дурачком, признался, что все это, может быть, ему действительно во сне приснилось, и на том откланялся. На следующий день он рассказал о происшедшем всей школе. Ему никто не поверил, но он бил себя ладонью по лбу, заявлял, что готов отдать про заклад свой собственный глаз, если только дочь вдовы действительно знакома с министром.

— Да она над тобой подшутила,— подымали его на смех другие.— Ей палец в рот не клади.

Но впоследствии произошел случай, который всех ошеломил.

Дня через два девушка в разговоре с другими учительницами вдруг сама обмолвилась:

— Да, я забыла вам рассказать: позавчера вечером я было собралась идти из дому, как явился ко мне Паскуале и стал рассказывать мне о своей пенсии, а затем начал просить у меня помощи, чуть ли не на колени повалился, только бы я написала «два словечка его превосходительству»...

— Ну и что же? — спросили у нее учительницы, переглянувшись друг с другом.

— Подумайте только,— сказала дочка вдовы,— прямо как снег на голову. Паскуале, говорю я, кто это вас такому научил, о каком превосходительстве вы мне говорите?.. Бедняжка, он, должно быть, из-за этой пенсии совсем рассудок потерял.

Когда стал известен и этот эпизод, умами овладело беспокойство, злобное любопытство, и стали высказывать самые невероятные предположения. Неужто девушка в самом деле может столь искусно ломать комедию? Главное, она вообще казалась совсем неспособной к притворству. Вот почему кое-кто начал утверждать, что в этом деле есть тайные обстоятельства, неведомые самой девушке. К примеру, любовная связь между министром и вдовой... Нашлись, наконец, и такие, кто решил, что вся история с министром была выдумкой. Наконец, кто-то, желая пролить свет на тайну, откопал того самого учителя Беллуччи, в свое время устроившего скандал в учебном округе и первым пустившего слух о весьма высоком покровителе молодой учительницы. Внезапно все прояснилось, и всем открылся хитроумный замысел доктора Маротта — человека тысячи уловок. Но оставалось немало сомнений. Как, например, объяснить, что девушка сама столь глупо разоблачила игру, соучастницей которой должна была являться? Словом, как раз сама простота дела и нежелание поверить, что все они были обмануты столь глупым образом, вызывали сомнения. Как обнаружить доказательства обмана? А что, если министр и в самом деле...

Но тут на первый план выдвинулась учительница Фраскетти, питавшая желчную зависть к дочери вдовы, поскольку покровительству министра она могла противопоставить лишь родство с депутатом парламента, который, в свою очередь, являлся двоюродным братом руководительницы ордена монахинь-кармелиток. Поскольку ее родственник-депутат был приятелем министра, учительница Фраскетти решила описать ему возникшее дело со всеми подробностями, с тем чтоб он обнаружил истину, так сказать, у самого ее источника. Решение учительницы Фраскетти встретило всеобщее одобрение. В ожидании ответа прошел еще месяц, на протяжении которого все, как и прежде, хотя теперь уже в силу привычки и утонченного лицемерия, продолжали осыпать дочь вдовы ласками, при этом неоднократно подмигивая ей с притворными улыбками, которые, впрочем, никого не должны были компрометировать. Впрочем, значение этих улыбок не доходило до сознания невинной девушки.

Никто не мог знать, как протекала беседа между депутатом и министром. В письме, которое депутат отправил своей племяннице, наконец пришло сообщение о том, что министр никогда и не слышал имени дочери вдовы и, крайне возмутившись, приказал нарядить следствие.

Итак, все обернулось, как и предвидели: скоро начнется расследование, и грязь всплывет наружу! Все ждали дальнейшего развития событий со злобной радостью. Директор школы, узнав о происшедшем, вначале изобразил недоверие, затем дал понять, насколько он скандализирован, а через несколько дней, пожираемый злостью, под предлогом инспектирования отправился на урок к дочери вдовы. Там он принялся придирчиво экзаменовать учеников, причем мальчики, растерявшись, не смогли даже рта раскрыть.

— Я спрашиваю, в каком году была открыта Америка?! — кричал он, стуча кулаком по кафедре.— Это позор! Никто не знает, когда была открыта Америка! Где учебная программа, спрашиваю я вас? Вот так выполняется программа! Загубленный класс! Могу я у вас спросить, моя дорогая, чему вы обучаете детей? Нет, мне еще не приходилось встречаться с таким несоответствием должности!.. А что это за кресло? Кто вам дал это кресло?! На уроке хватит и стула: Сократ обучал стоя, даже прогуливаясь!.. А цветы на кафедре? Что за фривольность! Долой! В школе нужна строгость, строгость!

У бедной девушки слезы выступили на глазах. Идиллия внезапно сменилась травлей. Учителя, не ограничиваясь хитрыми усмешками, добавляли к ним теперь странные вопросы, полные непонятных ей намеков: «Как поживает его превосходительство?.. Передайте привет его превосходительству!..»

Доведенная до отчаяния и ничего не понимавшая девушка решила обратиться за разъяснением к хромому сторожу, однажды посетившему ее дом.

— Паскуале, милый, скажите вы мне, ведь вы все знаете, а у других я боюсь спрашивать: что это за превосходительство у всех на языке, почему все меня дразнят его превосходительством?

Достойный человек не отказал ей в разъяснении, которому, однако, пожелал предпослать некую мораль.

— Всякое жульничество рано или поздно открывается,— начал он,— и вы, дорогая, прекрасно знаете, что место, вами занимаемое, вам не принадлежит по праву. Сколько ваших коллег, доживя до седых волос, вынуждены ездить на работу в сельские школы, в то время как вы без малейшего права, без особых заслуг... Но я не стану совать свой нос в чужие дела, ими другие заинтересовались. Другие-то и выяснили, что человек, который помог вам сюда попасть, лишь бы заткнуть всем рот — ведь дело не шуточное,— распустил слух, будто бы сам министр, а не кто-нибудь, добивался для вас такой милости... Теперь ясно вам? И все перед вами расшаркивались, думая, что вы знакомая его превосходительства. Теперь они узнали, что это одни выдумки, и хотят отыграться за то, что без толку унижались перед вами. Но это еще не все. Говорят, что сам министр велел расследовать дело... Я вам только по секрету говорю... Вы никому об этом не рассказывайте!

Девушка со слезами на глазах открылась матери, которая в большой тревоге помчалась к доктору Маротта, к тому времени установившему со вдовой самые сердечные отношения, надеясь рано или поздно наложить руку на драгоценную коллекцию покойного адвоката Кьярини.

— Чем кончится все это расследование! — воскликнула вдова, заламывая руки.— Будут неприятности? Арестуют мою дочь! О боже мой, боже мой! Спасите мою дочь! Я могу лишь... Я принесу вам всю коллекцию мужа, но только спасите мою дочь.

— Ну, кто говорит об аресте? Не надо преувеличивать,— ответил ей озабоченный и мрачный доктор Маротта.— За коллекцию в любом случае спасибо,— добавил он, стремясь более успокоить самого себя, нежели вдову.— Ничего не будет, не беспокойтесь... Что может случиться? Если из-за такого слушка... Ну, допустим, нашелся бесчестный доносчик и сообщил обо всем министру, так что ж, вы думаете, у министра только и дела, чтоб такими вещами заниматься... Министра этим не удивишь... Вы что ж думаете, у министра других занятий нет!..

Но как раз в эту минуту постучали в дверь, и швейцар из учебного округа положил на стол телеграмму. Доктор Маротта распечатал ее с недовольным видом и тотчас же побелел. Перед ним лежал вызов непосредственно из секретариата министерства. Хотя на протяжении всей своей карьеры доктор Маротта совершал злоупотребления разного рода и постоянно плевал на законы и распоряжения, ведя любое дело лишь ради своей личной выгоды; хотя он высмеивал честность, в само существование которой не верил; хотя он всегда вел себя так, словно предоставленное ему по службе право творить насилие законно проистекало из абсолютного права насилия, которым обладало государство, тем не менее,— а может быть, именно в силу этих его понятий об истоках административной власти,— доктор Маротта перед лицом министерства, перед одним лишь упоминанием о министерстве, при простом произнесении этого слова испытывал почтительность и тот слепой трепет, который образует склад ума даже самого вороватого из государственных чиновников.

Телеграмма из министерства его уничтожила. Он видел себя смещенным с должности и преданным суду. Совесть доктора Маротта, на которой лежали груды оставшихся безнаказанными грязных проделок, увеличила до огромных размеров чувство ответственности за самую последнюю из них. Он не предпринял малейших попыток отдалить свершение судьбы. Лишь неумолимый страх владел им, и он подумывал даже о том, чтобы улечься в постель, сказавшись больным. Но этим ничего не решишь. Нет, единственный и наилучший выход в послушании. Нужно отправиться в министерство, выяснить, каким там ветром подуло... А там пусть будет что будет!

Об отъезде доктора Маротта никто ничего не знал. Поездка была тревожной. О милые сердцу кабинеты учебного округа, где даже строки официальных директив, казалось, были предназначены лишь для того, чтобы дать ему возможность толковать их параграфы в свою пользу; о гордая радость, которой он преисполнялся при принятии и отмене решений, при запутывании и распутывании узелков, при обещании покровительства и принятии даров; о дорогая дружба влиятельных и чиновных лиц, рекомендовавших ему своих племянников и знакомых; о милое провинциальное царство, в котором далекая тень министерства казалась надежной защитой, отнюдь не угрозой! Потерять все это из-за какой-то глупости!.. Но сам министр... Нет, министр должен оставить его в покое! Пусть все проклятия падут на голову того, кто нашептал министру об этом деле! Конечно же,— и тут перед его глазами снова возникала сцена, разыгравшаяся в управлении учебного округа одним памятным утром,— конечно, это не кто иной, как тот самый негодный учителишка, первым пустивший слух...

В окружении мраморных колонн министерства доктор Маротта почувствовал, как у него подкашиваются ноги. Но еще хуже стало, когда он прибыл к генеральному директору, и тот, не добавив ни слова, просто приказал сопровождавшему доктора Маротта швейцару отвести его к личному секретарю его превосходительства. Личный секретарь, не вымолвив ни слова, провел его в кабинет министра.

Министр стоял, протянув руки над огромным письменным столом, стоявшим в глубине огромного кабинета, и казалось, что в этой позе выжидания он застыл с самого дня творения: министр и в самом деле стоял недвижно с той самой минуты, как ему доложили о прибытии провинившегося. Доктор Маротта вошел в комнату и, закрыв глаза, остановился в двух шагах от письменного стола. Бывает, что перед самой кончиной наиболее далекие воспоминания детства с потрясающей ясностью возникают в памяти человека. В ту минуту доктор Маротта внезапно увидел перед собой учительскую кафедру, за которой возвышался преподаватель математики — тот самый, которого он так сильно боялся в детстве,— и бедняга проклял день и час, когда избрал карьеру, по сей день принуждавшую его иметь касательство к учителям и школе.

Затем до его слуха донесся издалека чей-то холодный голос, произносивший слова, смысл которых он с трудом различал.

— Прежде чем дисциплинарный совет обсудит результаты расследования, которое я приказал произвести, и примет решение по вашему делу, я хотел бы все же познакомиться с вами лично. Да, я хотел познакомиться с вами лично... Ведь мы с вами старые друзья. Ну, конечно, старые, близкие друзья! А как же! Разве в ином случае вы бы посмели воспользоваться моим именем, чтобы прикрыть им свои грязные делишки? Но дело вот в чем, я как-то совсем позабыл о нашей дружбе! Прошу вас мне напомнить...

Тут доктор Маротта открыл глаза. Внезапно все вокруг него самым пугающим образом приобрело реальность: да, он действительно стоял перед министром, да, этот изящно одетый господин, разглядывавший его с ледяным сарказмом из-за огромного письменного стола, на самом деле был не кто иной, как сам министр.

— Ваше превосходительство! — крикнул доктор Маротта. Будучи не в силах долее выдерживать пытку, он вполне осознанно решил выложить единственную карту, которая у него оставалась еще в этом отчаянном положении.— Ваше превосходительство, поступок мой отвратителен, но вовсе не алчность заставила меня нарушить долг, который я столько лет исполнял с безупречной честностью. Невинная и безобидная страсть, которой я стыжусь хотя бы потому, что она толкнула меня на этот проступок, помутила мой разум... Я, ваше превосходительство, денег ни от кого не брал! Я сделал это, ваше превосходительство... ради марки!

— Не думайте, что вам удастся меня разжалобить... Но как,— воскликнул министр, подскочив от удивления,— вы сделали это ради марки?

— Да, ваше превосходительство! Вы можете смеяться надо мной, считать меня безумцем...

— Объяснитесь! — прервал его министр.— Вы заговорили о марке...

— Увы, ваше превосходительство!— простонал доктор Маротта.— Чего стоят теперь все мои объяснения?

— Марка редкая? — вновь прервал его министр.

— Редчайшая, ваше превосходительство... Так вышло: страсть коллекционера...

— Какая марка?

Доктор Маротта поднял глаза и взглянул в лицо министру. С мгновение оба они пристально глядели друг на друга.

— «Три лиры из Тосканы»,— сказал доктор Маротта обычным голосом.

— «Три... три лиры из Тосканы»?! — воскликнул министр. Глаза у министра при этом выскочили на лоб, и он в порыве возбуждения вскочил на стол.— «Три лиры из Тосканы»?!. Боже великий и милосердный! Пятьдесят лет собираю... и до сих пор ни разу не удостоился счастья, ну хоть в чужих руках видеть экземпляр столь драгоценный, столь редкий... Где же она? Где марка, спрашиваю я вас? — добавил он поспешно, сидя на корточках у самого края письменного стола и, как одержимый, впиваясь глазами в доктора Маротта, стоявшего на коленях в нескольких сантиметрах от стола.

— Глубоко сожалею, ваше превосходительство, но я оставил ее дома,— ответствовал ему доктор Маротта.— Если бы я только знал...

— Вы привезли бы мне ее? И вы еще сможете мне ее привезти... Если мы потом... если мы уладим... все это дело... Может быть, я могу поехать с вами за маркой?

— Хоть завтра, ваше превосходительство,— пробормотал доктор Маротта, словно еще не зная, кто из них двух в эту минуту совершил выгодную для себя сделку.

— Еду! «Три лиры из Тосканы»! Боже великий! Боже милосердный! — снова воскликнул министр и всплеснул руками, отчего утратил равновесие и повалился с письменного стола прямо на спину доктору Маротта.

Министр сдержал свое слово и два дня спустя прибыл в Н-ский учебный округ. Затрепетали чиновники, услышав весть о его приезде, которая мгновенно облетела все здание округа от чердака до подвалов. Но ничего не случилось страшного, можно даже сказать, что вообще ничего не случилось. Министр, пробыв некоторое время в кабинете у доктора Маротта, вышел вместе с ним, держа его под руку,— заметим, что всех это донельзя поразило,— а затем направился к одному из домов на Корсо Гарибальди, где нажал звонок на двери с табличкой «Вдова Кьярини». (Все эти подробности стали известны благодаря любознательности одного из чиновников, незаметно следившего за министром.) Некоторое время спустя упомянутый нами чиновник увидел, как министр вышел из дому вместе с доктором Маротта, которого он по-прежнему вел под руку, и затем оба они, словно два подвыпивших матроса, пошатываясь, зашагали по улице, держа в свободных руках по большому альбому.

Вот и все, что удалось разузнать о столь неожиданном и необычном посещении министра, слух о котором из здания учебного округа вскоре разнесся по школам. Некоторые подробности — впрочем, плод чистого любопытства — были позднее сообщены дочерью вдовы, которая рассказала коллегам, что его превосходительство пил чай у них в доме и что одет он был в костюм серо-пепельного цвета, а галстук носил серый, с серебряными полосками.

Время шло. И в один прекрасный день стало известно, что министерским декретом доктор Маротта назначен генеральным и полномочным инспектором всех учебных округов республики. Прошло еще некоторое время, и хромой сторож Паскуале получил официальное уведомление о назначении ему пенсии, той самой, о которой он хлопотал более двадцати лет, с выплатой за все предшествовавшие годы. Но вот прошло еще немного времени, и начался новый учебный год. Дочь вдовы получила штатное место в попечительстве учебного округа, там ей ни разу и не пришло в голову заняться каким-либо скучным делом, но это не мешало всем кланяться ей чуть ли не в ноги при каждом ее приходе и уходе. А некий учитель Беллуччи, который не сумел держать язык за зубами и проболтался насчет покровительства министра, был исключен из всех списков претендентов на учительские должности и вынужден был поступить учеником к колбаснику, а тот стыдил его перед всеми покупателями и обращался с ним весьма скверно, попрекая тем, что он хоть и кончил университет, а не может как следует нарезать кольцо колбасы. Директор, который столь плохо обошелся с дочерью вдовы, лишив ее кресла и вазы для цветов, был под конец переведен в глушь и стал директорствовать в школе одного пустынного и каменистого острова, на котором водились бандиты, прикончившие его через несколько дней после прибытия к новому месту назначения.

Перевел с итальянского
Г. БРЕЙТБУРД.

Раздолье

Ахмед ЕРИКЕЕВ

* * *

Врывается в комнаты запах цветочный,
Лиловой сирени густы облака...
У солнца работы полно сверхурочной,
Поэтому смена луны коротка.

Где ива, росою умытая, косы
Склонила, чтоб высушить на ветерке,
Оранжевоклювые гуси с откоса
Вразвалку спускаются утром к реке,

На сцене воздушной певец голосистый
Весь день над колхозником в поле поет...
А ночью завидую я гармонисту:
Как в песне, он девушкам спать не дает...

Куда ни посмотришь, раздолье такое,
Такая краса, что и слов не найти!
Отрадно душе сторониться покоя,
С весенней природою слившись почти.

Какое заветное, щедрое время,
Добру, как лучам его, нету конца!
Весна, словно в теплую борозду семя,
Вселяет надежды в людские сердца.

* * *

Тишиною пропахла природа,
Горькой зрелостью скошенных трав.
Твоего ожидаю прихода,
Взгляд к дороге с утра приковав.

И в плену у сердечной тревоги,
Словно милости жду от судьбы.
Не идешь ты... Бредут по дороге
Телеграфные только столбы.

Как безветренно в мире, как тихо!
Не колеблются тени ничьи...
Но во власти грядущего мига
Трепещу я, как пламя свечи.

Почему до сих пор тебя нету?..
Может, двинуться в путь на заре,
Подражая тому Магомету,
Что спешит к непришедшей горе?

Перевел с татарского
Я. Козловский.

Города и леса

Виктор КИСЕЛЕВ

Над вздыбленной гривой соснового бора
Рассыпало солнце лучи-невидимки.
На месте недавней таежной заимки
Лесной молодой поднимается город.

О, как вам везет, земляки-новоселы!
Ваш город лесным окружен окоемом,
И рощи за окнами каждого дома
Наполнены щебетом птичьим веселым.

Мой город заложен в семнадцатом веке,
Но возраст преклонный его не состарил:
Его молодят тополя на бульваре,
Его освежают холодные реки.

Когда отбушуют весенние грозы,
Мы смотрим с любовью, следим с интересом,
Как в город приходят посланцы из леса —
Кудрявые ольхи, подростки-березы.

Я рад, что работаю в годы такие.
Я счастлив растить на просторах России
В лесах вековых города молодые,
В седых городах — деревца молодые.

Иркутск.

О СУДЬБАХ ДЕВИЧЬИХ

ХОРОШО, КОГДА РЯДОМ ДРУГ

Такие же настроения, как у вас, Женя, были и у моей жены, которая лишь на год старше вас. Мне все время приходится бороться с этими ее настроениями.

Когда у нас родился сын, мы оба решили: в ясли его не стоит отдавать — он маленький, пусть подрастет, а там видно будет. Я уговорил жену бросить работу. Она согласилась.

Прошло два года. Сейчас она мечтает работать в яслях или в детском саду и заочно учиться на факультете дошкольного воспитания в пединституте. Но увы! Нет мест. И приходится мне слушать упреки, будто я виноват в том, что она не работает. Дело в том, что сам я в прошлом году поступил в институт, а жена еще нет. Вот она и хочет как можно быстрее восстановить равноправие.

В остальном же у нас все хорошо. Вместе ходим в кино, не пропуская ни одного фильма, на концерты. Я, так же как и вы, Женя, люблю спорт. У меня второй разряд по бегу, третий по гимнастике, настольному теннису. Очень люблю шахматы.

Жена тоже увлеклась гимнастикой и занимается. Я ее учу играть в шахматы. В общем, мы делаем все, чтобы у нас были общие интересы. Раньше, например, я не любил танцевать, а жена очень увлекалась танцами. Теперь она учит меня.

Так что замужество, Женя, вам ничуть не помешает.

И никто вас не будет «держать» дома. Только друг ваш должен быть настоящим человеком. И откажитесь от мнения, будто совсем не надо выходить замуж. Вы поработаете два-три года, потом в институте — пять-шесть лет. Вам будет уже 26—27 лет. Неужели вы уверены, что за эти шесть-семь лет никого не полюбите? Все зависит лишь от вас, как вы сумеете свою жизнь «сделать». И помните: хорошо, когда рядом друг.

Вадим **ВИНИЧЕНКО**

Павлоград.

Читатели обсуждают письмо Жени N.

С Чукотки и из Джанкоя, из Кушки и Судогды, что на Владимирщине, из латвийского Цесиса и узбекского села Узгарыш и даже из-за рубежа — Франции, Болгарии, Германии, Израиля, Италии — идут в Москву письма с кратким адресом: «Огонек», Жене N.» (см. журнал № 12 за 1960 год).

Недавно мы сообщали, что поступила тысяча писем в редакцию. Сейчас к ним прибавилось еще пятьсот.

«Выйти замуж,— писала в своем письме Женя,— это значит жить однообразно: работа — дом, дом — работа, а все мечты, все, к чему стремилась, забросить — о нет! Только не это! Может, я неправильно понимаю замужество?..»

Эти строки Жениного письма вызвали горячий обмен мнениями. Кое-кто соглашается с Женей, а большинство читателей спорит. «Нет,— пишут они,— замужество и женитьба не сулят однообразной жизни и не служат преградой в осуществлении мечты и заветной цели...»

Сегодня мы продолжаем публиковать отклики читателей на письмо Жени N.

Я так жить не хочу!

Мне захотелось поддержать Женю вот по какому поводу: не надо спешить с замужеством!

Бывшие мои подружки рано вышли замуж. Ну, а что здесь хорошего? Связали себе руки детьми, никуда нельзя сходить погулять. У них только одна забота — о семье. Хорошо ли это? Да и сами подружки от чистого сердца говорят: не выходи так рано замуж, еще успеешь.

У меня есть сестра, которая уже восемь лет замужем. Первые годы они жили дружно. Вместе всюду бывали. А сейчас уже не то. У них двое детей. И могу прямо сказать, ничего хорошего сестра не видит, даже в кино редко ходит. Все время дома с детьми сидит. Разве это интересная жизнь? Нет, я так жить не желаю!

Муж ее приходит с работы поздно, притом иногда «под градусами». Начинает придираться ко всему. Если что не так, то упрекает ее: «Дома сидишь целыми днями, а сделать хорошо не можешь...» Вот это и мучит меня. Думаю: «Неужели и моя судьба такая же!» Нет, я так жить не хочу!

Может, вас заинтересует, кто я такая. Окончила десять классов, поступала в медицинский, но меня не приняли. После этого пошла работать в Трамвайно-троллейбусное управление Минска и поступила на двухгодичные курсы стенографии. Окончила их в мае 1959 года и работаю не по специальности. Пришлось стать машинисткой. Чтобы не забывать стенографию, я после работы хожу писать то в райком, то в горком комсомола. Моя специальность мне очень нравится. И еще я продолжаю думать о вузе. Надеюсь, что своего добьюсь. Только теперь не в медицинский, а в другой. В какой? Сейчас вам не напишу. Как поступлю, тогда обязательно сообщу.

Людмила **С.**

Минск.

Строчки из писем

Выйти замуж вовсе не значит, как пишет Женя, «забросить мечты».

В прошлом году я встретила молодого человека. Мы полюбили друг друга. Я знала, что он будет настоящим другом в жизни. И не ошиблась. Мы оба работаем, оба учимся в вечернем институте. Вместе нам легче делить все трудности.

Белла **ЧЕРТОВА**

Куйбышев.

* * *

На протяжении ряда лет мне как народному заседателю пришлось знакомиться с бракоразводными делами.

Но их не должно быть. Прежде чем выходить замуж, нужно обдумать, не рано ли. Посильно ли будет нести на своих плечах всю ответственность за будущую семью, за судьбу и счастье детей?

Пишу об этом с единственной целью: подумайте над смыслом слова «замуж» и не делайте этого шага, если замужество только компенсирует неудачу при поступлении в институт.

С дружеским приветом

Тамара **КУЗНЕЦОВА**

Одесса.

* * *

Если я задержалась у больного, то Сережа разогреет обед, и я прихожу уже на готовое. Я пишу тебе об этом по секрету. Он не любит, когда я говорю, что муж помогает мне. Он тракторист. У нас уже семья: сын Олежек. Кто знает, может быть, этот самый Олежек полетит на Луну? Я очень счастлива.

Нина **Д.**

Сталинградская область, хутор Ерши.

* * *

Наш совет: найди друга жизни, а потом вырасти и воспитай детей.

Сестры **А. ДЬЯЧКОВА** и **В. ШИРОКИХ.**

Череповец.

* * *

Мне, например, Женя, весело и интересно жить. Я работаю, заочно учусь и... люблю. Да, Женя, люблю одного человека. Не знаю, какое чувство у него ко мне. И все же он мне дорог. Где бы я ни была, как бы трудно мне ни было, всегда он со мной. И нет большего счастья для меня, чем видеть его. Я иду ночью одна с работы и не боюсь, потому что он в моих мечтах. Выполняю контрольные работы — и снова он рядом, он помогает мне везде и всюду. Я благодарю его за честное, дружеское отношение ко мне. У меня так много хороших друзей, которые никогда не оставят в беде.

Желаю и тебе счастья!

Маша **В.**

Пенза.

* * *

Я вышла замуж в двадцать лет. И очень счастлива. Сначала меня радовала каждая приобретенная вместе вещь, а потом — материнство. Какое это счастье! Каждое новое движение ребенка, его улыбка...

Очень важна в нашей жизни любовь, которая по-настоящему тебя, видимо, еще не захватила, Женя. И когда она придет, ты поймешь, что весь мир и дорог и мил, и запоет душа, и настроение будет хорошее.

Вера **Ф.**

Саратовская область, Красный Яр.

* * *

После окончания техникума я получила назначение в Зауралье. Но парень, с которым мы встречались, сказал мне: «Останься дома. Скоро я окончу институт, и мы уедем вместе. Неужели я не дорог тебе?»

Он был мне очень дорог, моя первая любовь, мой «Иван-царевич». Но остаться дома — это значило бы потерять свое достоинство, зачеркнуть то, чего так упорно добивалась столько лет. Я уехала. Сначала он писал редко, а потом совсем бросил...

Завидовать подружкам, вышедшим замуж, по-моему, не стоит. До восемнадцати лет они продержатся за юбку матери, потом станут собственностью мужа. Хорошо, если это человек с правильными взглядами на жизнь, а если это дикий деспот? И будет тогда не жизнь, а прозябание.

Нина **МАСЛОВА**

Курганская область, Далматовский район.

* * *

Почему ты в замужестве ничего не находишь хорошего? Мне было восемнадцать лет, когда я вышла замуж. В двадцать лет родился сынок. В счастливую нашу жизнь ворвалась война. Муж погиб на фронте. Вначале казалось, что жизнь для меня — темная ночь. Но прошло время, горе стало забываться. Я снова вышла замуж и имею уже пятерых сыновей. Если бы ты знала, как интересно жить!

Я и муж работаем. Каждый день у нас полон новостей.

А. М.

Поселок Боровское, Луганской области.

* * *

Когда-то я мечтала быть медиком, но помешала война. И я закончила только курсы стенографии-машинописи. Сейчас я замужем. У нас двое детей. И мне почему-то не кажется, что работа и замужество делают жизнь скучной, однообразной. Нет даже свободной минуты, чтобы поскучать. И очень приятно в кругу маленькой семьи провести после работы субботний вечер, выходной день...

З. БУДЯНСКАЯ

Челябинская область, поселок Красногорск.

Художественная выставка «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Мелькают полустанки, станции, города. Молодость слышит зов неизвестного. Может, и взгрустнется в дороге, вспомнится дом, родные, лучшая подруга и милый товарищ. Но это, наверное, последние минуты грусти...

Комсомольская боевая жизнь на стройке или на целинных землях захватит девушек, и некогда им будет скучать.

Виктор Александрович Прибыловский — художник лирический. Он и в этой композиции сумел про большую жизнь, про мужество рассказать поэтично.

В картине остро чувствуются современность и романтическая устремленность в будущее. Художник обладает острым глазом, находит своеобразные живописные средства выражения, свой образный язык.

В. Прибыловский.

В НОВУЮ ЖИЗНЬ

«Огонек».

А. Лактионов.

ОБЕСПЕЧЕННАЯ СТАРОСТЬ
(ВЕТЕРАНЫ РУССКОЙ СЦЕНЫ)

— Мне хотелось,— рассказывает Александр Иванович Лактионов,— написать монументальную композицию о счастливой старости. И вот сижу я месяц в мастерской, сижу два, пишу эскизы. И чувствую, что тема, как я ее задумал, изобразительно не выходит, а получается то ли воскресное чаепитие стариков, то ли веселая встреча охотников... Мучился я над композицией, пока мой друг не посоветовал мне поехать в Дом ветеранов сцены, посмотреть, как живут старые актеры. Поехал, познакомился с замечательными людьми, узнал распорядок дня, как они развлекаются, отдыхают, даже что едят. И мне подумалось, что если я напишу картину — портрет этих актеров, то смогу выразить большую заботу партии и правительства о людях, вышедших на пенсию.

Три года живописец посвятил этому произведению. Все портреты он писал с натуры, сразу на большое полотно, и создал живую композицию. Актеры полны внутреннего движения. Художник сумел передать их настроение, рассказать о биографии каждого.

Год жизни Мусы Джалиля

Передо мной лежала газета «Отвага». Я долго искал ее в архивах, прочитал три газеты с этим названием, перелистал несколько «Отважных воинов», наугад раскрывал страницы газет с другими, но схожими названиями, дважды перечитал газету Волховского фронта «Фронтовая правда». Но нигде не встретил того, что искал...

И вот однажды, листая очередную «Отвагу», я увидел под маленькой, в двадцать строк, заметкой «В засаде» подпись: «Старший политрук М. Залилов».

Залилов — ведь это же фамилия Джалиля!

Комплект газеты далеко не полный. Но теперь я знаю главное: Джалиль печатался в армейской газете! Я знаю ее точное название: ежедневная красноармейская газета «Отвага», знаю номер полевой почты — 1550, фамилию редактора — Румянцев.

Газетная подшивка рассказывает о какой-то катастрофе, происшедшей в конце июня 1942 года. Здесь не хватает многих номеров, с первого августа идет другой шрифт, уже не встречаются фамилии Бархаша, Кузмичева, Моисеева, Родионова, Чазова, раньше регулярно появлявшиеся на страницах «Отваги», привычная подпись в конце «ответственный редактор Румянцев» меняется на «и. о. редактора Лакирев».

Нет больше и гравюр по линолеуму Е. В. Вучетича, сразу обращающих на себя внимание.

Было бы очень долго рассказывать о том, как в течение полугода удалось разыскать «отважников». Так по старой памяти называют себя работавшие в этой редакции.

Хорошо помнят Джалиля заместитель редактора газеты Л. Моисеев, секретарь партогранизации редакции Н. Родионов, А. Обыдена, наборщики М. Рапопорт и И. Голубев, спецкор А. Кузмичев, В. Кузнецов.

Их рассказы, воспоминания Амины Джалиль, письма самого Джалиля, архивные документы постепенно раскрыли передо мной целый год жизни поэта, год, непосредственно предшествовавший Моабитской тетради.

Июнь 1941 года застал Джалиля за работой в театре. Готовилась премьера оперы, написанной композитором Н. Жигановым по драматической поэме Джалиля «Алтынчеч». Джалиль был полон новых творческих планов.

— Он очень много работал в это время,— рассказывает жена поэта Амина Джалиль.— Я с трудом уговорила его поехать на воскресенье за город. На вокзале, уже сидя в поезде, мы услышали о начале войны.

В мобилизационном листке Джалиля значилось: «Явиться в райвоенкомат в первый день объявления мобилизации». 22 июня было воскресенье, военкомат закрыт. Назавтра, рано утром, Джалиль пошел туда. Ему сказали: «Ждите повестку».

Только на двадцатый день войны Джалиль «12 июля 1941 года призван в ряды РККА в гор. Казани Молотовским райвоенкоматом».

О том, где ему потом пришлось побывать, об участии в боях на западном направлении рассказал Джалиль в письме к А. Фадееву от 20 января 1942 года.

«Глубокоуважаемый тов. Фадеев! Это письмо Вам пишет татарский писатель — бывший руководитель Правления Союза советских писателей Татарии — Залилов М. М. (Муса Джалиль). Я с первых дней начала войны был мобилизован в ряды Красной Армии, после чего в течение последних 6 месяцев я проходил большую школу военной службы в условиях Отечественной войны. Вначале был рядовым в артиллерии, потом в Марьино (Курская область) проходил краткосрочные курсы среднего политсостава. Ввиду того, что немцы вынудили нашу армию отступить и заняли Каллантаевку, Рыльск, Курск, Чумры, Орел, где мы были, нам пришлось принимать кое-какое участие в обороне. Потом мы эвакуировались в Мензелинск, где я окончил курсы с отличными показателями и по приказу НКО получил военное звание старшего политрука. По окончании курсов Главполитуправление вызвало меня в свое распоряжение — в Москву. Я сейчас нахожусь в Москве в распоряжении ПУРККА и жду нового назначения и посылки в действующую армию.

Я чувствую, что ПУР долго затянет мое дело. Здесь не знают, как меня использовать. Чувствуется необходимость Вашей рекомендации и характеристики.

Я надеюсь, что Вы, т. Фадеев, мое письмо не оставите без внимания. Зная по опыту моей работы в Правлении ССП Татарии, где я и вообще в своей писательской практике пользовался Вашим исключительным вниманием, заботой и чуткостью, и сейчас думаю, что Вы примете живое участие в этом деле. Хочется приносить возможно большую пользу делу обороны, находясь в рядах армии.

С приветом и глубоким уважением

Ваш Муса Джалиль (Залилов)».

А. Фадеев принимал живейшее участие в судьбе Джалиля. Из архивных документов следует, что еще осенью 1941 года А. А. Фадеев писал Ставскому в редакцию «Правды» о том, что Мусу Джалиля как одного из «известных и талантливых татарских поэтов... в интересах дела обороны было бы более правильным и целесообразным использовать... в качестве работника фронтовой печати».

Но в конце февраля случилось то, что и предполагал Джалиль. Хотя его имя уже было внесено в список, составленный Союзом писателей для ПУРА, с очередной группой поэт был отправлен на фронт.

3 апреля он пишет своему другу, писателю Кашшафу:

«Сегодня случайно узнал, что на этом фронте воюют татаро-башкирские части. Если бы ты знал, как я мечтаю попасть к ним!

...Очень обидно: рядом с тобой твои земляки косят фашистских гадов, творят необычайные чудеса, а я, их собственный поэт, кроме того журналист, не держу с ними связи, ничего не пишу об их геройизме. И это только из-за того, что у меня нет формального основания попасть туда...»

5 апреля, вернувшись из командировки, Джалиль встретил на улице Малой Вишеры давнего знакомого по Московскому университету Льва Алексеевича Моисеева. Тот вместе с Вучетичем приехал в Вишеру за бумагой для газеты «Отвага».

Сейчас Моисеев работает в «Учительской газете». Он рассказал следующее.

Встретились. Начались расспросы: как, что?

— Да вот,— говорит Муса,— сижу в резерве политуправления. Дают отдельные задания, а в общем скука. Надоело.

— Поехали к нам,— говорю.

Сразу пошли к начальнику по агитмассовой работе Золотареву. Тот согласился. Поехали. От Малой Вишеры до расположения редакции километров сто.

Редакция «Отваги» в то время располагалась в деревне Огорели, недавно освобожденной от врага. От деревни уцелело только несколько изб.

Вскоре после приезда Джалиля редакция перебралась на опушку леса, недалеко от деревни.

Джалиль попал в палатку, где жили кандидат филологических наук Л. Перльмуттер, философ Б. Бархаш, литературовед Н. Родионов, журналист А. Кузмичев. Джалиль быстро освоился в этом дружном коллективе. Первым заданием, которое получил Джалиль от редактора, был обзор писем, присланных в часть ранеными бойцами. Потом появляются его корреспонденции: «Кочующий миномет», «Автоматчик Поляков», «Художественный ансамбль связистов». Джалиль пишет статьи для нового газетного раздела «Мастера своего дела».

Но все-таки он прежде всего поэт. И даже в тех условиях, отдавая все силы газете, Джалиль находит время для стихов. Пишет Джалиль на татарском. На фронте нет возможности переводить стихи на русский, да и некому.

До сих пор не было известно ни одного стихотворения Джалиля, написанного на русском языке. Но в «Отваге» 19 апреля 1942 года такое стихотворение напечатано — «Весенние резервы Гитлера». Товарищи по редакции утверждают, что Джалиль написал на русском языке несколько стихотворений, но найти их пока не удалось.

В дневнике А. Обыденой сохранилась запись от 29 апреля: «Вчера ночью все спали, я ожидала полосы с машины, а Джалиль Муса переводил мне свои стихи. Нежные, ласковые. Потом коротко рассказал историю своей первой любви, не окончившейся ничем». Анна Ивановна вспоминает, как много Джалиль рассказывал о своей дочке Чулпан.

Фронтовая обстановка дает Джалилю богатейший материал для стихов. В письме к Кашшафу Джалиль пишет: «Нужно больше показывать живых людей, давать живых героев, их индивидуальный образ».

Положение на фронте складывается неблагоприятно. Немцы стремятся завершить окружение 2-й армии. Ниточка Мясного бора — местности, через которую идет связь с «большой землей»,— становится все уже.

В мае из редакции на курсы в Иваново уходят четверо сотрудников. Еще раньше уехал заболевший Вучетич.

В последних числах мая вновь начались бои.

Запас газетной бумаги подходил к концу, а надеяться на подвоз в создавшихся условиях не приходилось. С 29 мая газета переходит с четырех полос на две. 3 июня Джалиль пишет последнее из дошедших до нас писем:

«Друг Кашшаф!

Сегодня получил письмо, написанное 22 мая. Спешу хоть кратенько ответить. Уже смеркается. Здесь, в лесу, жизнь ночью прекращается, начинается таинственная военная жизнь.

...Редактор обещал по возможности помочь моей работе, обещал отпускать, когда мне будет нужно. Мы с ним говорили о том, куда лучше будет направиться мне в первую очередь, когда военный поход продолжится (сейчас мы в особом положении). Договорились о том, что как только достигнем определенного пункта, я на самолете полечу в авиаполк. В этом авиаполку служит дважды орденоносный герой-штурман, капитан Гали Бурган. Он сделал 118 боевых вылетов, трижды бомбил Берлин».

Вот о чем писала «Отвага» в июне 1942 года:

«...В последние дни продолжались ожесточенные бои наших частей с противником, прущим на рожон...»

Положение становилось все более тяжелым, но газета выходила регулярно. Когда кончился бензин, печатали вручную.

В воскресенье, 21 июня, «Отвага» вышла последний раз. Вышла на четырех полосах, как в прежние времена.

Связи с частями уже не было. Бой шел вокруг. 22 июня редакция двинулась по направлению к Мясному бору. На третий день из 24 человек, составлявших к тому времени штат редакции (включая шоферов и двух бойцов охраны), из окружения вышло только трое.

22 июня Джалиля не было в редакции. Может быть, он все-таки был послан в ту командировку в летную часть, о которой писал Кашшафу? Может быть, это он организовал материалы полосы, целиком посвященной Н-ской авиационной части в последнем номере «Отваги», и, вернувшись в расположение редакции, уже никого не застал?

Говорят, что о том, при каких обстоятельствах был взят в плен Джалиль, рассказывал кому-то, уже после войны, полковник Черных. Я нашел восемь полковников и (на всякий случай) подполковников с этой фамилией, но никто из них не знал Джалиля.

Может быть, кому-то удастся найти этого человека (его, по некоторым сведениям, зовут Виталием), и тогда мы узнаем новые подробности о подвиге поэта-воина Мусы Джалиля.

Л. ШИЛОВ

Замечательного советского пейзажиста Г. Нисского всегда отличало умение показать жизнь родной природы, увиденной глазами современного человека, стремление к обобщенному поэтическому мышлению.

О чем рассказывает его картина «Колхоз «Загорье»? О новом быте социалистической деревни, о весне, которая пышно цветет на земле.

Убегает куда-то вверх, к облакам, дорога. Сочно зеленеет весенняя трава, желтеют бревна нового сруба, изумрудный жук-автомобиль ползет по холму, пестреют яркие наряды колхозниц... Бодрое, праздничное настроение овладевает зрителем. Он проникается мыслью художника о жизни, пробуждающейся и расцветающей, о земле, несказанно преображенной руками советского человека.

← Г. Нисский. КОЛХОЗ «ЗАГОРЬЕ».

Могучая «упряжка».

СОВЕТСКОЙ ТАТАРИИ — 40 ЛЕТ

В КРАЮ КОЧУЮЩИХ ВЫШЕК

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. ПОЛЫНИН,

специальные корреспонденты «Огонька»

Мчишься по накатанному асфальту дорог Татарии — и словно листаешь страницы книги...

Татарской Автономной Советской Социалистической Республике исполняется сорок лет... Полвека назад среди пятидесяти губерний России Казанская занимала по развитию экономики седьмое место от конца. Советская Татария сегодня по добыче нефти вышла на первое место в стране...

Когда впереди показался плакат с портретом Мугалима Гимазова, мы попросили остановить машину и сделали снимок. Какую роль играет Мугалим Гимазов в истории татарской нефти, вы узнаете из лаконичной надписи на плакате. Также нескольких слов достаточно, чтобы сказать, какую роль татарская нефть сыграла в личной жизни бурового мастера.

Мугалим Гимазов — ровесник Татарской республики. Место его рождения — село Бавлы. В Бавлах ударил первый фонтан татарской нефти. Это случилось в 1946 году, когда Мугалим вернулся с войны, где у него погибли пять братьев. В тот же год Гимазов, бывший колхозник, стал нефтяником. Если заняться подсчетами, можно доказать: никто в Татарии не прошел столько скважин, как Гимазов. Ко всему новому, передовому, замечательному в бурении на нефтеносных площадях Татарии Гимазов прикладывал свои руки. И Татария сделала его Героем Социалистического Труда, избрала депутатом советского парламента; он стал национальным героем.

Татарская нефть фонтанирует четырнадцать лет. В бурении за это время произошла техническая революция. Раньше проходили скважину за несколько месяцев, теперь — примерно за три недели.

Внедрены новшества и в вышкостроение. Четырнадцать лет на-

Укрощение водоносного пласта на буровой у Мугалима Гимазова.

зад сорокаметровой высоты «фонарь» разбирали на части и перевозили со старой скважины на новую. Теперь «фонари» перетаскивают целиком, передислокация бурового станка занимает менее одной недели.

Недалеко от того места, где бригада бурильщиков Мугалима Гимазова расправлялась с возмутившимся водяным пластом, мы увидели необычную процессию. По неровному полю, то взбираясь на бугры, то опускаясь в овраги, плыла буровая вышка. Двигалась она очень медленно, со скоростью пешехода. Только когда железный «фонарь»-небоскреб взобрался на гору, мы увидели, что процессию возглавляют карлики-тракторы. Они были запряжены цугом в три ряда, по два трактора в каждую постромку, и ревели на пределе сотен своих лошадиных сил. Гул моторов стоял невообразимый! А земля под лязгающей сталью гусениц превратилась в черное месиво. Но если большинство тракторов маневрировало, словно копируя движения друг друга, то два из них — один в голове процессии, другой, отставший далеко позади за вышкой,— казалось, танцевали вокруг «фонаря». Они то отходили в сторону, будто желая посмотреть на процессию сбоку, то вдвоем, соединившись, убегали вперед, то, обгоняя друг друга, кидались назад...

Подойдя поближе, мы увидели, что все до одного трактористы сидят за рычагами своих машин вполоборота, просунув головы в открытые задние окна кабины, и не спускают глаз с человека, который, широко расставив ноги — не свалиться бы от толчков,— стоит на помосте движущейся вышки. Он воздел к небу руки и «дирижировал» многомоторным «оркестром». Приглядевшись к «дирижеру», мы научились понимать его: оттопыренные указательный и средний пальцы означают «включить вторую скорость», наматывание невидимой нити на указательные пальцы обеих рук — «полный вперед», а коснувшись рукой головы, прикрытой замасленной кепкой, он подавал знак двум «танцующим» тракторам, прикрепленным длинными оттяжками к самой верхушке «фонаря»: «Забегайте в сторону, надо удержать вышку, чтоб она не опрокинулась на крутом склоне».

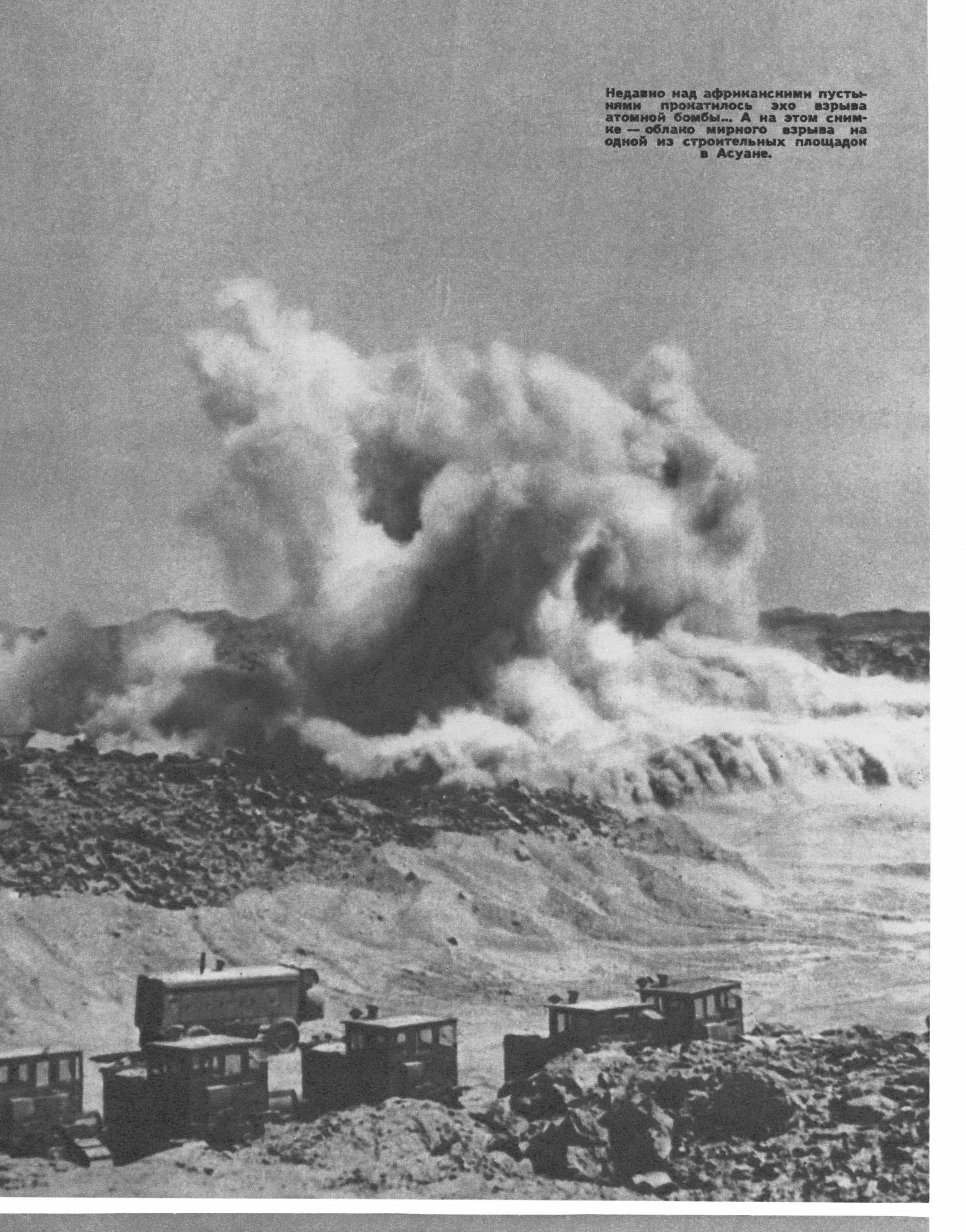
Наконец «дирижер» резко опустил обе руки вниз, и тракторы остановились, как вкопанные. Человек спрыгнул на землю, и нас познакомили с ним.

— Александр Григорьевич Тимченко, первый «вышкарь» Татарии!

Это лучший в стране вышкомонтажник — есть такая профессия. В 1959 году он со своей бригадой занял первое место во всесоюзном соревновании. Он первый в Советском Союзе «вышкарь», удостоенный звания Героя Социалистического Труда. Это звание Тимченко получил не только за умение, но и за мужество, проявленное во время сухопутных рейсов. Полезайте к нему на вышку во время рейса, и вы убедитесь, что застывшие «волны суши» бывают не менее опасны, чем бушующая зыбь океана.

Недавно над африканскими пустынями прокатилось эхо взрыва атомной бомбы... А на этом снимке — облако мирного взрыва на одной из строительных площадок в Асуане.

ЭХО В НУБИЙСКИХ СКАЛАХ

Главный эксперт строительства высотной Асуанской плотины профессор
И. КОМЗИН

У меня старая привычка — собирать и хранить фотографии, дневники, исписанные блокноты, значки, газеты и многое другое, связанное с интересными событиями в моей жизни. Вот передо мной на нескольких столах документы и сувениры, связанные с проектированием и началом строительства высотной Асуанской плотины в Объединенной Арабской Республике. И мне хочется ознакомить с ними читателя.

Что можно сказать кратко о тех местах, где мы сейчас живем и работаем?

Асуан — древний город, ему около 2 тысяч лет. Правда, он небольшой (по нашим масштабам), но все же в нем 37 тысяч жителей. В прошлом здесь был невольничий рынок, откуда африканские рабы продавались во все края света.

Асуанский гидроузел от города расположен примерно в 8 километрах.

Нил! Это одна из великих рек мира, протяженностью около шести с половиною тысяч километров.

Задача советских и арабских специалистов — быстрее построить Асуанский гидроузел.

В том месте, где будет возведена плотина, ложе Нила стеснено темными гранитными скалами, за которыми начинаются пустыни: слева — Ливийская, справа — Аравийская.

На скалах нет никакой растительности, и кое-где в лощинах, среди гор на левой стороне мелькают желтые пятна дюнного песка, принесенного из Сахары могучими песчаными бурями, период которых начинается здесь во второй половине апреля.

Горы невысокие, правда, но мрачные, дикие. Смотрю я на них часто и думаю: скоро мы их сделаем ниже более чем на 100 метров, построив плотину и создав самое большое в мире Асуанское искусственное море. Как мне ни жаль, но придется моему любимому детищу — Волжской гидроэлектростанции имени Ленина и ее водохранилищу, до сих пор самому большому искусственному морю в мире, уступить пальму первенства Асуанскому. Мощность Волжской гидроэлектростанции 2 300 тысяч киловатт, Асуанской будет, видимо, больше. Вместимость водохранилищ: Куйбышевского — почти 60 миллиардов кубометров воды, Асуанского — более 130 миллиардов.

Хотя и трудно мне, человеку русских лесов и зеленых раздольных полей, полюбить эти дикие скалы, выжженные солнцем пустыни, но чем дольше мы здесь живем и работаем, тем милее становится нам все, что нас окружает. Не помню, кто сказал и когда: «Хочешь успеха — полюби землю, по которой ходишь, где трудишься». Верные слова!

Конечно, сила привычки к родным местам — это великая сила, но у нас, строителей, наша профессия выработала «иммунитет»: не скорбеть, не горевать, когда приходится расставаться со всем, что создано нашими руками, а со-

брать побыстрее свои немногочисленные пожитки, многочисленных чад и домочадцев и ехать на новые стройки.

Нил будет укрощен

Мне за время нескольких приездов в ОАР пришлось побывать во многих городах и деревнях, и запомнилось ярко одно: египетский феллах — он всегда на полях, спина его вечно согнута... Неиссякаемое плодородие нильской земли и стоящее в зените палящее солнце — два величайших блага Египта. Для феллаха же эти блага оборачиваются непрерывным трудом, работой на полях, не разгибая спины от зари до зари, изо дня в день.

Ведь в год снимают по три урожая некоторых культур. И всегда на этих маленьких, как лоскутное одеяло, квадратиках земли видишь согбенные фигуры феллахов.

Они составляют больше половины населения. Это они кормят всю страну, за счет их труда пополняется и бюджет государства.

Египет рожден Нилом. Жизнь в Египте полностью зависит от орошения земель водами единственной реки — Нила.

В прошлом освоение новых земель достигалось исключительно за счет аккумулирования нильской воды в таких резервуарах, как, например, у существующей Асуанской плотины. Эти водохранилища наполняются во время паводков и опустошаются в периоды спада воды в Ниле.

В августе прошлого года нынешний главный регулятор Нила — старая Асуанская плотина — открыл все свои 180 затворов, чтобы пропустить начавшийся паводок на Ниле, и мы наблюдали эту величественную и красивую картину. Вдоль всего более чем двухкилометрового фронта Асуанская плотина, подняв щиты, закрывающие отверстия водосбросов, как бы подняла руки вверх, капитулировала перед водами Нила. Огромная радуга из брызг сбрасываемой воды висела над плотиной от восхода и до захода солнца.

Да и как не капитулировать, не открыть затворы, ведь иначе необузданные, неукрощенные воды начавшегося паводка снесут старую Асуанскую плотину в мгновение ока!

Ежегодно Нил в среднем сбрасывает 84 миллиарда кубометров воды, из них 32 миллиарда скатываются бесполезно в Средиземное море, мимо земли, веками жаждавшей воды...

Подробно изучив многолетние наблюдения за режимом вод Нила, специалисты-гидростроители пришли к выводу, что эта жизненно важная проблема для населения Египетского района ОАР может быть решена лишь путем устройства крупного водохранилища. Оно должно вмещать не только паводковые воды, приносимые рекой за один год, а аккумулировать в себе, собирать излишки нильской воды за несколько лет. Только тогда египетским полям не будут грозить ни засуха, ни затопление во время разливов реки.

Рост населения в Египетском районе ОАР такой, что через сорок лет число его жителей удвоится, а пригодной для обработки земли, которая служит единственным источником существования для феллахов, недостаточно. Поэтому если сегодня ничего не предпринять, то жизненный уровень снизится.

Ну, и, наконец, самая главная проблема — это быстрейшая индустриализация страны, превращение ее в самостоятельное в экономическом отношении государство.

Осуществление проекта Асуанского гидроузла разрешает эти проблемы. Новая Асуанская плотина, построенная в 6,5 километрах от старой, создаст более чем пятикилометровый подпорный фронт. Высота ее будет 111 метров, сделана она будет из местного материала: гранитов, вынутых из водоотводящего канала, и песка, взятого с левого берега — Ливийской пустыни.

За плотиной образуется самое большое в мире искусственное пресное море длиной почти 500 километров, которое будет в 26 раз больше, чем существующее ныне водохранилище за старой Асуанской плотиной.

Воды Нила дважды послужат египетскому народу: сначала они отдадут свою силу, вращая турбины гидроэлектростанции, которая даст ежегодно 10 миллиардов киловатт-часов дешевой электроэнергии, а потом оросят около одного миллиона гектаров земли.

День рождения стройки

Девятое января 1960 года... В этот день состоялась торжественная церемония начала работ по строительству высотной Асуанской плотины.

Все газеты ОАР поместили тогда текст речи главы советской делегации на торжественной церемонии, посвященной началу строительства плотины, министра строительства электростанций И. Т. Новикова под крупными заголовками:

«Высотная плотина является самой грандиозной на Африканском континенте».

«Советский министр заявил: «Асуанская плотина будет построена, и мы заставим природу служить человеку!»

Одна из газет в передовой статье «Асуанская плотина — пример для слаборазвитых стран» писала:

«Огромное сооружение будет способствовать экономическому процветанию североафриканской страны. Это строительство может быть осуществлено благодаря щедрой бескорыстной помощи Советского Союза».

Газета указывала, что СССР поставил для строительства плотины машины и оборудование, изготовленные на советских предприятиях, и предоставил Египту долгосрочный и низкопроцентный заем на сумму 400 миллионов рублей без каких-либо условий. «Кроме того, — отмечала газета, — СССР помогает готовить кадры для страны, которой он предоставляет помощь, как это было в Индии и в Индонезии. Это — свидетельство доброй воли великого социалистического государства, его стремления сотрудничать всеми средствами ради независимого экономического прогресса слаборазвитых стран».

Мне кажется, что днем рождения африканской стройки можно считать 27 декабря 1958 года, когда в Каире было подписано соглашение об оказании Советским Союзом экономической и технической помощи Объединенной Арабской Республике в сооружении высотной Асуанской плотины. 17 января 1960 года по Каирскому радио было передано сообщение о том, что Советский Союз согласился участвовать в строительстве второй очереди высотной Асуанской плотины. Более 100 советских заводов приняли заказы на оборудование и материалы для этой стройки.

Герои Социалистического Труда, прославленные советские экскаваторщики В. Клементьев, Д. Слепуха, И. Елисеев, которым вскоре предстояла командировка к берегам Нила, ездили на воронежский экскаваторный, одесский машиностроительный, бузулукский заводы. Бригада экскаваторщика Б. Коваленко более трех месяцев пробыла на Уралмашзаводе, участвуя в строительстве, монтаже и испытаниях уникальных тяжелых четырехкубовых экскаваторов, первая партия которых уже поступила в Египет.

Научно-исследовательские лаборатории, конструкторские бюро заводов должны были найти особые конструкции и материалы, чтобы вся техника, доставленная из Советского Союза, безотказно работала в жарком, тропическом климате. За срок немногим более семи месяцев советскими организациями была проделана огромная работа. Ее начало я и считаю началом строительства Асуанской плотины.

«Хохтиф» не торопится...

Чтобы начать какие бы то ни было работы на стройке, пустить в ход строительную технику, нужно прежде всего иметь питание для машин, то есть источник электроэнергии.

Электрических же мощностей Асуана — всего одной тысячи киловатт, вырабатываемых на четырех старых дизелях, — едва хватает для жизни самого города, и получить отсюда что-либо на строительство плотины невозможно.

У старой Асуанской плотины западногерманская фирма «Хохтиф Эссен» уже семь лет строит гидроэлектростанцию. Энергия этой станции предназначена в основном для двух потребителей: комбината химических удобрений, который строит та же фирма и который позволит ОАР на 80 процентов сократить ввоз минеральных удобрений (главным образом из Западной Германии), и для строительства Асуанской плотины.

Однако не торопится «Хохтиф» пускать ни гидроэлектростанцию, ни комбинат химических удобрений. Почему? Для нас эта причина совершенно ясна...

ОАР обратилась к нам с просьбой приступить к строительству, не ожидая поступления электроэнергии на площадку. Выполняя эту просьбу, Советское правительство направило сюда оборудование, позволившее начать строительство в январе 1960 года.

«Русс Васили делает невозможное»

Прибыв в ноябре месяце в Асуан, мы сразу начали беспокоиться о том, где же разгружать прибывающее оборудование. На станции Асуан невозможно: нет ни запасных путей, ни платформ, да и перевозить оборудование по узким и кривым улочкам старого города Асуана совершенно немыслимо, для этого пришлось бы сломать большое количество домов.

Наши арабские коллеги успокоили нас, предложив разгружать вагоны на железнодорожной ветке строящегося комбината химических удобрений. Это сократило бы путь к строительной площадке почти вполовину. Поехали на химический комбинат, нас там приветливо встретили, пообещали всяческую помощь и содействие, даже обещали дать краны для разгрузки вагонов.

В декабре на железнодорожную станцию Асуан из порта Александрия прибыли первые тридцать восемь вагонов с советским оборудованием, которые были встречены толпой репортеров и населением города с большим энтузиазмом. Тракторы и автомашины тут же сгрузили, а часть вагонов была отправлена на железнодорожную ветку комбината химических удобрений. Прошло десять дней. На ветке прибавилось еще два десятка вагонов, однако разгрузка не начиналась. Дальнейшая проволочка грозила забить все железнодорожные пути маленькой станции Асуан вагонами с нашим оборудованием.

Обращения к администрации комбината химических удобрений неизменно заканчивались любезными рукопожатиями, традиционным чаем или кофе и обещанием завтра-послезавтра начать разгрузку. Мы поняли, что наши западногерманские «коллеги», как они себя называют, не намерены нам помочь и что эти господа просто издеваются и довольны, видимо, положением, в которое попала администрация строительства плотины.

Мы заявили исполняющему обязанности начальника строительства плотины инженеру Ахмеду Саиду, что нужно срочно продолжить ветку за пределы территории химического комбината и начать разгрузку прямо в поле.

Через три дня железнодорожная ветка была продолжена, и вагоны были поданы под разгрузку. Но, как говорится, где тонко, там и рвется. Наши краны, доставляемые на баржах, находились тогда в 650 километрах от Асуана и в лучшем случае могли прибыть сюда через 8—10 дней.

Что делать? Вечером собрались у меня на совещание, стали советоваться, какой найти выход из создавшегося положения.

Выступает Василий Михайлович Клементьев, мой соратник по строительству Волжской ГЭС имени Ленина:

— Я прошу дать мне шесть человек наших механизаторов и десять рабочих-арабов, пятьсот штук шпал и восемь автомобильных домкратов. Завтра к концу рабочего дня все три экскаватора будут выгружены. А пока будем готовить и приспосабливать их к выгрузке, предлагаю тут же, прямо на вагонах, двум бригадам под руководством Дмитрия Алексеевича Слепухи начать сборку экскаваторов и смонтировать на них крановое оборудование.

Предложение было смелое. Я немного подумал. Вспомнил, что Василий Михайлович на Куйбышевгидрострое славился решительностью и никогда не отступал перед трудностями, не уходил, не выполнив задания. И дал согласие.

Окончание см. на стр. 26—27.

Петря ДАРИЕНКО

— Ты скажи мне,
А я передам поселянам,
Где товарищ,
Которого звали Иваном!
— Дед Ион, вам не скажут,
Кого б ни спросили:
Это имя
Встречается часто в России.
Есть повсюду они,
Как в Молдове Ионы,
Сотни тысяч их,
Может быть, миллионы.

Отдохнуть на холме
Мы присели на камень.
Пыль вилась по дороге
За грузовиками,
Да жужжанье машин
Снизу к нам доносилось:
Кукурузные стебли
Рубили на силос.
Трактор шел целиною,
Широкой и плоской,
И тянулась за трактором
Дыма полоска.

В степь отара спешила,
Толкаясь да блея.
Сад стоял за плетнем,
От плодов тяжелея.
А по шляху все шли
Под сиреневым небом,
Мчались автоколонны,
Груженные хлебом.
К нам, казалось, стекались
Пшеничные реки...

— Значит, ты не слыхал
О таком человеке!
Жил он здесь, в нашем крае,
Степном да гористом.
— Кем он был!
— Человек этот был
коммунистом.
Находил он для каждого
Теплое слово,
Был к селянам щедрей
Чернозема степного.
Так-то... Нынче село
С медом, хлебом и салом,
Словно город стоит,
Опоясанный садом.
А давно ль — сам ты знаешь —
В грошовом Дойбане[1]
Жил народ лебедой
Да гнилыми грибами!
В дни войны пустырем
Стало наше селенье.
Очаги побросав,
Разбрелось населенье.
Но тянуло людей,
Словно птиц на гнездовья,
К землям, политым щедро
Их пóтом и кровью.

Переживших войну
Оставалось немного.
Возвращались, кто мог,
Поседевшей дорогой.
Возвращались с весной
В край степной да гористый.
Лепетала весна
На руках материнских.
Дым отечества был нам
И горек и сладок.
Кодры[2] встретили нас
В опоясках из радуг.
Подходили к селу:
Все как будто знакомо.
А пришли, огляделись —
Ни сада, ни дома...
Место есть, глина есть
И строительный камень.
Руки есть... маловато,
Нехватка с руками.
Есть и хлеб, да в обрез.
Есть-то есть — маловато:
Грамм по двести, поди,
На сестру да на брата.
Страшно. Засуха жадная,
Край обездолив,
Все с полей унесла
В своем пыльном подоле.
Вот тогда, когда голод
Вцепился в нас цепко,
Прибыл к нам человек
Из партийного центра.
Видно, с фронта недавно —
Партиец со шрамом.
Получал свой паек,
Как и каждый, по граммам.
Он сплотил молодежь,
Чтоб не падала духом;
С мудрым словом пришел
К старикам и старухам:
— Люди добрые!
Время нелегкое.
Надо
На беду навалиться нам
Всею громадой.
Коль плечом подопрет
Дело общее каждый,
Не умрем ни от голода мы,
Ни от жажды.
Правда наша воюет
За счастье народа.
Будет вдосталь в домах
Сала, хлеба и меда.
Нашим девушкам мы
Не дадим обноситься.
Мы оденем их в платья
Из шелка и ситца,
Пусть танцуют,
А каждый —
Кузнец или пахарь —
Щеголяет на празднике
Новой папахой.
Только будем дружны
Да в работе упрямы...

И поверили мы
Человеку со шрамом.
Хлеб поспел,
Поднялись виноградные плети.
Народились на счастье,
Повыросли дети.
Время трудное звать
Стали временем оным.
Был от нас человек тот
Откомандирован.
Славным был он с людьми
И работником истым.
Был он первым у нас
На селе коммунистом.

Встал старик,
Опершись о колени руками.
...Пыль вилась по дорогам
За грузовиками.
Шли колонны —
Стекались пшеничные реки...

— Значит, ты не слыхал
О таком человеке!
Значит, я не смогу
Передать поселянам,
Где товарищ,
Которого звали Иваном!
— Нет, Ион, вам не скажут,
Кого б ни спросили.
Так зовут, почитай,
Половину России.

Перевел с молдавского
Ю. ГОРДИЕНКО.

---

[1] Дойбань — название деревни: «Два гроша».
[2] Кодра — возвышенность.

ПРОДОЛЖЕНИЕ. СМ. «ОГОНЕК» №№ 19, 20.

Приключенческая повесть

Василий АРДАМАТСКИЙ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

8

РАССКАЗ МИХАИЛА КАРПОВИЧА СУТОЛОКИ

ыло это под самый Новый год, стало быть, под сорок второй. Я получаю приказ подобрать по своему усмотрению несколько человек и ночью пойти на железнодорожный разъезд. Там с дрезины будет высажен товарищ, которого мы должны привести в отряд. Я решил, что едет к нам связной. За осень я уже два раза так доставлял их в отряд. Ну что ж, в полночь мы уже были на месте и укрылись в кустарнике у полотна. Около часа ночи, как и было условлено, подходит дрезина, и с нее спрыгивает человек. Дрезина уходит дальше, в сторону Ново-Вилейки, а человек стоит, озирается по сторонам. Мы выжидаем: мало ли что? Ждем условного сигнала: человек должен фонариком сделать движение снизу вверх. И когда он этот сигнал подал, мы к нему подошли. Смотрю: совсем молодой парень и одет больно легко, никак не для лесной зимы. А идти нам километров десять.

Привели мы его в отряд, прямо в землянку командира. Я зашел туда вместе с ним. Командиром у нас в то время был Никифоров — майор из окруженцев, мы его в сорок третьем году в бою потеряли. Хороший был человек, обстоятельный, спокойный, а в бою — так прямо полный генерал...

Ну вот, здоровается, значит, Никифоров с гостем и усаживает его к печке. Отогрелся Володя немного и говорит:

— Мне приказано доложить так: послан к вам в отряд по приказу подпольного центра. А подробности получите не от меня.

Сказал он это не просто, а вроде как с подковыркой.

Никифоров посмотрел на него и спрашивает:

— Проштрафился?

Володя опустил голову.

— Возможно, что и так,— отвечает,— не знаю.

Тогда Никифоров перевел разговор на другое. Как, мол, там жизнь в городе, сильно ли лютуют гитлеровцы и всякое такое прочее.

Володя отвечал кратко, было видно, что он разговаривать не хочет.

Тогда Никифоров обращается ко мне и спрашивает:

— У тебя, кажется, есть место в землянке? Возьми к себе этого товарища.

Так Володя и поселился в моей землянке. Неделю, если не больше, жил он у нас, как командированный: спит, ест — и вся работа. О чем-нибудь постороннем, скажем, о том, какой город лучше — Москва или Ленинград, он с нами еще разговаривает, а как возьмешь

сделал все, что мог

что-нибудь поближе к делу, отмалчивается. Я сразу сообразил, что у парня на душе камень лежит, и подумал, что командир наш, наверное, в воду глядел: ясно, парень проштрафился. Так оно впоследствии и подтвердилось.

Позже на сборе отряда командир объявляет, что к нам поступил новый боец, что зовут его Володя. Но добавляет, что он совершил проступок, за который его, несмотря на заслуги, из подполья отчислили. Конечно, говорит дальше командир, никто этот факт не должен понимать так, что служба в нашем отряде ему вроде как бы наказание. Сделано это из соображений тактики: воевал человек в подполье, а теперь нужно ему повоевать у нас.

Отряд у нас был небольшой, мы главным образом диверсиями занимались. Каждый боец был на виду, и про каждого мы знали всю его подноготную. И поэтому нашим товарищам пришлось не по душе, что командир о новом бойце вроде чего-то не договаривал. И вот встает мой ближайший помощник, подрывник Леша — он с тем Володей был, наверно, однолеток,— встает и спрашивает:

— Почему нам не говорят, что за проступок был у нашего нового бойца? Мне же,— говорит,— может быть, придется вдвоем с ним на задание идти, и я тогда должен точно знать, на что он способен и чего от него можно ожидать.

Володя хотел ответить ему сам, он даже встал. Но командир сделал ему знак: дескать, сиди, я отвечу. И говорит так:

— Подпольная организация в большом городе — это сложное и тонкое дело. Проступок, который совершил наш новый боец, происходит не от трусости или от чего-нибудь в этом же роде. Просто им была допущена тактическая ошибка, а в подполье самая малая ошибка может стоить большой крови.

— Понимай так: его ошибка стоила крови товарищей? — спрашивает отрядный фельдшер Голубев; он, между прочим, всегда страшно переживал каждую потерю.

— Нет,— отвечает Никифоров,— этого, к счастью, не случилось.

— Конечно, нет, и вообще ничего не случилось! — крикнул Володя, а сам весь красный стал.

— Хватит об этом! — строго крикнул Никифоров.— Разойтись!

Вернулись мы в свою землянку. Володя сильно нервничал. Сел на нары и качается, будто у него зубы болят. Я молчу, растапливаю печурку. Вдруг он спрашивает:

— Бывают ли, Михаил Карпович, люди, которые никогда не совершают ошибок?

Мне от такого вопроса стало смешно.

— Нет, вы не смейтесь,— говорит Володя.— Я серьезно спрашиваю.

Тогда я ему тоже серьезно отвечаю, что, мол, все дело в том, как в человеке та ошибка перевешивает: не тянет ли она чашу до самой земли. Но такого человека, который ни разу не ошибался, нет и не может быть. Даже часы и те другой раз дают оплошку, а они ведь стальной механизм, без всякой души. А ошибка может быть и такая, что за нее человека к стенке можно поставить.

— Это я понимаю,— говорит он.— Ну, а если ошибка совсем не такая? Если от нее только та беда и приключилась, что меня сюда отослали?

На это я ему говорю так: вопрос, дескать, сложный и счет последствий тоже сложный. Надо знать, что бы ты мог хорошего сделать, кабы остался там. И тогда за то несделанное и надо тебя судить. А как это узнаешь? Этого никто знать не может. Разве что предположить можно. Но точно никто не знает, что ему на роду написано.

Володя в ту ночь раскрыл передо мной всю свою жизнь. Папаша у него по ученой части, кажись, профессор. Мамаша тоже тонкая женщина: на разных языках легко разговаривала и его, Володю, тем языкам выучила. И уж, конечно, было у него полное обеспечение, как при коммунизме: получай все, что душе угодно. От такой жизни, без забот, добра не жди, это факт. А вот вырос парень ничего, самостоятельный, опять же инженер. В Литву его не зря послали.

Но все же вырос он, как тополиный лист: с одной стороны вроде серебряный, а с другой — зеленый. Так с двух сторон я его в ту ночь и увидел.

...Ну, вот. А война-то продолжается. И мы воюем, как можем. Ходим на диверсии, взрываем, что прикажут, оккупантов постреливаем. Словом, жизнь идет своим чередом. А Володя мой все мрачнеет и мрачнеет. Приду, бывало, с операции, гляжу: он лежит небритый, лохматый. Прямо приказом заставляю его привести себя в порядок. Слушается. У него, конечно, переживания были оттого, что его в настоящее дело не посылали. Я понимал это и не раз думал: прав ли наш командир в своей осторожности? Даже пробовал себя ставить на место командира. И вот как раз тогда и пришел к выводу, что командир прав. Во-первых, нет у Володи нашего опыта, а зимнее время требует от нас особо большой сноровки. Затем насчет его проступка. Какой бы он ни был — тактический или какой другой,— а раз он был, человек должен его прочувствовать. И на все огорчения Володи я говорил ему одно:

— Погоди до весны, и я сам возьму тебя в самое что ни на есть лихое дело.

Созывается отрядное партийное собрание. В день смерти товарища Ленина. Доклад делал сам командир. Главный упор он взял на те неисчислимые трудности, которые выпали Ильичу во всей его жизни,— от казни родного брата Александра и до ранения его самого отравленной пулей. Были докладчику вопросы, но по большей части они касались наших боевых дел. Это и понятно: в тех условиях про что речь ни заведи, а все кончается боевыми буднями. Опять же и в резолюции все было вместе: и Ленин и наши боевые успехи.

Потом командир говорит:

— Теперь разное. У меня только одно сообщение. Наш новый боец подал заявление о приеме в партию, в кандидаты, стало быть. Принято решение: воздержаться, поскольку он у нас без году неделя и никак себя еще не показал.

Володя крикнул:

— Вы же сами не даете мне этого сделать!

А командир будто и не слышал его, объявил, что собрание закрыто, и первый запел «Интернационал».

Пришли мы после собрания в землянку. Володя мой зажег коптилку, сел к ящику, который был у нас вместо стола, и долго что-то писал, что, не знаю. И вдруг мне подумалось: не пишет ли он предсмертное письмо? Не надумал ли он лишить себя жизни? Своего оружия, я знал, у него нет. Тогда я свой автомат и пистолет незаметно прибрал к себе на нары, а когда он кончил писать и задул коптилку, я его на разговор потянул. Особенно тянуть и не пришлось. Наоборот, у него в душе словно плотина прорвалась, я потом не знал, как его и остановить.

Говорит, говорит... И начинаю я улавливать одну его душевную линию. Вот он произносит разные слова, а я только и слышу: «я», «меня», «мое», «мне», «я не могу», «я не хочу», «я потребую». Одним словом, заякался парень так, что мне тошно стало. Вот, думаю, где у него главный прорыв. Несмотря на все хорошее, привык он впереди всех себя видеть. Вот где неправильное воспитание вбок его тянет.

И тогда я ему все это, как мог, разъяснил. Про самолюбие, когда человек видит себя впереди всех и всего. Тут уж и мне самому как-то яснее стало, что я хочу ему сказать. Вот ты считаешь, говорю я ему, что по твоим законам должно быть тебе полное прощение и полная тебе вера. А люди думают по-другому. Они говорят: «Пусть он себя покажет».

Выслушал он меня, долго молчал и уже совершенно спокойно говорит:

— Мне же не дают показать себя.

Тогда я ему твердо заявляю:

— Дадут, не торопись.

Ну, вот... Не могу, конечно, все на себя принимать. Ведь с Владимиром в то время не один я беседы имел, а только после той ночи парень постепенно стал в рамки входить, перестал гнушаться самых малых дел по отряду: и дрова для печки колол и даже марлю для фельдшера стирал. А от этого в отряде постепенно стало расти к нему уважение. А тут нагрянула весна, и скоро он в дело пошел.

9

Операция, значит, была такая. Нужно было взорвать путь с двух сторон от узловой станции, потом ворваться на станцию, устроить переполох и под шумок вывести из строя водокачку и поворотный круг депо.

Весна была в полном цветении. Для партизан эта пора — сплошной праздник. Ведь каждый кустик броней для нас становится, а лес, так тот уж целая крепость: поди возьми меня там, не ожегшись.

В ту весну вблизи от нас появилась передвижная группа подрывников, сброшенная с воздуха нашей авиацией. В этой группе за главного и был автомеханик, о котором вы мне писали. На операцию мы пошли вместе — наши партизаны и эта группа диверсантов-подрывников.

Разбились мы на три опергруппы по пятнадцати человек. Одна пошла на запад от станции, этой группой руководил ваш знакомый автомеханик. Другая — на восток. А моя вышла прямо к станции. Все было расписано по минутам.

В мою группу включили Владимира. Это было первое его большое дело у нас. Наша исходная была на болоте с чахлым кустарником. Мы залегли между купинок, поросших дурникой. Есть на болоте такая ягода. Угостишься ей без меры — одуреешь до рвоты, а цветок ее безвредный и даже дает приятный запах. Вот мы, значит, лежим и нюхаем, ждем назначенного срока. Рядом со мной лежит Владимир. Вижу, волнуется парень. Я понимаю, рвется у парня душа к боевому делу, и это, конечно, хорошо.

Сперва операция разыгрывалась как по нотам. Ударил взрыв справа от станции. Фашисты забегали, на двух дрезинах помчались туда. А ровно через двадцать минут последовал взрыв слева. Паника на станции стала еще сильнее. И тогда поднимаемся мы.

Ворвались на станцию, кидаем в окна гранаты, из автоматов бьем только прицельно. Может, десяти минут не прошло, как мы оседлали станцию. И сразу кто к водокачке, а кто к депо. Ваш автомеханик, убегая со своими к депо, крикнул мне: «Поторопи водокачку!» А я еще подумал: «Зря он беспокоится: станция «прочесана» основательно, и ждать сопротивления вроде неоткуда». Ну, а на войне опираться на слово «вроде» никогда не стоит.

Фашисты уже разгадали наш план и теперь с обеих сторон быстро возвращались к станции, чтобы действовать здесь всеми своими силами. Тут же выясняется серьезная ошибка нашей разведки. Она позорно проморгала, что в пяти километрах от станции строительная ро-

та чинила шоссе. Правда, могло быть и так, что эта рота появилась только под сегодняшнее утро, а вчера ее еще не было. Так ли это, теперь выяснять не время. К станции подкатывают два грузовика с солдатами строительной роты, и мы вступаем с ними в бой. Хорошо еще, что строители у немцев, как правило, не очень обстрелянные солдаты. От нашего огня они залегли за насыпью и лежат. Взять их открытой атакой у нас сил не хватает, но и для того, чтобы они спокойно лежали, тоже силы надо тратить, а это планом не предусмотрено.

В это время качнулась и загремела водокачка. Думаю: молодец, Владимир, быстро они там свое сработали — и вижу, как он и его товарищи перебегают к депо. А там тоже перестрелка идет горячая.

Ну, вот... Володи я больше не видел. Потом, когда мы уже отошли в болото, ваш автомеханик сообщил, что Владимир погиб в рукопашном бою.

— Говорите, не погиб? — Михаил Карпович помолчал, недоверчиво покачал головой и сказал: — Ну что ж, могло быть и так, что не погиб. Про войну все можно узнать только после ее окончания, на итоговой, так сказать, перекличке. Что же он, Володя-то, в плен, что ли, попал? Да?..— Михаил Карпович поцокал языком. — Только этого ему и не хватало!

10

«Записываю это в ночь на 30 октября 1942 года».

Это рукой Владимира написано чернилами на верху листа из тетради. Все эти строчки подчеркнуты синим карандашом. Ниже в две строки, как адрес:

«Моим родителям!»

«Моей Родине!»

Еще ниже поперек всей страницы жирная черта синим карандашом, а под ней семь раз записан один и тот же вопрос: «С чего начать?» Будто он думал об этом и незаметно для себя записывал то, о чем думал: «С чего начать?» «С чего начать?»... И только после этого начинается запись.

«Самое главное — я попал в плен к врагу. Со мной случилось самое страшное из всего самого страшного.

Попал я в плен при следующих обстоятельствах — описываю все абсолютно точно.

Я был включен в диверсионную группу, которая осуществляла налет на железнодорожную станцию. Это может подтвердить, если он жив, командир партизанского отряда «За победу» майор Никифоров и мой непосредственный командир Михаил Карпович, фамилии которого я, к сожалению, не знаю. Знаю только, что он из Донбасса, из шахтерской семьи.

Сперва я действовал в группе, которая взрывала водокачку, а затем мы присоединились к группе, которая взрывала возле депо поворотный круг.

Когда мы перебежали к депо, там создалось довольно напряженное положение. Гитлеровцы решили во что бы то ни стало спасти поворотный круг и бросили сюда свои основные силы. Шла очень активная перестрелка, во время которой был убит боец из нашей группы Алексей Губин. Затем часть гитлеровцев была отвлечена группой Михаила Карповича, а остальные в это время пошли в атаку на нас. Завязался рукопашный бой. Командир действовавших с нами диверсантов приказал отходить, но я считал, что этот приказ адресован только к подрывникам, а ко мне и моим товарищам по партизанскому отряду он не относится, тем более что мы и перебежали сюда от водокачки специально для прикрытия подрывников.

Просто удивительно, как мне везло. До самого взрыва поворотного круга я даже царапины не получил. Но тут сработали мины. Я был шагах в пятнадцати от круга и схватился врукопашную с одним гитлеровцем. Раздался взрыв.

Я очнулся на угольной куче, метрах в десяти от того места, где меня застал взрыв. Ощупал себя — цел, только ничего не слышу, и в голове шумит, как в морской раковине. Бой переметнулся уже за станцию, к лесу, и я понял, что наши отходят. Я встал. Идти было трудно, меня качало, как пьяного, и каждый шаг больно отдавался в голове. Все же я добрался до водокачки и уже хотел перебежать через линию, но в это время меня начало тошнить, и так, будто наружу выворачивались все мои внутренности. И я потерял сознание.

Очнувшись во второй раз, я подумал, что ослеп: кругом чернота. Но тут же я обнаружил, что руки и ноги мои связаны. Я понял, что лежу на полу в каком-то закрытом помещении. Прислушался: кто-то поблизости дышал. Я окликнул его, но ответа не услышал и даже подумал, что это у меня просто шумит в голове.

Лежу и думаю: что же это со мной? Неужели плен?

Начало светать. В темноте медленно проступили зарешеченные окна. Я осмотрелся: рядом со мной ничком лежал какой-то человек, из-под него растекалась лужа крови. Я снова окликнул его, он не отозвался.

Судя по всему, нас заперли в помещении, которое когда-то было магазином. К стенке с полками сдвинут прилавок, на котором до потолка навалены ящики из-под хозяйственного мыла. Надписи на ящиках русские. В углу лежала железная бочка, в которую был вставлен заржавленный ручной насос. Наверно, здесь был магазин хозяйственных товаров.

За обитой жестью дверью послышались голоса и топот ног. Залязгало железо. Дверь открылась, и в помещение вошли трое: два немца в форме и один в штатском. Сперва они подошли к тому, который лежал ничком, перевернули его на спину. Один из гитлеровцев сказал:

— Готов...

И они снова перевернули его ничком. И даже в эту минуту я еще не сознавал всего ужаса своего положения: у меня было такое состояние, будто все это происходит не со мной.

Гитлеровцы подошли ко мне.

— Этот жив.— Склонившийся ко мне гитлеровец выпрямился и по-немецки спросил, говорю ли я на их языке.

Я промолчал. Тогда он обратился к штатскому:

— Чего спишь? Приступай к делу! Поднимай его!

Штатский приблизился ко мне и чуть наклонился. Я увидел его бледное, как мел, лицо и испуганные глаза.

— Вам приказывают встать, — сказал он извиняющимся тоном и чуть картавя на букву «р».

Я сказал, что без помощи встать не могу. Штатский — это был, видимо, переводчик — сказал немцам, что надо развязать мне ноги.

— Ну и развяжи.

Переводчик долго и неумело развязывал веревки, а потом помог мне встать, но я тут же сел на пол: ноги так затекли, что стоять я не мог.

Гитлеровец засмеялся.

— У него от страха ноги подкашиваются.

Переводчик снова стал помогать мне подняться, но я его отстранил и встал сам. Один из гитлеровцев подошел ко мне.

— Выходи! — приказал он по-немецки.

Я не двигаюсь. Переводчик говорит:

— Вам приказано выйти.

Делая первый шаг, я заметил, как оба немца вынули пистолеты, и решил, что они сейчас меня пристрелят. И странно: не было никакого страха смерти.

Но выстрела не последовало.

Меня вели по улице какого-то маленького городка. Нигде ни души, только наша процессия, движущаяся посреди улицы. Впереди шагает, размахивая пистолетом, немец, что повыше ростом. За ним плетусь, спотыкаясь, я, и рядом со мной — переводчик. Второй военный процессию замыкает. На ходу немцы громко переговариваются. Наверно, на всю жизнь я запомнил их диалог.

— Хорошо, Отто, что мы с тобой прибыли на станцию с опозданием.

— Надо благодарить нашего лейтенанта, он больше часа пытался связаться со станцией по телефону.

— Лейтенант у нас мудрец! Ты Гашке знал?

— Конечно. Я с ним из Лейпцига ехал сюда в одном эшелоне.

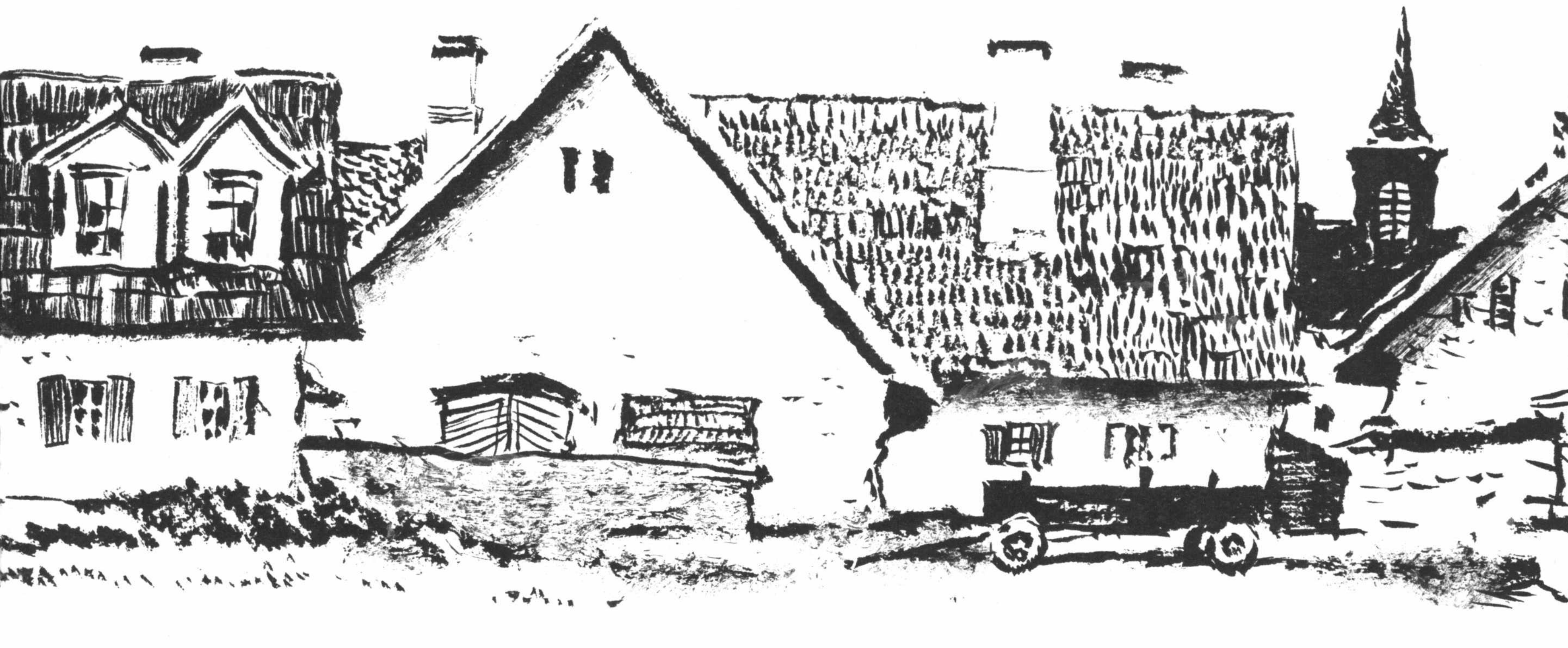
— Из его головы партизаны сделали яйцо всмятку.

— Я говорил лейтенанту, что второй до утра не протянет, надо было допрашивать вчера.

— Лейтенант, наверное, и тут мудрил: за ночь выяснял, кого будут судить за потерю станции. Он-то знает, как вести это дело, если за станцию отвечал майор Брант.

— Ну и что же?

— Болтают же, что этот Брант чуть ли не племянник Браухича. А тогда нашему лейтенанту выгодно доложить, что на станцию напала целая дивизия партизан с танками.

— А ведь говорят, будто Браухич в последнее время не очень-то в почете у фюрера.

— Все может быть. Тогда лейтенант напишет, что на станцию напали три партизана с топорами в руках.

Оба гитлеровца всласть посмеялись и потом несколько минут шли молча. Затем опять заговорили.

— А этот производит впечатление интеллигентного человека, верно?

— Эти интеллигенты из леса у меня никакой симпатии не вызывают.

— Удивительное дело! В третий раз я попадаю в кашу, связанную с партизанами, а только впервые вижу живого партизана. Обычно на месте остаются только мертвые.

— Они воюют насмерть.

— Интересно, что сделают с этим?

— «...и хладный труп его земле предали на утешение червям...»

(Интересно, откуда эти строчки, продекламированные немцем?)

Мы подошли к двухэтажному каменному дому, стоявшему на взгорке, откуда была видна маленькая речка, мост и цветущие сады на том берегу.

Гитлеровец, переводчик и я остановились в узком темном коридоре. Другой гитлеровец зашел в комнату, на двери которой было написано по-русски и по-немецки: «Комендант». И теперь я все еще полностью не осознавал того ужасного факта, что я в плену и что со мной может произойти все самое страшное. У меня было какое-то состояние полусна, и я по-прежнему наблюдал все как бы зрением другого человека, который хоть и близок мне, но все же мной не является.

Гитлеровец подтолкнул меня в спину. Я увидел, что дверь с надписью «Комендант» распахнута и на пороге стоит тот, другой немец.

— Скорей, скорей! — кричал он, взмахивая рукой с пистолетом.

Я вошел в маленький кабинет, где, кроме письменного стола, не было никакой мебели. За столом сидел огненно-рыжий офицер, по нашивкам лейтенант. Возможно, что это и есть тот самый лейтенант, которого мои конвойные именовали мудрецом?

Переводчик стал к стене, вытянув руки по швам. Конвойные стали возле двери.

Рыжий лейтенант долго смотрел на меня, потом встал из-за стола и подошел ко мне вплотную.

— Партизан?

И хотя это было понятно без перевода, переводчик быстро проговорил:

— Господин лейтенант спрашивает: вы партизан?

Я молчал. Лейтенант снизу вверх ударил меня в подбородок. У меня померкло в глазах, и я чуть не упал. Лейтенант посмотрел на свой кулак. На сгибе третьего пальца у него была кровавая ссадина. Он злобно глянул на меня, вернулся к столу и, вынув из кармана носовой платок, замотал им разбитый палец. У меня ныл подбородок. Я притронулся к нему тыльной стороной ладони, и на ней осталось пятно крови.

— Мы будем говорить или молча пойдем на виселицу? — деловито спросил лейтенант.

Переводчик торопливо и неточно перевел:

— Лейтенант приказывает отвечать под страхом смертной казни.

Я кивнул переводчику: дескать, «все понятно»,— и продолжал молчать.

— Сколько партизан участвовало в нападении на станцию? — повысив голос, спросил лейтенант.

Пока переводчик переводил вопрос, я вспомнил разговор конвойных и, не сдержав улыбки, ответил вопросом:

— Какое количество устроит лейтенанта? Большое или малое?

Переводчик смотрел на меня испуганно и моего вопроса не переводил. Лейтенант стукнул кулаком по столу.

— Перевод! Быстро!

Переводчик, путаясь, подыскивая слова, перевел мой вопрос так:

— Он отвечает двойственно, в том смысле, что партизан могло быть много, но могло быть и мало.

Выслушав это, лейтенант усмехнулся.

— Пусть он помнит, что насчет виселицы двойственная перспектива его не ожидает.

— Вас повесят, — кратко перевел переводчик.

Я кивнул головой: мол, и это мне ясно.

Лейтенант вынул из ящика карту и, расстелив ее на столе, сделал мне знак подойти.

— Вот станция. — Лейтенант отточенным карандашом показал на карте черный кружок на скрещении двух железных дорог. — Где партизаны?

— Не знаю, — ответил я, не ожидая перевода вопроса.

— Где партизаны?! — бешено заорал лейтенант.

Я молчал. Тогда он схватил лежавший на окне стек и начал хлестать меня, норовя попасть по лицу. Руки мои были по-прежнему скручены за спиной, я пытался увертываться от ударов, а потом боль стала непрерывной, и она наполнила все мое тело.

Лейтенант устал. Он брезгливо отшвырнул стек, вытер рукавом вспотевший лоб.

— Будет он говорить, где партизаны?

Сквозь звон в ушах я услышал перевод вопроса и ответил:

— Нет, не буду.

Переводчик растерянно посмотрел на меня, потом на лейтенанта.

— Он не скажет.

— Предупредите его, что он пока еще не в гестапо, а там разговорчивыми становятся даже камни.

Переводчик толкует это совершенно неожиданно.

— В гестапо вам будет хуже, — говорит он мне с интонацией доброго советчика. — Нужно сказать все, что можно, здесь.

Я кивнул ему головой.

— Я не буду говорить ни здесь, ни там.

Лейтенант выслушал перевод и задумался. Потом схватил телефонную трубку, и я услышал следующее:

— Полковника Крафта! Господин полковник? Здесь лейтенант Крицвальд. Пленный показаний не дает... Да, пробовал — не дает. Я хочу спросить: передавать его в гестапо или подождать? Так... так... Понимаю... понимаю... Нет, они этого не знают. В рапорте офицера строительной роты о пленных не говорится. Да, да, этих двух взяли мои ребята... Один умер. Да... Мы прибыли с опозданием и обнаружили их во время обхода станции, спустя час после боя. Так... так... Но это не просто, господин полковник, по инструкции, я должен его передать. Понимаю... понимаю... До свидания, господин полковник.

Речь шла явно обо мне, и я понимал, что есть какая-то сложность с передачей меня гестапо.

Меня увели обратно в помещение магазина, там мне развязали руки и дали поесть. Переводчик принес кусок хлеба и жестяную кружку мутной похлебки. Конвойный, пока я ел, сидел на крыльце.

Снова связывая мне руки, переводчик тихо сказал:

— Вы попали в сложную ситуацию. Дело в том, что коменданта станции майора Бранта обвиняют в измене, а вы становитесь свидетелем обвинения. Понимаете?

Я кивнул головой.

Снова прогремели запоры, и все стихло. Неизвестный мне убитый человек был убран, лужа крови была забросана соломой. Я лег на бок и сразу забылся в странном сне, когда я слышал каждый звук, и в то же время у меня было такое ощущение, будто меня здесь нет и ничто происходящее тут меня не касается. Реальной была только боль от ударов стека. Я все время видел этот стек, сделанный из бамбука.

И вдруг я вспомнил Михаила Карповича. Это воспоминание точно встряхнуло меня. Нет, не то, будто вдруг сотни колоколов забили и пробудили во мне ясное сознание происходящего. Мне показалось, что я вижу Михаила Карповича и слышу его хрипловатый голос. И он говорит мне: «Видно, зря я тебе втолковывал, что такое человек на войне. Опять ты рассуждаешь только о своей особе. Ты же попал в плен к заклятым врагам. И вместо того, чтобы соображать, как достойнее принять смерть, ты думаешь только о том, что тебя били стеком и что тебе больно. А между тем тебе не мешало бы выяснить, не можешь ли ты еще насолить врагам.»

Продолжение следует.

ЭХО В НУБИЙСКИХ СКАЛАХ

Окончание. Начало см. на стр. 20—21.

Что можно сказать про эту операцию?

Шпалы пришлось перетаскивать почти все на своем горбу. Наши коллеги — механики-арабы — не верили, что можно вот так, без кранов, снять с железнодорожных платформ с полуметровыми неопускающимися бортами махины весом более 20 тонн. Механик, ведающий приемкой оборудования, Магомед Мурси, после обеда пришел к нам и заявил, что «русс Васили» — это Василий Михайлович Клементьев — делает непонятное и невозможное дело: он хочет, видимо, трактором сгрузить экскаваторы; это опасно, это страшно, давайте еще раз все вместе пойдем к администрации «Хохтиф» и попросим кран, они ведь видят из окна своей конторы, что делается невозможное!

Тут уж мы не выдержали, махнули рукой на «Хохтиф» и попросили Мурси потерпеть до конца рабочего дня.

Поздно вечером Магомед Мурси крепко жал руку Клементьеву. Первый экскаватор был выгружен, за ним и остальные два. Монтаж не прекращался ни на минуту, а на третий день два экскаватора-крана выгрузили все прибывшие тяжеловесы, и железнодорожная пробка была ликвидирована.

Этот эпизод заставил нас срочно запроектировать промежуточную станцию с путями и платформой для разгрузки, с площадками для тяжеловесов и крытыми складами. Тем более, что железная дорога от станции Асуан до строительной площадки с двумя десятками сложных мостов и тоннелей может быть закончена не ранее чем в декабре этого года.

Когда станция была готова, я обратился к инженеру Ахмеду Саиду:

— Как назовем новую станцию?

Он ответил:

— Об этом нужно посоветоваться с министром коммуникаций.

Потом он подумал, встал и говорит мне:

— Если у вас нет возражений, давайте станцию назовем «Садака» — по-арабски «Дружба».

Я выразил свое согласие крепким рукопожатием.

Хорошее имя, хорошие крестины!

Карусель на... экскаваторе

Когда мы только прибыли в Асуан, к каждому нашему механизатору администрация стройки прикрепила по восемь начинающих механизаторов-арабов. Их нужно было обучить управлению советской техникой, передать наши навыки и передовые методы труда.

Комиссия из наших и арабских специалистов уже приняла у многих из них экзамены и выдала им права на вождение самосвалов, экскаваторов, кранов.

Действуют наши постоянные курсы повышения квалификации для ИТР и рабочих. Первые занятия были посвящены подробному изучению проекта организации работ на строительстве высотной Асуанской плотины.

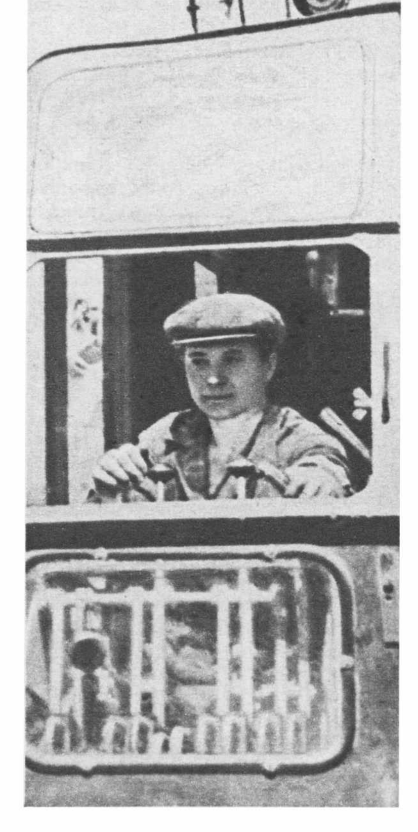
Занятия будут проводить и специалисты-арабы.

Мои лекции «Об опыте советского энергетического строительства и использовании его в ОАР», которые были начаты в Каире в июле прошлого года, систематизированы и изданы на арабском языке отдельной книгой.

Тяга, желание работать на строительстве плотины у арабов огромны. Только что начав обучаться, через несколько дней они уже тянутся к рычагам машин, к самостоятельному управлению ими и неохотно — к шприцам для смазки машин. Но это пройдет.

Не обходится и без курьезов. В один из выходных дней — звонок ко мне на квартиру. Сообщает инженер Кудрявцев, что на экскаваторе, переоборудованном под

За плечами у арабского механизатора Мохамеда Али (слева) еще нет такой школы, как у советского экскаваторщика Низямова с Куйбышевгидростроя. Но Мохамеду есть у кого поучиться.

кран, кто-то из арабов устроил карусель.

— Что за карусель? — спрашиваю.

— Да вот,— говорит,— один из механизаторов-арабов, который всего несколько дней как зачислен для обучения, запустил экскаватор, крутится на нем по кругу и что-то кричит.

Прибыл на место, выясняю, что Нахаз Мурси со своими приятелями в выходной день пришел к экскаватору и начал им рассказывать о машине. Посыпались вопросы, шутки и сомнения в том, может ли Нахаз на нем работать.

Нахаз, недолго думая, открыл экскаватор и запустил мотор. Выросшая толпа зевак и приятелей начала выражать удивление и одобрение. Нахаз же, не удовлетворившись тем, что мотор экскаватора работает, забрался на сиденье, начал передвигать рычаги, и вдруг неожиданно кабина экскаватора пошла по кругу. Толпа пришла в восторг, криками и свистом выражая свое восхищение Нахазом. Сам же он с улыбкой во все лицо приветствовал толпу из кабины экскаватора.

Такую картину застал инженер Кудрявцев. Нам стоило большого труда уговорить администрацию строительства не увольнять Нахаза за это нарушение правил. Было жаль потерять будущего неплохого механизатора, который к тому же прошел через такое «испытание».

«Асуан мне нравится»

В Асуане наступает стодневный период африканской испепеляющей жары, когда температура в тени держится 50 и более градусов.

Над Асуаном вечно ясное, безоблачное небо.

Как-то в беседе с корреспондентом газеты «Аль-Ахрам» на вопрос, как вам нравится в Асуане и что бы вы хотели передать читателям газеты, Дмитрий Алексеевич Слепуха, посмотрев на небо, ответил:

— Асуан мне нравится. Я хотел бы, чтобы дружба советских и арабских специалистов всегда была ясна и безоблачна, как небо над Асуаном.

Мы все, конечно, полностью присоединяемся к ответу нашего товарища. Хотя неплохо было бы, конечно, чтобы на небе Асуана собрались тучи и на эту огнедышащую землю пролился свежий дождичек, который, как говорят жители Асуана, здесь был в последний раз 42 года назад. И эти тучи и дождь не омрачили бы нашу искреннюю дружбу с арабами, не охладили бы наши горячие сердца и наше стремление выполнить свою миссию на строительстве высотной Асуанской плотины как можно лучше.

Памятная встреча

Вспоминается 10 января. Министр строительства электростанций И. Т. Новиков, посол СССР в ОАР В. Я. Ерофеев и я были приглашены президентом ОАР господином Абдель Насером на ужин. В непринужденной обстановке Игнатий Трофимович Новиков более двух часов рассказывал президенту о семилетнем плане энергетического строительства в СССР и о планах комплексного использования рек Волги, Днепра и Ангары. Президент очень заинтересовался этими работами.

— А нельзя ли подумать о том, чтобы так же комплексно использовать реку Нил?

— Это комплексное использование уже начато после того, как вы, господин президент, одобрили советский проект высотной Асуанской плотины,— ответили мы.— Что же касается дальнейших исследований и проектирования гидротехнических сооружений на реке Нил ниже высотной Асуанской плотины, то эта ваша мысль имеет большое экономическое значение для дальнейшего поднятия жизненного уровня населения Египетского района ОАР.

Президент просил нас помочь ОАР быстрее развернуть работы по сооружению плотины и во всех затруднительных случаях, возникающих в ходе строительства, обращаться непосредственно к нему.

В день торжественной церемонии начала работ по строительству плотины в ОАР были выпущены памятные значки с изображением Асуанской высотной плотины и отчеканены памятные медали.

Памятную золотую медаль президент просил И. Т. Новикова вручить Председателю Совета Мини-

стров СССР Никите Сергеевичу Хрущеву.

10 января нам были вручены президентом господином Абдель Насером серебряные памятные медали. На одной стороне медали изображена высотная Асуанская плотина, на другой вычеканена надпись:

«Строительство высотной плотины — строительство революции.
Пожалована от господина Президента Объединенной Арабской Республики
Гамаль Абдель Насера
по случаю закладки первого камня
основания строительства
9 января 1960 года».

Тылы решают

Те, кто строил, знают, сколько сил и энергии нужно затратить, чтобы широко развернуть строительство такого объекта, как гидроузел.

Скалы неохотно отступают перед строителями, даже вооруженными техникой. Чтобы разрушить их, бурят шпуры.

Тылы строительства — вот что решает успех дела. Но нам нужно было обладать огромным терпением и выдержкой, чтобы доказать нашим коллегам из управления строительства плотины: без хорошо подготовленных тылов дело не пойдет.

Без проектов, без чертежей ничего построить нельзя. Мы договорились, что рабочие проекты ремонтно-механических, авторемонтных заводов, компрессорно-кислородных и других цехов, подъездных дорог, складов — словом, всех объектов, которые и есть эти самые тылы строительства, мы будем делать непосредственно на месте, на строительной площадке.

Объем проектных работ огромен, сроки пуска всех вспомогательных сооружений нужно максимально сократить.

Как быть? Нам было совершенно ясно, что частным фирмам не справиться с этим. Решили в кратчайший срок создать здесь, прямо на строительстве, проектную организацию, укомплектовать ее кадрами и широко развернуть проектирование.

Сейчас эта вновь созданная проектная организация во главе с энтузиастом строительства плотины инженером Армия Хабибом и его заместителем советским инженером Василием Кузьмичом Каратаевым успешно работает, растет и набирает силы.

Обсуждая с министром строительства плотины Хассаном Заки сроки представления ряда проектов, руководители и весь советско-арабский коллектив проектировщиков предложили ускорить проектирование ряда объектов на 15—25 дней.

Желание быстрее начать работу по строительству основных сооружений владеет здесь всеми нами — и советскими специалистами и арабами.

Правда, бывает, что к нашим рекомендациям арабы относятся настороженно. В результате всякие оттяжки, проволочки. Когда же мы проявляем нетерпение, они говорят нам: «Уважаемые господа, не удивляйтесь тому, что мы иногда задерживаем решения по вашим предложениям и рекомендациям. Поймите нас правильно — ведь сотни лет нас нещадно эксплуатировали и обманывали различные колонизаторы-империалисты. Вот чем объясняется такое отношение к иностранным специалистам. Но это пройдет».

Вообще же с нашими арабскими коллегами — инженерами и рабочими — у нас установился хороший, дружеский контакт и теплые отношения. Арабам нравится скромность наших специалистов, их, я бы сказал, горение в работе.

Строим на века

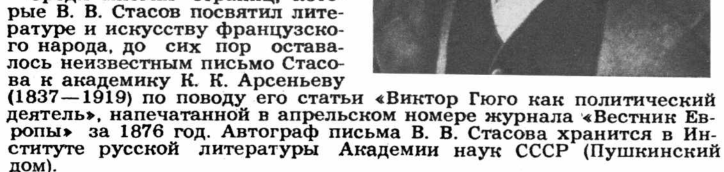
Еще мне хотелось бы рассказать об одном разговоре, который был у меня с крупным представителем деловых кругов Каира. Мой собеседник очень высоко оценил помощь, оказываемую Советским Союзом ОАР в строительстве плотины, и обратился ко мне с вопросом:

— Ну, а как вы считаете, насколько быстро можно осуществить строительство Асуанской плотины? Ведь у нас народ способный, строить умеет и любит, вот хотя бы здание гостиницы, где мы с вами находимся, да и вон те пирамиды... Тоже ведь неплохо сделаны, существуют века.

— Гостиница построена хорошо,— ответил я.— Что же касается пирамид, которые мы видим с балкона, то они подобны высотной Асуанской плотине в одном смысле: как и они, плотина будет существовать века. Правда,— продолжал я,— пирамида — это памятник лишь одному человеку. Высотная же плотина даст миллионам арабов хлеб, продовольствие, дешевую электроэнергию, откроет для них новую жизнь. Поэтому грядущие поколения будут поклоняться не пирамидам — символу величия фараонов, а Асуанской плотине — символу дружбы наших народов.

СОВЕТНИК НАРОДОВ

К 75-летию со дня смерти Виктора Гюго

Среди многих страниц, которые В. В. Стасов посвятил литературе и искусству французского народа, до сих пор оставалось неизвестным письмо Стасова к академику К. К. Арсеньеву (1837—1919) по поводу его статьи «Виктор Гюго как политический деятель», напечатанной в апрельском номере журнала «Вестник Европы» за 1876 год. Автограф письма В. В. Стасова хранится в Институте русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом).

Н. ЧЕРНИКОВ

Надеждинск(ая), 9.
пятн(ица), 2 апр(еля) (18)76.

...Я только что кончил Вашу статью о В. Гюго и, как всегда, радовался, что Вы сделали еще одну хорошую новую вещь. Но мне кажется, что Вы судили В. Гюго вовсе не с той точки, с которой он должен быть судим. Дело идет теперь, в настоящую минуту, больше чем когда-нибудь, вовсе не о том, чтоб определять *достоинства* и *пороки* такого человека, как он; дело вовсе не в том, хороший или дурной он был оратор, и больше или меньше у него тут было надутости, риторики, фраз, бенгальского огня и фольги, чем прежде, в другие периоды — все это уже давно сделано, покончено, занумеровано и сдано в архив, всякому от самого детства известны несчастные пороки и недочеты В. Гюго. А дело состояло в том, чтоб показать, *чем* был он для Франции и французов. Уничтожьте В. Гюго, вычеркните его из истории Франции за последние 25 лет, и все переменяется. Вы уверяете, что и *без него*, помимо, совершалось прогрессивное движение во Франции. Вы указываете на пять оппонентов[1] Наполеона III — да разве Вы не знаете, что эти пять оппонентов созданы В. Гюго, им воспитаны и подкреплены; что кроме них В. Гюго сотням всех лучших людей во Франции вливал постоянно в жилы своею огненною речью, своею непобедимой энергией, своей непримиримою ненавистью к деспотизму, насилию и неправде — вливал им гнев, злобу, раздражение, протест, решимость почина? Неужели Вы всего этого не читали или не слыхали? Гюго было *постоянно* мало того, что он писатель и оратор (хороший или дурной, как Вам угодно) — но он был центр, от которого исходили все лучшие новые силы Франции, возвышенные и закаленные. Так точно и теперь, он окружен не только толпою поклонников и обожателей — это что, вздор! — но толпою всего, что только есть интеллигентного и прогрессивного во Франции; из его маленького салона выходит настроение, камертон почти всего лучшего, совершающегося в настоящие дни. И такую роль Гюго французы всегда чувствовали, и если Вы правы, что подсмеиваетесь над комическою ролью «пророка», которого он подчас на себя, к несчастью, принимает, то неправы в том, что не видите и не чувствуете его великой и высокой роли «апостола» всего лучшего, светлого, человечного. Вас удивляет, как Гюго, частный человек, осмеливается непрошенный брать на себя звание *«советника народов»*, *«судьи правительств»* *«писателя пастырских посланий к народам»* — признаюсь, не понимаю подобного удивления...

Я думал, что Вам известно, какое громадное влияние имеет теперь на Францию В. Гюго и какое, быть может, еще больше имел он на нее во все продолжение Наполеона III; именно вследствие этого влияния он имел право — несмотря на все преувеличения — печатно говорить всем в лицо, как его боялся Наполеон и как желал бы от него избавиться.

Но позвольте Вас спросить: отчего Вас не удивляют речи и обращения к народу какого-нибудь римского трибуна, какого-нибудь греческого оратора, парламентские спичи Фокса[2], Питта[3], Пальмерстона[4] — и как будто бы скандализирует то, что В. Гюго говорил и писал *своему* народу, но только с таким даром вложить во всеобщую грудь глубокие человечные истины, которых у тех не было? А тут придут и станут говорить о *литературных* и *ораторских* достоинствах его статей и речей!

В. Гюго, по моему разумению, важен не как писатель, романист, драматик, лирик, политик, государственный человек (во всем этом у него есть и громадные недостатки и громадные достоинства): — все его значение в том влиянии, какое он имел на прежнюю и нынешнюю Францию. Никто так, как он, не охранял и не сберег священного огня правды и светлой мысли для своего народа. И с этой стороны главный пункт зрения на него.

Извините мои эти строки. Их резон — симпатия и уважение к Вам.

Ваш В. СТАСОВ.

[1] Имеется в виду оппозиционная группа в законодательном корпусе Второй империи, в которую входили буржуазные республиканцы Даримон Альфред (1819—1902), Оливье Эмиль (1825—1913), Пикар Эрнест (1821—1877), Фавр Жюль (1809—1880), Энон Жак-Луи (1802—1872).

[2] Фокс Чарльз Джеймс (1749—1806) — английский политический деятель.

[3] Питт Уильям-младший (1759—1806) — английский государственный и политический деятель, лидер партии «новых тори».

[4] Пальмерстон Генри Джон Темпл (1784—1865) — английский государственный деятель.

ВОКРУГ НАС

Письма друзей

Небольшой зал. По стенам — стеллажи с книгами, журналами, газетами на разных языках. Здесь собрались члены кружка французского разговорного языка.

Руководитель занятий читает письма, которые с интересом слушают присутствующие. На одном из конвертов напечатано: «Юманите». Это письмо подписано директором центрального органа Компартии Франции Этьеном Фажоном.

Прошло около трех лет с того дня, когда при Киевской библиотеке имени КПСС был создан кружок французского разговорного языка. Многие из тех, кто был на первом сборе, посещают занятия и сейчас. Руководит кружком жизнерадостный и остроумный человек Михаил Матвеевич Лысенко, преподаватель университета.

Каждое занятие начинается политинформацией на французском языке. Затем — литературное обозрение; обсуждают пьесы, фильмы, научно-популярные статьи из советской прессы, беседуют о материалах, напечатанных в «Юманите», «Франс нувель», «Либерасьон»... Кружковцы посещают музеи, обмениваются впечатлениями, собираются подготовить самодеятельный спектакль на французском языке.

Летом прошлого года в гостях у кружковцев побывал известный французский писатель-коммунист Андре Вюрмсер с супругой, журналисткой Луизой Мамиак. Позднее, рассказав об этом замечательном знакомстве в своем большом репортаже «СССР с открытым сердцем», помещенном в «Юманите», А. Вюрмсер и Л. Мамиак призвали своих соотечественников переписываться с советскими людьми.

И письма французов стали прибывать потоком в разные города Украины, в том числе и жителям Киева. Около двухсот писем получил руководитель кружка М. М. Лысенко.

«Мы были в восторге, узнав, что в одной из киевских библиотек собираются мужчины и женщины для того, чтобы поговорить на нашем языке. С радостью будем знакомить всех наших товарищей с содержанием ваших писем»,— пишут французские рабочие из мастерских «Готтевиль Катр-Мар», близ Руана.

Поистине, для дружбы нет пределов. И яркое доказательство тому — непреклонное стремление народов к миру, дружбе, взаимопониманию.

Прибыла свежая почта из Франции. М. М. Лысенко (крайний справа) зачитывает письма друзей.

Л. РИМСКИЙ

Фото автора.

ПЧЕЛЫ В ГОРОДЕ НЕФТИ

Принято считать, что пчел можно держать в сельской местности с медоносной растительностью.

Но в Баку — в городе ветров, нестерпимой жары и нефти? Возможно ли это? Оказывается, возможно.

Однажды в жаркий летний день посетители сквера в центре Баку были немало удивлены появлением пчелиного роя. Будто снежинки в метель, тысячи золотистых пчел кружились над сквером, наполняя воздух гулом. Рой устремился к облюбованному дереву, образовав на ветке живую гроздь. А спустя часа два пчеловод быстро, с профессиональной ловкостью стряхнул пчел в фанерный ящик.

Пчелы появились в городе нефти всего лишь восемнадцать — двадцать лет назад.

А теперь ульи стоят во многих дворах, на балконах, чердаках и плоских крышах домов.

Педагог Енок Самсонович Охитов — один из пионеров пчеловодства в Баку. Первых пчел он доставил в город из Нагорного Карабаха.

Смогут ли пчелы жить в Баку, размножаться и давать мед? На эти вопросы, беспокоившие Е. С. Охитова восемнадцать лет назад, получен положительный ответ. Теперь у него небольшая пасека, на столе всегда золотистый мед.

Вся семья Охитовых работает на пасеке.

Енок Самсонович выступает с лекциями, в школе он руководит кружком юных пчеловодов.

Апшеронский полуостров, в южной части которого расположен Баку, веками был знойной пустыней. А теперь в столице нефти более двадцати парков, садов, скверов, ботанический сад, питомник. Многие улицы в красивом зеленом наряде.

Как только солнечные лучи весной обласкают и согреют землю, в Баку и его окрестностях появляются цветы: золотистый одуванчик, лимонно-желтые сережки ивы, грозди белой душистой акации.

Тихое мелодичное жужжание пчел слышится отовсюду. Неутомимые труженицы жадно сосут сладостный нектар и собирают ароматную цветочную пыльцу.

Зоотехник **Е. ШИШИКИН**

Е. С. Охитов около ульев на веранде дома.

ТУРНИР-РЕПЕТИЦИЯ

В Англии дарят ребенку теннисную ракетку как символ счастья и материального благополучия. Я невольно вспомнила об этом обычае на кортах Рижского стадиона трамвайно-троллейбусного треста, где проходил международный турнир по теннису на приз Совета Министров Латвийской ССР. В этих традиционных соревнованиях участвовали сильнейшие теннисисты Советского Союза, Румынии, Венгрии и Чехословакии. Среди участников преобладала молодежь и среди зрителей тоже. Но главное, зрители были не просто любителями этого спорта (имелись, конечно, и такие), а теннисистами, которые после рабочего дня приходили на корты.

Не только в Риге, городе, известном своими спортивными традициями, или Таллине, где силами молодежи создано много теннисных кортов, не только в Москве и Киеве, но и во многих городах нашей страны теннис входит в жизнь нашей молодежи. Эта красивая, стремительная игра с каждым годом завоевывает все большую популярность в нашей стране. Теннис из спорта привилегированного, из модного кастового вида спорта превращается в массовый.

Лучшую теннисную базу в Союзе получили рижане. В одном из красивейших мест города, в Межапарке, на берегу Тиш-озера, в чудесном сосновом бору встретятся любители теннисного спорта, в распоряжении которых девять теннисных площадок, павильон с раздевалками, комната отдыха, ракетки и мячи.

...Это был не совсем обычный турнир: дружба и юность, смелость и растущее мастерство переплелись на теннисных кортах столь тесно, что рижане не выдерживали, аплодировали от души, восхищаясь атакующим, темпераментным стилем молодых игроков, и, казалось, сами молодели.

На турнирах, где идет в наступление молодежь, все волнующе интересно!

Турнир проводился по олимпийской системе, что внесло особую остроту, а участие в поединках опытных спортсменов было полезно и поучительно для молодых. Нелегко выиграть у таких мастеров ракетки, неоднократных чемпионов СССР, как Н. Озеров, С. Андреев, В. Филиппова и Д. Преображенская,— так динамична их игра, так зрела тактика.

В воскресенье при переполненных трибунах состоялись финальные игры. В женском одиночном разряде встретились Анна Дмитриева (Советский Союз) и Клара Бардоци, одна из сильнейших теннисисток Венгрии. Вновь, как и в прошлом году, победила советская спортсменка.

В финале мужского одиночного разряда встретились Томас Лейус (Советский Союз) и неоднократный чемпион Румынии Георге Визиру. В трех партиях (6 : 2; 6 : 0; 6 : 4) победил Т. Лейус. Он снова стал обладателем приза.

Очень интересной была финальная игра в смешанном разряде, где И. Рязанова и Т. Лейус играли против А. Дмитриевой и А. Потанина. Первая партия за Дмитриевой и Потаниным, вторая — за Рязановой и Лейус. В решающей партии при счете 5 : 4 Дмитриева и Потанин имели возможность дважды закончить игру в свою пользу. Однако, лишь ценой больших усилий они вырвали победу со счетом 8 : 6.

И хотя теннис не мой конек, но я беру на себя смелость (да простят мне теннисные специалисты!) сказать, что Потанин показал себя большим мастером парных игр, выиграв два парных разряда.

Все первые места — за участниками команды Советского Союза. Победители награждены переходящим призом Совета Министров Латвийской ССР, ценными подарками и дипломами.

Это первый весенний старт. Не все участники в хорошей спортивной форме, но основные соревнования и международные встречи впереди. Турнир был хорошей репетицией.

Римма ЖУКОВА,
заслуженный мастер спорта, специальный корреспондент «Огонька»

Рига.

Общий вид нового теннисного стадиона в Риге.

Фото З. Межавилкс.

Новый столичный почтамт

Сто сорок семь тысяч посылок, миллион писем и сто тысяч бандеролей будет «обрабатывать» ежедневно Московский железнодорожный почтамт, строительство которого начали недавно в столице. В оживленную строительную площадку превратился целый квартал возле Комсомольской площади, примыкающий к путям Казанского вокзала. Общая площадь нового почтамта — двести двадцать тысяч квадратных метров, высота — двадцать этажей.

Представим себе такую картину.

Запыленный, прогретый жарким среднеазиатским солнцем вагон только что прибыл в Москву. И вот, отцепленный от своего состава, тяжелый пульман с эмблемами почты на голубых бортах

Шагай, бригада!

На Московском заводе имени Владимира Ильича кончилась смена... Вот идет бригада С. А. Власова — бодро шагают люди после дня напряженной работы. Впереди отдых, впереди учеба.

У них дела хороши, и недаром им присвоили звание бригады коммунистического труда. А теперь уже весь участок старшего мастера коммуниста А. Я. Позднякова, на котором работает бригада, вступил в соревнование за звание коллектива коммунистического труда.

Руководителя участка мастера А. Я. Позднякова избрали на Всесоюзное совещание, которое состоится 27 мая в Большом Кремлевском дворце и на которое соберутся лучшие передовики соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда. Привет им, разведчикам будущего!

Фото А. Узляна.

плавно покатился по рельсам подъездных путей...

Приняв вагон, диспетчер сразу же поставит его под разгрузку. На пятый и шестой этажи уедут письма, подхваченные вертикальными транспортерами, на четвертый попадут бандероли, на второй отправятся посылки.

Много механических помощников будет здесь у московских связистов. Посылочный полуавтомат с программным управлением, получив приказ оператора, сам уложит коробки и ящики по ячейкам. Молотки-штемпеля заменит «штемпельная» машина, работу десятков рук возьмет на себя «пачковальный» агрегат.

Диспетчер почтамта сможет не только слышать, как идет работа в цехах-этажах, но и видеть это: установка телевидения, селектор и телефон свяжут «пультовую» комнату со всеми этажами.

Все поточные линии нового железнодорожного почтамта рассчитаны на применение в дальнейшем электронно-счетных установок.

Ю. БАССЕЙН

«СЕРЕБРЯНАЯ КОРЗИНА» ОСТАЕТСЯ В РИГЕ

Ригу за ее красоту и памятники старины по праву называют городом-музеем. Нынешней весной его «фонды» пополнились двумя новыми «экспонатами» — кубками европейских чемпионов по баскетболу. У женщин их завоевали спортсменки команды трамвайно-троллейбусного треста (ТТТ), у мужчин — армейцы.

Причем судьба «мужского трофея» решилась лишь в минувшее воскресенье, 15 мая. Сотни рижан пришли в спортзал «Динамо», чтобы узнать, как решится судьба большой серебряной баскетбольной корзины.

Три года назад французская спортивная газета «Экип» учредила эту «корзину» в качестве Кубка европейских чемпионов. Дважды, в 1958 и 1959 годах, приз континента доставался армейцам Риги.

Семь месяцев назад с новой силой разгорелся на площадках Европы спор за «серебряную корзину». Ее хозяева до последних дней не знали, откуда последует грозное «иду на вы»: от «варягов» или от земляков-соперников. Наконец из Варшавы пришла радостная для всех советских болельщиков весть. Динамовцы Тбилиси, обыграв в полуфинале местную «Полонию», окончательно закрепили за кубком советское «гражданство». Оставалось решить только вопрос республиканской «прописки» приза.

И вот в солнечную Грузию 10 мая прибыли рижские армейцы, чтобы отстоять целостность «рижского дубля» и оставить у себя на хранение оба кубка. Тбилисцы, как известно, потерпели тогда поражение со счетом 51 : 61.

Вот почему во второй игре в Риге южанам нужна была не только победа, но победа с разрывом не менее чем в 11 очков.

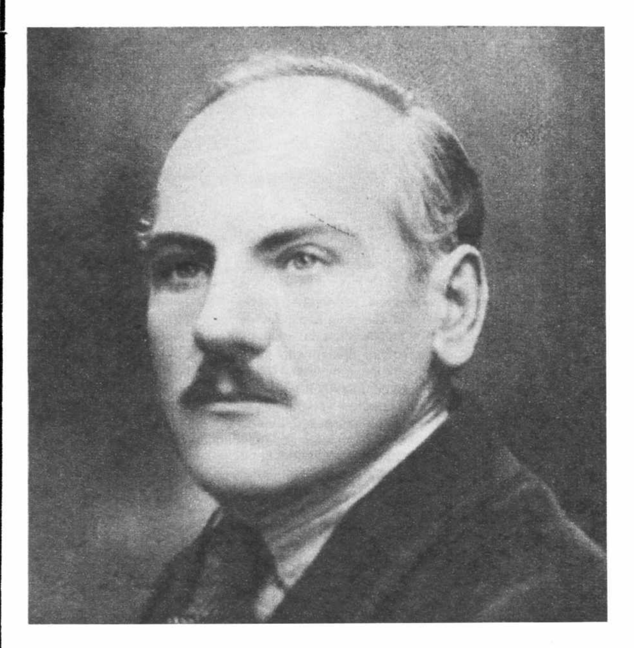
Инициативу сразу берут армейцы. Они легко выигрывают первый тайм — 32 : 24. Легкость успеха их успокаивает. И вот уже южане сокращают разрыв до четырех очков — 37 : 41. На местах зрителей особенно волнуется чемпион мира Михаил Таль, постоянный посетитель баскетбольных соревнований. Но вот он просиял: Гулбис дважды добивается успеха. Мяч за мячом посылает в кольцо латышский гигант Круминьш, забивший 28 очков. Гонг останавливает встречу при счете 69 : 62 в пользу рижан. «Серебряная корзина» остается дома.

Вручал приз генеральный секретарь ФИБА господин Джонс, заявивший при этом:

— Выиграв в третий раз подряд Кубок Европы, команда спортивного клуба армии, так же как и спортсменки «ТТТ», доказала, что Рига — столица баскетбола!

П. МИХАЛЕВ

На снимке: Кубок европейских чемпионов.

ЖИЗНЬ БОРЦА

К 75-летию со дня рождения Н. В. Крыленко

Когда я вспоминаю Николая Васильевича Крыленко, передо мной встает образ жизнерадостного и жизнелюбивого, многогранного и талантливого человека, целеустремленного, темпераментного, нашедшего свое высокое призвание в революционной борьбе.

Я помню его еще юношей-гимназистом. Детская память сохранила образ Коли Крыленко — он стоит посредине комнаты, возбужденный, с горящими глазами, и читает революционные стихи. Это было у нас на квартире в городе Люблине. Наши семьи были дружны, а мой старший брат учился в одном классе с Николаем Васильевичем.

С 1904 года Н. В. Крыленко — коммунист. Вся его жизнь — борьба. Он один из руководителей студенческого революционного движения. Подпольщик, которому Владимир Ильич доверил трудное дело — организовать переправу через австрийскую границу политэмигрантов и революционной литературы. Корреспондент большевистских газет «Звезда» и «Правда». Своего рода «сведущее лицо», консультант при думской фракции социал-демократов. Таковы первые шаги в революции коммуниста Николая Васильевича Крыленко. И на каждом шагу его подстерегала опасность.

Кто хорошо знал его, всегда поражался тому, как часто он «оставлял с носом» полицию и жандармов. От арестов он уходил прямо-таки виртуозно. Уходил, чтобы появиться в другом месте и вновь продолжать борьбу.

И все же в ноябре 1915 года Крыленко арестовывают и бросают в тюрьму. Впрочем, вскоре к нему решили применить новый, довольно своеобразный вид репрессии — из тюрьмы направили в действующую армию. Здесь во всю силу проявился талант Крыленко-агитатора.

И вот Октябрь 1917 года. Н. В. Крыленко — член Военно-Революционного комитета. Образ прапорщика Крыленко вошел в историю как одна из ярких фигур Октябрьской революции. Джон Рид в книге «10 дней, которые потрясли мир» скупо, но точно нарисовал этот образ: «...коренастый, широколицый человек в военной форме без погон. Казалось, он улыбался, но, присмотревшись, можно было догадаться, что его улыбка — это просто гримаса бесконечной усталости».

Да, он не спал по нескольку суток, валился с ног от усталости, но где только не появлялся в эти исторические дни Н. В. Крыленко!

После отказа генерала Духонина выполнить распоряжение Советского правительства — прекратить военные действия и начать переговоры с немцами — Николай Васильевич назначается Верховным Главнокомандующим войск молодой Советской республики.

В марте 1918 года партия направляет Н. В. Крыленко на ответственную работу в Наркомат юстиции. В 1922 году Крыленко — председатель пленума Верховного трибунала при ВЦИК. назначается заместителем наркома юстиции РСФСР, затем — прокурором Республики. В 1936 году Н. В. Крыленко назначается народным комиссаром юстиции.

Крыленко выступал обвинителем на всех крупнейших политических процессах 20-х и начала 30-х годов. Это были блестящие выступления, глубоко партийные, проникнутые политической страстностью, сцементированные несокрушимой логикой.

Когда он выступал перед судом, было в нем что-то от того юноши, который много лет назад читал революционные стихи, — те же молодые горящие глаза и убежденность, звучащая в каждом слове.

Он всегда и во всем был такой. Крыленко принадлежал к числу людей, которые не могут не увлекаться своей работой. Даже отдыхал он с какой-то крыленковской увлеченностью: очень любил шахматы, туризм, альпинизм, охоту.

Недавно в Музее революции состоялось большое заседание, посвященное 75-летию со дня рождения Николая Васильевича Крыленко. И перед всеми, кто присутствовал на этом заседании, еще раз прошла трудная жизнь пламенного революционера-большевика, патриота, талантливого ученого, замечательного человека.

С. ПЕТРИКОВСКИЙ, генерал-майор.

Из зала суда

ДВОЙНАЯ ПЕ

В. ШАПОШНИКОВА

Со дня преступления прошло несколько месяцев. Это были месяцы, когда следствие кропотливо вело работу: оно проверяло факты, допрашивало свидетелей и арестованных, сопоставляло показания, документы до тех пор, пока не раскрылись полностью все обстоятельства этого сложного и запутанного дела. Я познакомилась с ним еще до того, как следствие было закончено.

В редакцию пришла женщина с настороженным взглядом светлых глаз.

— Сын у меня в тюрьме. Двадцать пять лет, а четыре судимости. Устала, измучилась. Что делать, как быть? — сказала она.

Мы вышли на улицу и долго ходили по старым, извилистым переулкам. Она рассказывала о сыне своем и слово за словом раскрывала картину преступной жизни Владимира Ломоносова.

Тяжелым было начало этой исковерканной жизни. Вовку на Абельмановской знали многие. Безнадзорный, заброшенный, он болтался без дела. Ругался, курил, подражая нравам оголтелой ватаги голубятников, наводящих страх на мирных жителей. Часто бывало и так: избитый пьяным отцом, он сидел на ступеньках лестницы, ожидая, когда возвратится с работы мать. Шли мимо люди. Маленький заброшенный человек провожал их недобрым взглядом.

Соседей не удивило, что Вовку поймали с оружием. Мать, отпросившись с работы, бегала, хлопотала, доказывала, как могла, что сын не виноват, что причина тут в его безнадзорности и в том, что не было доброго, разумного воспитания. Она этого воспитания дать не могла: на ее плечах двое детей и больной, опустившийся муж.

Сына осудили. Ожидаемых результатов это не принесло. Домой он вернулся «со связями». Не прошло полугода, опять очутился на скамье подсудимых. А затем еще раз.

— Где же выход? — с тоскою спрашивала женщина.— Неужели нельзя спасти человека? Он еще молодой.— И ждала ответа.

А что ей можно было ответить? Как оправдывать рецидивиста? Ведь никто не закрывал ему пути к честной жизни! Почему же он продолжал преступную жизнь?

Мать, помолчав, продолжала:

— В последний раз он вернулся, устроился на работу, по утрам уходил. Приносил получки. Я надеялась: наконец-то взялся за ум! Подошел мой отпуск. Уехала отдыхать. За многие годы будто немножечко успокоилась. И вдруг телеграмма: сын снова пытался залезть к кому-то в карман.

Женщина больше не плакала. В лице ее появилось что-то жесткое, холодное.

Она заговорила совсем о другом. Я слушала с недоумением: зачем она это рассказывает? Страстная непримиримость и осуждение звучали в ее голосе. Будто она и забыла о сыне. Но вот между делом ее сына и другим уголовным делом — о взятке — появилась связь.

Это было новое звено, новая, более сложная петля преступлений. Она стягивала уже нескольких людей и вела на большую подмосковную станцию Перерва...

Над серыми, раскатанными до блеска рельсами большой узловой станции тянется длинный мост. Он упирается в улицу, на которой стоит невысокое здание управления строительно-монтажного поезда № 300. На обширном прилегающем к зданию дворе выстроились десятки автомашин. На многих из них смонтированы подъемные краны, телескопические вышки. На огромных деревянных катушках намотан мягкий свинцовый кабель. Крытые фургоны технической помощи, выезжая отсюда, направляются в районы Московской области, в Курскую область и даже в Сибирь. Там работники поезда монтируют и пускают в ход небольшие электрические станции, тянут над землей провода.

Работники поезда живут трудно: всегда на колесах, в вагонах-теплушках, подолгу оторваны от семей, от дома, от привычных удобств. В кино пойти и то не всегда удается.

Специфика полевых условий, сезонность работ, текучесть рабочей силы — благодатная это была почва для злоупотреблений, которые допускал прораб одного из участков Г. Чернышев.

...Поначалу это даже выглядело как проявление особого человеколюбия: Чернышев, принимая людей на работу, благоволил к тем, кто вернулся из мест заключения.

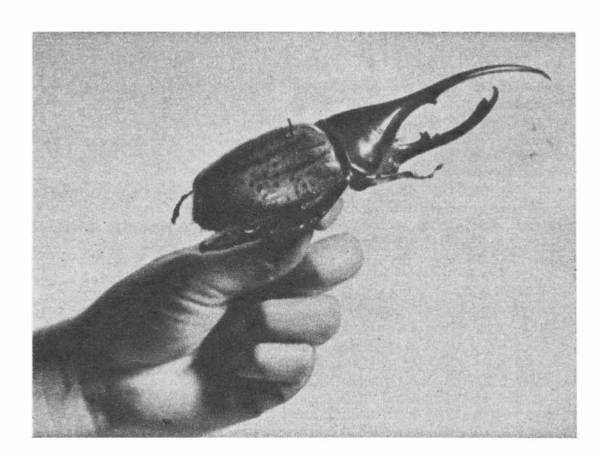
Нет, это не был акт гуманности. Чернышев не был для этих людей строгим товарищем и педагогом, помогающим им прочно встать на ноги. Он не стремился к тому, чтобы они познали радость честного труда и заняли достойное место в обществе.

Прораб вообще не стремился, чтобы они работали, и требовал лишь одного. Дважды в месяц они появлялись в невысоком домике управления поезда и, расписавшись в ведомости на зарплату, тут же передавали деньги ему, Чернышеву. Это была мзда за справку с места работы, столь необходимую людям без определенных занятий. Справка как бы узаконивала их преступную жизнь и при случае давала необходимое алиби.

Сколько денег получил Чернышев таким образом, неизвестно. Владимир Ломоносов свою «зарплату» вручал ему дважды. За третьей, к удивлению прораба, он не пришел.

Отыскав в личном деле телефон Ломоносова, Чернышев позвонил ему и узнал от матери, что сын ее арестован. Удивление прораба уступило место тревоге. Что он успел продумать за те короткие минуты, пока держал телефонную трубку?

Сейчас, когда дело раскрылось

ДВА МИЛЛИОНА НАХОДОК

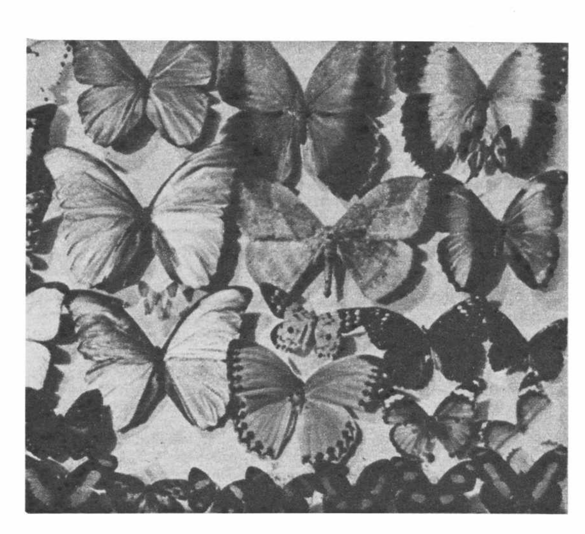
Трудно представить сразу два миллиона насекомых. Но именно с такой многочисленной компанией вас может познакомить московский ученый Н. Н. Филиппов, страстный путешественник и энтомолог — охотник за насекомыми. В застекленных ящиках — большие, с голубя величиной, синекрылые бабочки Индонезии и различимые лишь в бинокулярный микроскоп «божьи коровки» из Китая и Японии, экзотические жуки-«носороги» и крошечные, похожие на бронзовые шарики жуки из Йемена.

С поисками многих насекомых связаны опасные приключения. Однажды, когда Филиппов осторожно тянулся сачком к сероватому клопику из семейства тингис, рядом угрожающе зашипела змея. Энтомолог знал, что укус ее через полчаса приводит к смерти. Но ведь ученый был уверен, что этот вид тингисов встречается лишь в Индии, он не ожидал увидеть его в Греции. Сачок накрыл насекомое, и в тот же момент Филиппов вздрогнул от боли: на руке остался след змеиных зубов. Энтомолог вырезал скальпелем пораженное место, туго замотал кисть платком. Через час, побывав в ближайшей греческой аптеке, Филиппов тщательно исследовал насекомое. Сомнений не оставалось: оно принадлежало к индийскому виду тингисов.

Пестро окрашенная бабочка напоминает о встрече в джунглях Бенгалии. Высвободив красивое насекомое из тенет древесного паука, Филиппов почувствовал чей-то пристальный взгляд. Обернувшись, он замер. Неподалеку лежала пантера. Потянувшись и обнажив в зевке клыки, хищница вскочила и исчезла в зарослях...

Поиски приводили невысокого, худощавого, вооруженного лишь сачком человека в пески Аравии, на горные плато Афганистана, на Курильские острова. Разведки Филиппова на отвесных скалах в Охотском море (ученый осматривал гнезда бакланов) помогли выяснить закономерности в жизни клещей, распространявших страшную болезнь. Филиппов и другие энтомологи нашли эффективные методы уничтожения картофельных жуков кокцинеллид, таких же злейших врагов культурных растений, как и колорадский жук.

Ю. ГУРЬЕВ
Фото А. Сорокина.

«Внимание! Можете заработать 5000 долларов!»

Джек БАДФОРД,
американский писатель

Денби прочитал однажды в газете следующее объявление:

«Хотите вы заработать пять тысяч долларов? Напишите нам, какие новые качества нашли вы в «Соде Флайтуло».

— А что такое эта «Сода Флайтуло»? — спросил он свою жену.

— Многие женщины кладут ее в тесто.

— Понимаю! — произнес Денби. Он немного подумал, и так как делать ему было нечего, то сел за стол и написал в очень образных выражениях, как «Сода Флайтуло» спасла ему жизнь.

Потом он об этом забыл. А спустя некоторое время вечером кто-то позвонил в дверь его квартиры.

— Я к вам от фирмы «Сода

...ТАЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

во всех его сложных перипетиях, можно представить пути, по которым металась мысль Чернышева. Вероятно, уже тогда он почувствовал: тучи сгущаются. Если человек задержан на месте преступления, его будут судить, уточнять, как он, работник поезда, числящийся на участке где-то возле Волоколамска, очутился в Москве, в Куйбышевском районе? И тогда на суде может все раскрыться!.. Как отвести от себя опасность?

Только минуту длилось молчание в трубке. И вдруг Ломоносова услышала слова, которые пробудили в ней надежду.

— Ну что же,— сказал прораб.— Мы можем взять парня на поруки. Приезжайте, потолкуем...

События разворачивались быстро. Чернышев выбирает сообщника. Вместе с ним, в обход всех порядков, без собрания коллектива они стряпают характеристику на Ломоносова.

В этой фальшивке Ломоносов наделяется только положительными качествами. Прикрываясь именем администрации поезда, партийной и профсоюзной организаций, Чернышев и его сообщник — заместитель начальника поезда А. Романенков — «ходатайствуют» перед судом об освобождении рецидивиста от наказания.

Пользуясь своим должностным авторитетом, как бы невзначай Романенков подсовывает «документ» на подпись. Главный инженер Е. Афанасьев, человек деликатный и мягкий, не задумываясь, ставит подпись вместо начальника поезда. Председатель месткома мастер В. Княжев тоже «не посмел» отказать начальнику. Ставится печать, чьим-то детским почерком выводится недостающая подпись секретаря парторганизации. И никто не изъявил желания хотя бы взглянуть на Ломоносова, поинтересоваться образом его жизни и мыслей.

И если Чернышев пошел на все это из-за боязни разоблачения, то Романенковым руководили другие мотивы. Он любит выпить. Ему нужны деньги. Чернышев поручил Романенкову: «Скажи Ломоносовой, пусть гонит пять тысяч».

И вот начинается вымогательство. Ломоносову уговаривают, просят, запугивают: «Не дашь задаток, не будет и поручительства».

Она бегает, мечется. Едет к адвокату, а потом вручает Романенкову задаток, первую тысячу рублей из пяти...

Разоблачение пришло именно так, как и опасался Чернышев: во время суда над Ломоносовым. Казалось, сообщники предусмотрели все, но недаром говорят юристы: любое преступление всегда оставляет улики. Эта улика — взятка, вторая тысяча рублей — лежала в кармане Чернышева. Произнося свою хвалебную речь, он ощупывал хрустящие бумажки, полученные от Ломоносовой здесь же, в коридоре суда. Борясь за спасение сына, она сама пошла на преступление. Но одумалась. Она увидела отвратительное лицо преступности и решила разоблачить негодяев.

Я не думаю, что ею руководило высокое чувство гражданской непримиримости ко злу. Скорее это был неосознанный, стихийный протест. И это чувство оказалось сильнее инстинкта матери.

Сын Ломоносовой был осужден в четвертый раз. Но и другие преступники не ушли от возмездия. Из поручителей Чернышев и Романенков превратились в подследственных, а затем в подсудимых. И суд второго участка Куйбышевского района Москвы решил провести выездную сессию, чтобы предать широкой огласке это чрезвычайное дело, это двойное преступление: вымогательство и получение взятки и покушение на очень гуманное в судебной практике явление — институт порук.

Три дня продолжался процесс. И все это время помещение клуба шестой жилищно-эксплуатационной конторы было переполнено.

После острых столкновений прокурора и защиты, после многих экскурсов в область истории и теории права был вынесен приговор. Чернышев и Романенков получили, как говорится, по заслугам.

В суде выступал общественный защитник. Его просьба передать преступников коллективу поезда на поруки прозвучала как злой каламбур. В этом ходатайстве было отказано.

Итак, судебный процесс закончен. Осужденных увели, но люди разошлись не сразу.

Преступление нанесло травму и близким преступников и коллективу, на который пала тень.

И невольно возникает вопрос: как же это могло случиться? Общественность все больше сознает свою роль в переустройстве жизни. Все шире становятся формы участия общественности в управлении государством. Начали активнее действовать товарищеские суды, все больше людей принимает участие в работе различных комиссий при исполкомах Советов. Наконец, появилась новая замечательная форма общественного движения — институт порук. И вот по какой-то иронии фактов Ломоносову предложили поручительство, надругавшись над самым высоким смыслом его. Еще не окрепло как следует, не укоренилось замечательное общественное движение, а уже к нему потянулись корыстные, грязные лапы.

И уж если говорить о профилактике, то кому как не общественности здесь принадлежит главная роль! Разве окружающие не знали, не видели, что Чернышев и Романенков не решали ни одного серьезного дела без водки?

Сейчас все говорят, что за Чернышевым давно укрепилась неважная репутация. Его хотели даже уволить. Но дело ведь не в том, уволили Чернышева или нет, избавились от слабого человека или нет. Дело в слабости общественного мнения, позволившего зародиться и созреть преступлению.

Флайтуло»,— представился посетитель,— и принес вам премию в пять тысяч долларов. Кроме того, мне нужна ваша фотокарточка для печати. Вот чек.

В последующие дни портрет Денби появился во всех самых крупных газетах Америки. Некоторые напечатали даже рентгеновские снимки желудка Денби до и после употребления «Соды Флайтуло». Одна провинциальная газета опубликовала стыдливое признание жены Денби, что раньше муж каждый вечер избивал ее. Его раздраженное состояние объяснялось плохим пищеварением. «Сода Флайтуло» в корне изменила его характер, и теперь каждый день, приходя домой, мистер Денби целует свою жену. Фотоснимок с поцелуем служил документальным подтверждением этому признанию.

Дело зашло так далеко, что Денби, спасаясь от интереса, проявляемого к нему общественностью, вынужден был сбежать в какой-то отдаленный городишко и переменить фамилию. Каждый раз, когда он наталкивался в газете на объявление фирмы «Сода Флайтуло», с ним случался нервный припадок. С надорванным здоровьем вернулся он в Нью-Йорк.

Он пошел к известному специалисту. Специалист обследовал его с необычайно важным видом.

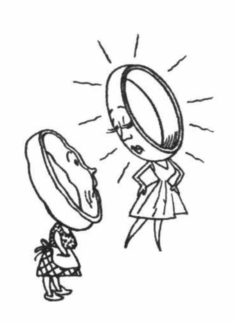
— Знаете ли, мой дорогой друг,— произнес он в предвкушении большого гонорара,— у вас нет ничего серьезного, но все же вам следует вести себя осмотрительно. На ваше физическое самочувствие влияет ваше душевное состояние. Иначе говоря, какое-то сильное волнение, которое, судя по всему, вы пережили, обусловливает ваше нынешнее физическое недомогание. Мне известно одно лишь средство, способное вам помочь. Это «Сода Флайтуло».

Суду врач сумел доказать, что телесные повреждения, которые он получил, им спровоцированы не были.

СКАЗКИ О ВЕЩАХ

Ф. КРИВИН

Золото

Золотое обручальное Кольцо подолгу не засиживается на месте. На одном пальце поживет, а там, глядишь, к другому переметнется. И всюду его встречают радостью, а провожают слезами.

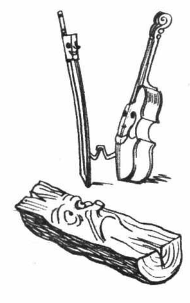
А Медное Кольцо все на одном пальце сидит, и его, кажется, никто не замечает.

«Кому я такое нужно! — огорчается Медное Кольцо.— Медь — это всегда медь, а золото — всегда золото.

И все же не хотело бы я быть на месте Золотого Кольца,— решает оно, рассудив как следует.— Лучше уж своим дорожить, чем ходить по рукам, за чужое цепляться».

Подумает так Медное Кольцо и еще крепче ухватится за свой палец.

Колода

Нет, не может понять Скрипку Колода.

— Если бы у меня был такой мягкий, красивый футляр, я бы его ни на какие смычки не променяла. И что в этом Смычке Скрипка находит? Только и знает, что пилит ее, а она еще радуется, веселится! Если бы меня так пилили...

Пожалуй, в этом Колода права: если бы пилили ее, все было бы совсем иначе.

Цепи

Лишь только колодезный Ворот начинает скрипеть, Бадья не выдерживает и со всей высоты бросается в воду.

«Лучше утопиться, чем так жить»,— думает она.

А Ворот, хорошо искушенный в капризном характере своей подруги, думает: «Ну и топись! Без тебя хоть вздохну свободнее».

Проходит минута — Бадья не подает никаких признаков жизни. «Утонет еще, чего доброго! — тревожится Ворот.— Да и я виноват, разошелся слишком».

И Ворот, тужась и кряхтя, вытаскивает Бадью, освобождает ее от воды, которой она порядочно нахлебалась, и клянется в дальнейшем крепко держать Бадью, не давать ей спуску.

Но не проходит и нескольких минут, как все начинается сначала.

«Дернуло же меня связаться с этой Бадьей,— скрипит Ворот.— Совсем закрутился с ней. Ох, эти проклятые цепи!

Правда, если разобраться,— продолжает он рассуждать,— я тоже виноват. Разошелся слишком. Надо вытащить, а то утонет еще, чего доброго!»

Сильный аргумент

Мелок трудился вовсю. Он что-то писал, чертил, подсчитывал, а когда заполнил всю доску, отошел в сторону, спрашивая у окружающих:

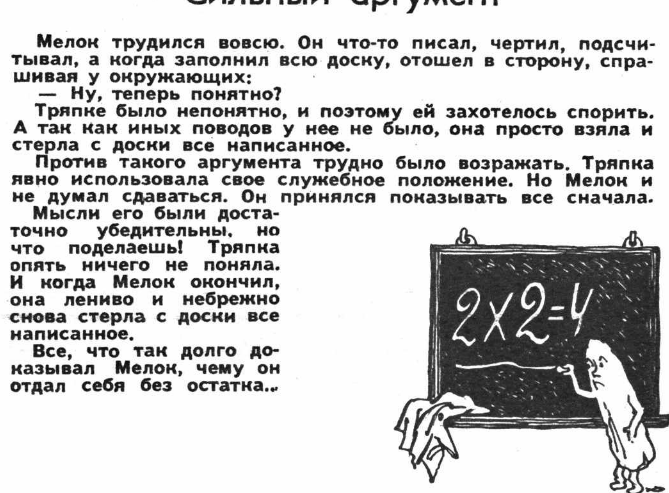
— Ну, теперь понятно?

Тряпке было непонятно, и поэтому ей захотелось спорить. А так как иных поводов у нее не было, она просто взяла и стерла с доски все написанное.

Против такого аргумента трудно было возражать. Тряпка явно использовала свое служебное положение. Но Мелок и не думал сдаваться. Он принялся показывать все сначала.

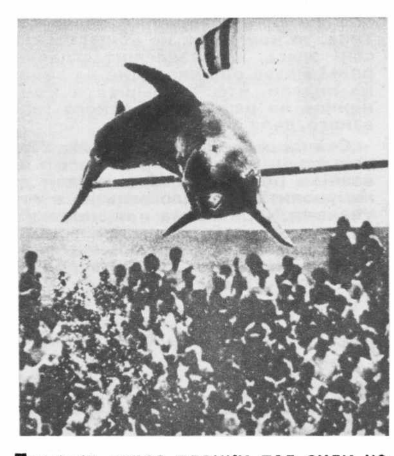
Мысли его были достаточно убедительны, но что поделаешь! Тряпка опять ничего не поняла. И когда Мелок окончил, она лениво и небрежно снова стерла с доски все написанное.

Все, что так долго доказывал Мелок, чему он отдал себя без остатка...

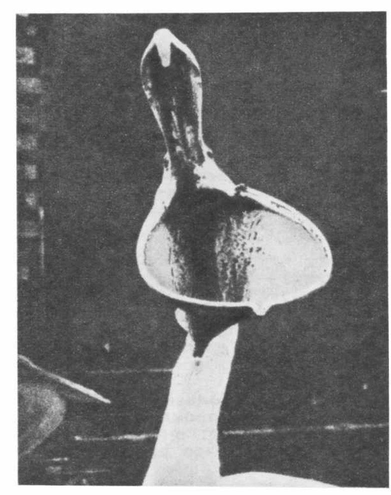

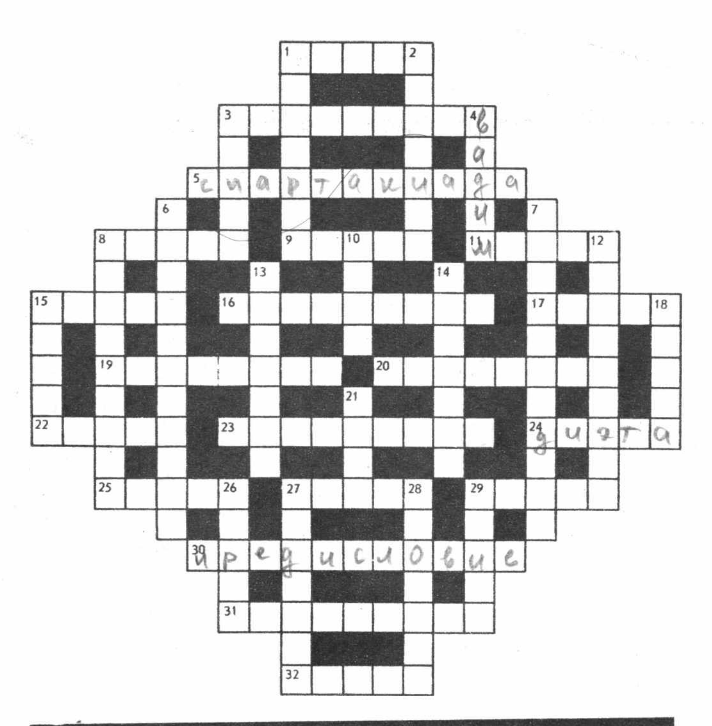
Не многим приходилось видеть, как обедает хамелеон. Однако одному настойчивому фотографу после двадцати бесплодных попыток все же удалось запечатлеть этот редкий момент: хамелеон хватает кончиком языка муху из рук человека.

Прыжок через планку под силу не только человеку. В Мерилендском океанариуме США этим спортом увлекаются дельфины. На глазах изумленной публики дельфин преодолевает планку, установленную на высоте 2,5 метра!

Что за странная воронка? Да это раскрыл клюв один из обитателей Штутгартского зоопарка — пеликан.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Гора на Северном Кавказе. 3. Рассказ М. Горького. 5. Физкультурный праздник. 8. Денежная единица ряда европейских стран. 9. Вьющееся растение. 11. Инструмент для разметки углов. 15. Головной убор. 16. Норвежский порт. 17. Прозрачная ткань. 19. Государство в Южной Америке. 20. Тригонометрическая функция. 22. Крупная антилопа. 23. Полуостров в Азии. 24. Режим питания. 25. Старинный центр металлургии в России. 27. Русская народная песня. 29. Стержень для соединения деталей. 30. Дополнение автора к художественному произведению. 31. Птица с длинными ногами. 32. Плод кустарников и трав.

По вертикали:

1. Составная часть горных пород и руд. 2. Историческое название Западной Грузии. 3. Ядра кокосового ореха. 4. Роман М. Ю. Лермонтова. 6. Талон, заменяющий билет. 7. Драгоценный камень. 8. Персонаж «Педагогической поэмы» А. Макаренко. 10. Скотовод в Монголии. 12. Помощник специалиста. 13. Горизонтальная подземная выработка. 14. Советский минералог и геохимик. 15. Расположение войск на отдых. 18. Приток Амазонки. 21. Герой греческой мифологии. 26. Объявление о предстоящих спектаклях, концертах. 27. Река, впадающая в Псковское озеро. 28. Предмет больших размеров. 29. Безветрие, затишье.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 20

По горизонтали:

1. Григ. 3. Пила. 4. Алоэ. 6. Айни. 7. Казачок. 8. Лазарев. 10. Ординатура. 11. Парсек. 13. Декарт. 16. Саламандра. 19. Образцов. 20. Кантемир. 21. Константан. 25. Курага. 27. Основа. 29. Решетников. 30. Кунцево. 31. Ньюкасл. 32. Сено. 33. Ассо. 34. Терн. 35. Путь.

По вертикали:

1. Галактика. 2. Гамильтон. 3. Парадокс. 5. Эстакада. 7. Кадр. 9. Ваза. 11. Паводок. 12. Саванна. 14. Камерун. 15. Таврида. 17. Левин. 18. Дукат. 21. Карацупа. 22. Стетоскоп. 23. Наивность. 24. Новокаин. 26. Риск. 28. Орел.

На первой странице обложки: Комсомолка выпускница Московского педагогического училища Галина Петрова первый год преподает в новой школе-интернате № 57 Краснопресненского района Москвы. Питомцы Галины переходят в третий класс, а она сама будет сдавать экзамены в педагогический институт.

Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Подмосковье.

Фото В. Рождественского.

Двадцать лет назад появились первые агитационные листы под названием «Боевой карандаш». Их стали выпускать ленинградские художники и поэты. В грохоте орудий Великой Отечественной войны складывался коллектив «Боевого карандаша». Его ядром были художники И. Астапов, Н. Быльев, Г. Верейский, В. Гальба, В. Курдов, Н. Муратов, Ю. Петров, В. Серов, Н. Тырса; тексты писали поэты Николай Тихонов, Виссарион Саянов, Александр Прокофьев, Наталья Дилакторская, Сергей Спасский, Борис Тимофеев. Во время блокады защитникам Ленинграда была хорошо знакома марка на плакатах: палитра и винтовка с примкнутым, как штык, карандашом. Эту марку знали и гитлеровцы. В дни жестоких осенних боев 1941 года фашисты обещали повесить художников «Боевого карандаша» после взятия Ленинграда. Разящие врага рисунки продолжали выходить. А когда миновали 900 дней героической обороны Ленинграда, советские танки двинулись на запад, неся на броне плакаты с призывом: «Очистим родную землю от гитлеровской нечисти!»

Сменилась марка «Боевого карандаша»: с палитры исчезла винтовка. Но по-прежнему метко нацелен карандаш сатириков, коллектив которых пополнился новыми именами.

«Боевой карандаш» шагает в ногу с жизнью.

В. МАТАФОНОВ

Дружеский шарж на редактора «Боевого карандаша» И. Астапова.

Рисунок В. Гальбы.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный—Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы—Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото—Д 3-35-48; Оформления—Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05805 Подписано к печати 18/V 1960 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000 экз. Изд. № 611 Заказ № 1267.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Художник А. Давыдов.

НАШ ПОДЪЕМ

Слово партии нашей даем:
Металлурги осилят подъем!
Дяде Сэму немало тревог
Принесет семилетки рывок.

ТЕЛЯЧИЙ ВОСТОРГ

— Умерьте восторги, наивные крошки:
От этакой пищи протянете ножки.

Художник В. Гальба.

ЭТОТ ВИРУС ИЗ ЛЕНИ ВЫРОС

Бессильна медицина перед ним.
В порядке легкие, и сердце тоже в норме.
Короче говоря, страдает он одним:
Потерей совести в довольно острой форме.

Художник Г. Ковенчук.

БОЕВОЙ КАРАНДАШ

КаНАТОходцы

Ходит НАТО по канату,
Хочет НАТО страх нагнать.
Эти трюки могут НАТО
В результате доконать.

Художник М. Мазрухо.

Цена номера 3 руб.